

Выпуск № 1, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2023. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2023. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zhrebina, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В.** Первый (берлинский) послевоенный съезд немецких писателей (1947) 5
- Селютина Е.А.** К вопросу о стратегиях самопрезентации автора в современном литературном процессе (На материале литературных интервью Е. Некрасовой) 22

Языкознание

- Григорян А.А.** Еще раз об английских артиклях 31
- Гурова И.В.** Отонимные дериваты с компонентом *-гейт* в славянских языках 36
- Маник С.А., Корытова Д.В.** Когнитивная метафора в медицинской терминологии в англоязычных СМИ 46
- Ухова А.С.** Гендерные стереотипы о женщине в немецком юмористическом медиадискурсе 55

История

- Евсеев В.А., Филиппова А.И.** Пропаганда эпохи Войн Роз. Образы двух королей в анонимной хронике «История прибытия короля Эдуарда IV в Англию» 65
- Зверев В.О., Цепилов А.Е.** Борьба с воздушной разведкой противника на западе Российской империи (1912—1915 гг.) 77
- Комиссаров В.В.** Приемы и методы противодействия паранаучным публикациям в СССР в 1960 — начале 1980-х гг. 86
- Некрасевич Ф.А.** Особенности военной службы евреев в вооруженных силах Российской империи (1827—1874 гг.) 98
- Потапов С.А.** Проблема «второго фронта» в стратегическом мышлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.) 107
- Юдин К.А.** Метаморфозы «холодного потепления»: советско-американские культурные связи в конце 1950 — начале 1960-х гг. 117

Философия

- Тайсина Э.А.** Два уровня и способа описания сознания в формате экзистенциального материализма 129
- Шимельфениг О.В.** Типология картин мира 139
- Абрамов П.Д., Абрамова А.И.** Эффект обзора: целостность бытия и гуманистическая трансформация человека 147
- Лоскутов Ю.В.** Кризис частной интеллектуальной собственности и всеобщий интеллект 157
- Николаева А.С.** Региональный медиадискурс и мозаичность массового политического сознания в эпоху COVID-19 167

Рецензии

- Денисов К.М., Карпова О.М.** Наведение научных мостов через бурный поток времени *Рец. на кн.*: Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 4 / отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2022. 440 с. 179

- Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»* 188

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Zatshevsky E.A., Kudryavtseva T.V.** The First (Berlin) Post-war Congress of German Writers (1947) 5
- Selyutina E.A.** On the issue of the author's self-presentation strategies in the modern literary process (Based on the material of literary interviews by E. Nekrasova) 22

Linguistics

- Grigoryan A.A.** English articles (Revisited) 31
- Gurova I.V.** Autonomous derivatives with the *-gate* component in Slavic languages 36
- Manik S.A., Korytova D.V.** Cognitive metaphor in medical terminology in English media 46
- Ukhova A.S.** Gender stereotypes about women in German humorous media discourse 55

History

- Evseev V.A., Filippova A.I.** Propaganda at the age of the Rose Wars. Images of two kings in the anonymous chronicle "The story of king Edward IV arrival in England" 65
- Zverev V.O., Tsepilov A.E.** Fighting enemy intelligence in the West of the Russian Empire (1912—1915) 77
- Komissarov V.V.** Techniques and methods of counteraction to parascientific publications in the USSR in the 1960s and early 1980s 86
- Nekrashevich Ph.A.** Distribution of military service Jews in the armed forces of the Russian Empire (1827—1874) 98
- Potapov S.A.** The problem of the Second front in the strategic thinking of F. Roosevelt and W. Churchill (November 1942 — December 1943) 107
- Yudin K.A.** Metamorphoses of "cold warming": Soviet-American cultural relations in the late 1950's — early 1960's 117

Philosophy

- Tajsin E.A.** Two levels and ways of describing consciousness in the format of existential materialism 129
- Shimelfenig O.V.** Typology of the pictures of the world 139
- Abramov P.D., Abramova A.I.** Overview effect: holism of being and humanistic transformation of a person 147
- Loskutov Yu.V.** The crisis of private intellectual property and general intellect 157
- Nikolaeva A.S.** Regional media discourse and the mosaic of mass political consciousness in the era of COVID-19 167

Reviews

- Denisov K.M., Karpova O.M.** Making scientific bridges through torrential stream of time. *Book Review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature: collective monography, iss. 4, ed. by A.V. Ivanov. Moscow: Flinta, 2023, 440 p.* 179

- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 188

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 5—21.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 5—21.

Научная статья

УДК 830(091)''1947''

DOI: 10.46726/И.2023.1.1

ПЕРВЫЙ (БЕРЛИНСКИЙ) ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЪЕЗД НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1947)

Евгений Александрович Зачевский

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, archont35@mail.ru

Тамара Викторовна Кудрявцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, muchina@yandex.ru

Аннотация. Впервые в отечественной гуманитарной науке представлено подробное исследование, посвященное подготовке и проведению Первого послевоенного съезда писателей Германии, состоявшегося в 1947 г. в Берлине. Исследование основывается на фактографическом материале (материалы съезда — документы, выступления делегатов, отклики в печати, воспоминания участников). Аналитическая оценка события предполагает привлечение широкого историко-культурного и политического контекста эпохи, что позволяет лучше понять ситуацию в поверженной Германии и отношение к случившейся трагедии немецких писателей разных поколений и политических взглядов в сравнении с позицией кураторов стран-победительниц.

Ключевые слова: литература Германии после 1945 года, литературные съезды, холодная война, демократия, литературное творчество, культурная политика, СССР, США

Для цитирования: Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В. Первый (берлинский) послевоенный съезд немецких писателей (1947) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 5—21.

© Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В., 2023

Original article

THE FIRST (BERLIN) POST-WAR CONGRESS OF GERMAN WRITERS (1947)

Evgeny A. Zatshevsky

Independent Researcher. St. Petersburg, Russian Federation, archont35@mail.ru

Tamara V. Kudryavtseva

A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, muchina@yandex.ru

Abstract. For the first time in the Russian sector of humanities, a detailed review is presented on the subject of preparation and staging the First Post-war Congress of Writers in Germany, held in 1947 in Berlin. The research is based on factual material (materials of the congress — documents, speeches and memories of delegates, responses in the press). The analytical assessment of the event involves a broad historical, cultural and political context of the era, which makes it possible to understand the situation in defeated Germany and the attitude of German writers of different generations and political views to the tragedy in comparison with the position of the winner-countries curators.

Keywords: German literature after 1945, literary congresses, cold war, democracy, literary creativity, cultural policy, USSR, USA

For citation: Zatshevsky E.A., Kudryavtseva T.V. The First (Berlin) Post-war Congress of German Writers (1947), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 5—21.

Важной точкой отсчета в развитии литературы Германии после 1945 г. может рассматриваться Первый конгресс немецких писателей (Erster Deutscher Schriftstellerkongreß), который также называют общегерманским. Он готовился под непосредственным патронажем Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и состоялся в октябре 1947 г. в Берлине.

В свое время берлинский съезд вызвал живой интерес современников. Еще в конце 1947 г. журнал Берлинского союза по защите прав немецких писателей «Автор» анонсировал выход в свет в 1948 г. стенограммы съезда. Тем не менее, первая попытка опубликовать все его материалы была предпринята лишь в начале 1970-х. Однако частично материалы съезда (15 докладов и пр.) были опубликованы лишь в 1979 г. [15 Kongreßbeiträge...]. В 1975 г. в ГДР была защищена диссертация, в которой впервые были введены в научный оборот некоторые оригинальные документы берлинского съезда [Schiller]. В 1979 г. там же вышла статья, посвященная подготовке и проведению съезда [Bock]. В 1988 г. известное издательство «Петер Ланг» выпустило книгу, в которой также освещалась работа Первого съезда [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß...]. Значительным событием стал также выход в 1997 г. в бывшей ГДР материалов берлинского съезда «Первый конгресс немецких писателей 4—8 октября 1947 года» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...].

В советском литературоведении об этом событии кратко сообщается в главе немецкого литературоведа Х. Хаазе «Литература 1945—1949-х годов»

[История литературы ГДР: 12]. До сих пор материалы съезда не переводились на русский язык.

Первый общегерманский конгресс немецких писателей проходил с 4 по 8 октября 1947 г. в советском, английском и американском секторах Берлина. На первый план в его работе выдвинулись вопросы послевоенной судьбы Германии, пути преодоления ее политической и духовной изоляции. Обстановка, в которой проходил съезд, определялась общей политической ситуацией в Германии и вокруг нее — атмосферой нарастающего напряжения в отношениях СССР и его бывших союзников по антигитлеровской коалиции [Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ...].

Несмотря на формальное согласие всех оккупационных властей провести съезд, главную роль в этом мероприятии играла советская сторона. Идея его проведения исходила от «Культурного союза по демократическому обновлению Германии» («Культурбунд») во главе с его основателем И.Р. Бехером и была поддержана советским военным командованием в лице Отдела культуры СВАГ. Западные оккупационные власти отнеслись к идее проведения съезда достаточно сдержанно. Причины этого прежде всего следует искать в разногласиях по поводу деятельности «восточного» подразделения общенемецкого Культурбунда. Поэтому основную работу по проведению конгресса взяла на себя СВАГ, а сам «Культурбунд» оставался в тени¹. Соорганизатором съезда с западной стороны выступил основанный еще в 1909 г. на правах профсоюза Союз по защите прав немецких писателей (Schutzverband deutscher Schriftsteller)². Создавалось впечатление, что для американской, британской и французской военных администраций проведение съезда не было делом первостепенной важности. В этой связи представляют интерес дополняющие картину его подготовки воспоминания участника съезда, известного немецкого литературоведа Ганса Майера (Hans Mayer, 1907—2001): *«В лучах прожекторов обозначились фигуры представителей четырех оккупационных властей, сидящих за одним столом. Они благословили конгресс <...> Картина имела гротескные черты. Бледный англичанин произнес несколько пустых фраз. Американец представлял какого-то деятеля из Информационного бюро. Недовольный возникшим беспокойством, он просто ворчал, так как не знал, что сказать, и это было очень заметно. Французский генеральный инспектор Эпп, ответственный за Культурный отдел своего военного ведомства, приготовил речь, очевидно, он воспринимал конгресс всерьез. Материалы конгресса публиковались, рецензировались и анализировались в издававшейся во французском секторе Берлина по французской лицензии ежедневной вечерней газете “Курьер” (“Der Kurier. Die Berliner Abendzeitung”)*» [Mayer: 388].

Главная сложность проведения съезда состояла в том, что на нем столкнулись интересы держав-победительниц, а немецкие писатели, по сути, выступили в роли заложников навязываемой извне культурной политики.

¹ Несмотря на это в последний день работы съезда американские оккупационные власти запретили деятельность «коммунистического» Культурбунда в своем секторе Берлина, а с 1 января 1948 г. с согласия союзников — на территории всех западных оккупационных зон. См. подробнее: [Gmehling: 181].

² В 1920 г. к названию было добавлено: «профсоюз немецких писателей» (Gewerkschaft deutscher Schriftsteller). См. подробнее: [Kron F. Schriftsteller und Schriftstellerverbände...: 229].

Об этом свидетельствуют выступления официальных представителей военных администраций бывших союзников: Э.Т. Эпп говорил о литературе от лица французской военной администрации, Ф.Б. Блейстейн — американской, Ч.Б. Линч — английской, А.Л. Дымшиц — советской [Wende-Hohenberber: 119].

Как отмечал Г. Майер, А.Л. Дымшицу принадлежала важная роль в организации и проведении съезда, который, по словам Майера, «был делом его рук» [Maier: 389].

В работе Первого съезда приняли участие около 300 писателей, публицистов, издателей, редакторов, критиков и корреспондентов, прибывших из Англии, Чехословакии, Югославии, Франции, Южной Африки, СССР, США и из четырех зон оккупации Германии. С советской стороны в работе конгресса участвовали Валентин Катаев, Всеволод Вишневский, Борис Горбатов и А.Л. Дымшиц. Почетным председателем высокого собрания была избрана Рикарда Хух. Заседания съезда вели Фридрих Вольф, один из организаторов съезда, писатель Гюнтер Биркенфельд (Günter Birkenfeld, 1901—1966), писатель-антифашист, участник коммунистического Сопротивления Гюнтер Вайзенборн (Günther Weisenborn, 1902—1969), искусствовед и журналист из западной зоны Берлина Эдвин Редслоб (Edwin Redslob, 1884—1973) и западногерманский юрист и писатель Карл Фридрих Боре (Karl-Friedrich Borée, 1886—1964). На съезде присутствовал также приглашенный лично Дымшицем Генеральный секретарь международного ПЕН-клуба англичанин Хермон Оулд. Среди делегатов выделялись писатели-эмигранты, вернувшиеся из СССР. Они выступали с докладами и принимали активное участие в дискуссиях. Приглашения принять участие в работе конгресса получили и писатели, жившие в эмиграции в других странах: Т. Манн, А. Цвейг, О.М. Граф, К. Хиллер, Л. Франк, А. Эренштейн и др. Многие по разным причинам не смогли принять участие в съезде, однако большинство из них откликнулись на приглашение приветственными письмами с пожеланиями делегатам успешной работы. Менее представительной оказалась делегация западных писателей. В частности, не увенчалась успехом попытка Дымшица пригласить на съезд находившихся в то время в СССР Стейнбека, Колдуэлла и Арагона.

Основные мероприятия съезда проходили в здании Немецкого театра (Deutsches Theater) в восточном секторе, а торжественное открытие состоялось в театре имени Геббеля в Западном Берлине. С приветственными словами выступили Председатель Союза по защите прав немецких писателей Роланд Шахт, представители военных администраций француз Эжен Теодор Эпп, американец Фред Блейстейн, канадец Чарльз Линч. Советскую сторону представлял А.Л. Дымшиц. В числе выступивших на открытии съезда были также К.Ф. Боре, политик из Западного берлина Вальтер Мэй и швейцарский политик Фриц Мозер.

Второй день работы съезда открылся торжественной мемориальной церемонией, посвященной жертвам нацизма. Ее открыл арестованный в 1942 г. нацистами и освобожденный советскими войсками Гюнтер Вайзенборн. С приветственными речами выступили немецкий писатель Вильгельм Унгер (Wilhelm Unger, 1904—1985), Р. Хух, Б. Горбатов и др. Работа съезда продолжилась на секционных заседаниях, где в разные дни обсуждались актуальные по мнению его организаторов и участников темы — «литература и насилие», «литература и общество», «духовная позиция писателя», «развитие немецкой литературы», а также организационные, юридические аспекты литературного дела и др.

Вход на все мероприятия был свободным для всех желающих, что в значительной мере расширило аудиторию участников конгресса.

Тема единства Германии стала сквозной на берлинском съезде. На утреннем заседании 5 октября, посвященном памяти погибших в борьбе с нацизмом, Р. Хух, отметив в своем «Призыве к писателям» (“Ruf an die Schriftsteller”), что в Восточный Берлин приехали писатели из разных частей разделенной Германии, поделилась своим всееляющим, по ее словам, надежду и оптимизм чувством: «ты находишься в Германии, не в одной из ее частей, а в целостной единой Германии» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 101].

Формально в том же ключе эту мысль выразил Б. Горбатов в своей речи на послеобеденном заседании того же дня: *«Мне видится будущий конгресс немецких писателей единой Германии. Это будет конгресс писателей единой демократической Германии, писателей, которые прошли через множество испытаний и вышли из них победителями»* [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 185].

Тем не менее, уже в начале работы съезда проявились различия и в смысловом наполнении ключевых политических, идеологических, мировоззренческих и эстетических понятий, которые должны были выявить сходения и различия точек зрения делегатов на пути возрождения страны и ее культуры.

Так, Р. Хух, отмечая несравнимую с прежними временами сложность задач, вставших перед писателями после разгрома нацизма, когда «все ставится под вопрос и все усилия наталкиваются на безнадежность, на ожесточение или бессильное равнодушие», связала выполнение возложенной на интеллектуалов миссии по возрождению нации не только с необходимостью укреплять свободное от «агрессивного национализма», исполненное библейскими смыслами «чувство единства», но и равноценные ему «патриотизм» и «национальное чувство». Лишь так, констатировала Хух, можно было соответствовать стоящим перед писателями задачам — «стать гражданами мира, но одновременно и в первую очередь — оставаясь немцами» [Там же: 102].

В один ряд с вопросом о будущем Германии встала для немецких делегатов проблема языка. Внимание интеллектуалов к его роли в жизни нации объяснялось не просто тем, что немецкий язык, а стало быть, и общественное сознание во времена нацизма претерпели существенную трансформацию, но прежде всего нависшей угрозой расчленения Германии.

Особое значение языка для сплочения немецкой нации первой обозначила Р. Хух: *«Поэты и писатели имеют особое отношение к единству, а именно, через язык. Язык отделяет один народ от другого, но он и объединяет народ, а поэты и писатели — властители языка. Они сохраняют и обновляют язык. Они воздействуют своим языком на сердца и управляют мыслями. И с помощью языка они также властвуют над духом»* [Там же: 101].

Несколько в ином ключе прозвучало выступление Г. Вайзенборна. В своей речи «О смерти и надежде поэтов» (“Von Tod und Hoffnung der Dichter”) он напомнил присутствующим о том, что «быть поэтом в Германии — опасная профессия», и что «павшие это знали, но предпочли не избегать опасности, ибо надеялись на то, что человечество на своем трудном марше сквозь тысячелетия однажды, наконец, преодолет залитые кровью толщи насилия, чтобы достичь высот, где живет солидарность народов» и от имени всех «собравшихся в этом городе в парламенте духа» заявил, что участники съезда служат «для миллионов читателей ... инструментом, излучателем, посылающим свои импульсы знания миллионам» [Там же: 108—109].

Все выступления утреннего заседания 5 октября прошли под знаком памяти писателей, погибших от рук нацистов. Как позже вспоминал Г. Майер, на сцене театра имени Геббеля «... был размещен огромный щит, на котором появлялись имена Объятые ужасом слушатели восклицали “И этот?!” Еще мало кому было известно о судьбах тех или иных писателей» [Mayer: 389].

Вайзенборн продолжил начатый Р. Хух разговор о значимости немецкого языка (литературы) для судеб нации на примере «Моабитских сонетов» (“Moabiter Sonette”) Альбрехта Хаусхофера (Albrecht Haushofer, 1903—1945), географа, расстрелянного нацистами в тюрьме Моабит в апреле 1945 г. и выразившего в своих предсмертных стихах неприятие гитлеровского режима: «... в дни катастрофы поэт Альбрехт Хаусхофер был найден убитым, он держал в руках стихи. ... Стихи в руках мертвых! В пурпурный кровавый туман поднимались тогда незапятнанные холодеющие руки поэтов, чтобы преподнести грядущему свой дар, тому дню, когда выживший мир, объятый благоговейным трепетом от ауры павших поэтов, склонится перед их наследием.

Этот день настал.

Мы все ... собрались здесь, чтобы услышать в стихах и прозе мертвых биение их сердец.

... И сегодня мы находимся в центре битвы на Каталаунских полях языка. Никогда раньше не было столько лингвистических сражений на фронтах систем мышления, предметных областей, понятийных аппаратов, и все они оставляли следы в виде смысловых обломков, реликтовых словечек, исковерканных или потускневших терминов, которыми плюется нынешняя речь. Стареющие слова, языковой отстой, новояз и фразерство бестолково кружатся в пене водопадов нашего любимого древнего языка.

Пришло время <...> вмешаться и усмирить всполошенный язык <...> и найти язык своего времени.

<...> мы, писатели немецкого народа, впервые собрались, когда молчат пушки. Сможем ли мы в память о погибших исполнить нашу миссию? Сможем ли мы побороть недоверие и ненависть? Выстоять? Быть внутренним голосом народа, который в годину невзгод ищет понимания от всего мира? <...>

Люди, которых <...> называют политиками, не раз нас разочаровывали <...>.

Мы живем здесь и сейчас <...>. Будем же <...> мужественно смотреть вперед и искать собственный язык <...> нашего времени <...>» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 104—107].

Программным можно назвать выступление И.Р. Бехера «Как писатель борется за мир?» (“Wie kämpft der Schriftsteller für den Frieden?”), прозвучавшее на вечернем заседании 7 октября. Будущий министр культуры ГДР Бехер обозначил задачи, которые, по его мнению, предстояло решать немцам. Заявив, что основная задача немецкого писателя состоит в разоблачении мифа о «таинственном, мистическом характере войны», рисуящего это социальное явление в терминах «судьбы», воли «провидения», оратор объявил «врагами мира и, соответственно, человечества всех тех, кто говорит о неизбежности войны». Вместе с тем, по Бехеру, для каждого немца должно быть делом чести «отстаивать национальные интересы» и поднять голос в защиту «национального единства Германии»: «Большинство немцев <...> выражает надежду, что великие нации ни при каких условиях не будут проводить смертельно опасный для всего мирового сообщества эксперимент по разделу Германии» [Там же: 363].

Не менее важным представляется Бехеру и единство немецкой литературы: *«Неприемлемо противопоставлять Восток и Запад, <...> в интересах всех немцев — не допустить, чтобы нас развели по зонам, <...> в этом смысле не существует восточной и западной литературы <...>, а есть одна, немецкая, не разделенная зональными границами, для которой скоро снова откроется окно в мир»* [Там же: 364].

Примечательно и то, что Бехер призывает простить тех писателей, кто заблуждался и не боролся против нацизма, и дать этим людям шанс на будущее [Там же: 366], а также прекратить споры между теми, кто покинул страну и теми, кто остался в нацистской Германии [Там же: 365]. Тема, связанная с разгоревшейся в интеллектуальной среде дискуссией о внешней и внутренней эмиграции, была затронута во многих докладах. О ее важности свидетельствует тот факт, что гражданская позиция внешних и внутренних эмигрантов стала предметом обсуждения уже на вечернем заседании 5 октября.

В отличие от острых споров, развернувшихся в контексте знаменитой контroversы против Т. Манна, устроенной авторами «внутренней эмиграции» консервативного крыла (В. фон Моло / Walter Reichsritter von Molo, 1880—1958 и др.) и поддержанной набиравшими авторитет в послевоенной Германии молодыми писателями «Группы 47», среди участников съезда преобладала позиция объединения писательского сообщества. На примере жизни и творчества писателей, эмигрировавших в Великобританию, важный вклад литературы в изгнании отметили в своих приветственных словах на вечернем заседании 5 октября Х. Оулд и В. Унгер. В этом же ключе прозвучал и посвященный писателям-эмигрантам доклад Альфреда Канторовича (Alfred Kantorowicz, 1899—1979). Своей речью он, как и предыдущие ораторы, преследовал цель разрушить сформировавшееся в обществе (вне зависимости от политических и идеологических взглядов граждан) мнение об уехавших из страны как о людях, якобы бросивших ее в минуту бедствий. Канторович назвал «беспрецедентное» по количеству (250) число писателей, покинувших нацистскую Германию. Он привел факты, свидетельствующие о тяжелых испытаниях, которые выпали на долю писателей, оказавшихся на чужбине, об их вкладе в борьбу против нацизма. Как подчеркнул Канторович, главным оружием в этой борьбе стал «родной язык», на котором писатели пытались доносить правду о постигшей страну трагедии и сохранить его чистоту от захвативших власть осквернителей [Там же: 143—144]. О значении для международного сообщества литературного вклада немецких писателей-эмигрантов, отметил Канторович, ответствовали «сотни книг, переведенных на разные языки и <...> ставших достоянием мировой литературы» [Там же: 145].

Гражданской и творческой позиции писателей, оставшихся в нацистской Германии и не подвергавшихся открытым преследованиям нацистской власти, был посвящен доклад Элизабет Ланггессер (Elisabeth Langgässer, 1899—1950). Сославшись на слова одного из известных поэтов «внутренней эмиграции», Оскара Лёрке (Oskar Loerke, 1884—1941) о том, что основная миссия писателя состоит в том, чтобы запечатлеть все пережитое посредством языка, Ланггессер заявила, что задача писателя — быть писателем, а не политиком, гуманистом, пацифистом и пр. В этом, по Ланггессер, состоит главное различие между представителями внешней и внутренней эмиграции. Но в главном, делает вывод писательница, в творчестве и тех, и других все же было нечто общее: они «эмигрировали все глубже в пространство своего языка». Поэтому, заключает она, спор между теми, кто уехал, и кто остался,

а также о том, кто из них лучше, «неуместен». Всех их объединяло осознание невозможности использовать уродливое детище нацистской реальности, язык, исковерканный «громкоголосыми новообразованиями: пустыми, ничего не говорящими и ничтожными; посеянными и прижившимися на обочинах языковых дорог кучами языковых отбросов» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 137]. Этот язык, по Ланггессер, «изгажен <...>, страшен, стал достоянием шулеров...». Вынужденные избегать лексики, лишенной своих первоначальных смыслов (земля, кровь, родина, герой и пр.), многие писатели «внутренней эмиграции» сужали пространство художественной рефлексии, ограничиваясь местной тематикой, углубляясь в историческое прошлое, предаваясь романтическим иллюзиям, либо прибегая к эзотерике, излишней метафорике и смысловой затемненности высказывания.

Ланггессер выявляет причинно-следственную связь между уходом писателя в «башню из слоновой кости» [Там же: 138] и его недостаточно выраженной гражданской позицией по отношению к нацистскому режиму. А отсутствие в произведениях ушедших в глубокое творческое подполье — «внутреннюю эмиграцию» [Там же: 140] — злободневной тематики писательница считает причиной невостребованности подобных произведений в послевоенной Германии.

Позиция Ланггессер объяснима в контексте радикальной критики интеллектуалами послевоенного времени «языка Третьего рейха», проявившейся как в художественной практике, так и в философской эссеистике (Р. Леонгард, В. Клемперер, К. Ясперс, В. Краус и др.). Ланггессер, по сути, выступила от имени писателей среднего и молодого поколения (В. Вейраух, Г. Айх, В. Шнурре, В. Борхерт и др.), подвергших обструкции выхолащенный, лживо-пафосный нацистский стиль и стремившихся к простоте, лаконичности, непосредственности языкового выражения.

В прениях по прозвучавшим докладам выступили писатели как внешней, так и внутренней эмиграции. Главный вывод состоял в том, что пришло время сосредоточиться на реальных проблемах и внести свой вклад в их решение [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß...: 38—39]. В целом в дискуссионном обмене мнениями участников съезда ярко проявился духовный климат времени: наряду с желанием позитивных перемен писатели в то же время опасались непредсказуемости политических решений со стороны победителей. На съезде столкнулись прежде всего точки зрения писателей, вернувшихся на родину из СССР, и тех, кто провел годы изгнания в других странах, в первую очередь в США. Первые с особой силой и убедительностью восхваляли советский образ жизни, вторые отстаивали образ жизни западного образца.

«Обмен мнениями» начался уже во время открытия съезда. В своей приветственной речи А.Л. Дымшиц изложил, по сути, основные положения советской программы по обновлению культурной жизни Германии: *«я обращаюсь к новой немецкой демократии. Я приветствую возрождающуюся демократическую литературу Германии, которая смыкает свои ряды. Прежде всего я приветствую тех из вас, кто в мрачные годы фашистской диктатуры в Германии начал борьбу с гитлеризмом, разоблачал преступный нацистский режим <...>. Как советский литератор и как офицер нашей великой армии, во имя мира и свободы сражавшейся против фашизма, я хотел бы сказать <...>, что у нас с вами были и есть общие задачи. Первая — победа над империалистической реакцией, над идеологией милитаризма,*

над пропагандой захватнической войны. Поэтому у меня нет сомнений в том, что новая демократическая немецкая литература так же, как и советская литература, напишет на своих знаменах два слова, простых и коротких, но твердых и победных: мир и свобода!» (Аплодисменты) [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 87—88].

Идеологическое противостояние двух политических систем четко обозначилось 6 октября. В тот день в соответствии с программой съезда на повестке дня стояли доклады, посвященные вопросам связи литературы и общества. Основное внимание докладчики уделили понятию свободы творчества, художественной правды и литературной критики. Раскол между бывшими союзниками ярко проявился на послеобеденном заседании. В своей открыто провокационно-пропагандистской речи Вс. Вишневский напомнил участникам съезда о том, что «мир разделен на две части», одна из которых «представлена черной реакцией, варварством, идеологией человеконенавистничества и милитаризма, а другая — миллионами простых людей, которые живут и борются за мир <...> и демократию». Назвав виновников подобного разделения в лице «американской и британской реакции», пугающих мир «железным занавесом» и «атомными бомбами», он призвал немецких писателей и немецкий народ вливаться в ряды миллионов «демократов», следуя примеру советских писателей, и поддержать Советский Союз в его борьбе за «мир и свободу» во имя «простых людей» [Там же: 245—247].

Речь Вишневого постоянно прерывалась аплодисментами. После его выступления в зале на некоторое время воцарилась напряженная тишина. Ведущий заседание Э. Редслоб, поблагодарив уже выступивших докладчиков, приветствовал «гостей из Лондона» — британского журналиста и антифашиста Генри Ноэля Брейлсфорда, его супругу, немку Еву Марию Брейлсфорд, а также не вернувшегося из западной эмиграции, жившего в Англии и приехавшего на съезд по поручению Британской военной администрации в Германии В. Унгера и предоставил им слово для приветствия. Все трое ответили на предложение отказом [Там же: 248]. После этого под аплодисменты присутствующих Редслоб объявил запланированное выступление писателя из западной зоны оккупации Рудольфа Хагельштанге (Rudolf Hagelstange, 1912—1984).

Хагельштанге начал выступление с разъяснения позиции по отношению к «судьбоносной проблеме подлинной демократии» [Там же: 250] послевоенного литературного поколения, еще мало известного читателям. В отличие от прозвучавших ранее речей, исполненных патетики и трагизма либо открытого пропагандистского звучания, его выступление, нередко прерываемое аплодисментами и пр., можно сравнить с холодным душем, который был призван остудить разогретую атмосферу зала. Хагельштанге обозначил главную, по его мнению, тему, к которой надлежало обратиться современному немецкому писателю: «*в переполненных поездах и залах ожидания, в очередях <...> гильдия пишущих могла бы найти наглядный материал, от которого у некоторых <...> отнялся бы язык. Здесь можно найти обычную жизнь, <...> здесь можно было бы оценить степень значения дискуссий и споров о <...> Томасе Манне и заинтересованности в них общественности*» [Там же: 250].

В ситуации, продолжил писатель, когда политики не могут решить, что такое демократия, именно писатели должны попытаться ответить на этот вопрос и предложить свои методы воспитания немецкой молодежи в духе демократии, смысл которой для Хагельштанге определяется действенностью права, умением слушать других и говорить правду [Там же: 251—252].

После выступления Хагельштанге неожиданно в нарушение программы (после него должен был выступать участник французского Сопротивления Рудольф Леонгард (Rudolf Leonhard, 1889—1953) с докладом «О деградации языка» (“Über die Sprachverwilderung”) попросил слова В. Унгер. Вместо запланированной речи, также посвященной проблемам языка, он вернулся к выступлению Вс. Вишневского. Напомнив, что ему было предложено высказаться в прениях по этому докладу, Унгер сказал: *«Впечатляющая речь делегата из Советского Союза лишний раз показала нам, насколько важно бороться за мир во всем мире. Он говорил об американской и британской реакции. Конечно, возможно, подобное имеет место (оживление и беспокойство в зале). В Англии главенствует свобода прессы, и каждый волен высказывать свою точку зрения, и естественно, что в стране с населением в сорок или пятьдесят миллионов человек найдутся такие, кто в своем свободном волеизъявлении будет высказывать и реакционные мысли <...>. Другой вопрос — насколько они действительны»* [Там же: 253].

Он также заявил о приверженности демократии большинства британских писателей и привел убедительные примеры демократической позиции присутствовавших на съезде всемирно известных «борцов за взаимопонимание и примирение народов» [Там же: 254] Брейлсфорда и Оулда. Прямым выпадом в адрес Вишневского, призвавшего немецких писателей отстаивать демократические принципы, следуя советскому образцу, прозвучало заявление Унгера о том, что задача немецких писателей, где бы они ни находились, — сглаживать противоречия между союзниками, а не поддерживать создаваемые ими блоки. Под аплодисменты, сопровождаемые криками браво и пр., он взял на себя смелость от лица всех немецких писателей заявить: *«Мы ничего не хотим знать ни о Восточном, ни о Западном блоке, между которыми мы однажды можем оказаться раздавленными. Мы хотим бороться за единение всех народов»* [Там же: 254].

Выступавшие после Унгера докладчики Р. Леонгард, Эрнст Пенцольдт (Ernst Penzoldt, 1892—1955) и Вильгельм Эмануэль Зюскинд (Wilhelm Emanuel Süskind, 1901—1970) дискуссию не поддержали, сосредоточив внимание на проблемах немецкого языка и литературной критики. Однако Е.М. Брейлсфорд вернула участников съезда к политике. Доклад Брейлсфорд был посвящен этической проблеме бесчеловечности военных авантюр, ведущих к бесчисленным жертвам среди мирного населения. Докладчица напомнила об ответственности каждого за то, что происходит в мире, о необходимости воспитывать в себе чувство сопричастности судьбам других людей, всех тех, кто страдает или терпит несправедливость, а также о том, что именно интеллектуалы должны сказать свое слово и сделать все от них зависящее, чтобы мир и взаимоуважение вернулись в сердца людей. Это, по ее убеждению, и должно будет определять демократический характер общества [Там же: 268—270].

За докладом Брейлсфорд последовала спонтанная ответная речь Ф. Вольфа, которую можно обозначить как выплеск возмущения точкой зрения, игнорирующей фактическое положение вещей, и вызванный желанием призвать коллегу «одуматься», поскольку, по его мнению, недопустимо философствовать о «человечности» в то время, когда Германия еще продолжает вести «тяжелейшую борьбу с фашизмом», когда в «университетском городе Бонне еще недавно красовался плакат: “Гитлерюгенд обвиняет!”», когда в Берлине «молодые люди уже опять распевают на улицах гитлеровские марши», когда

«на еврейских кладбищах разрушают могильные плиты». Напомнив о злодеяниях нацистов, свидетелями которых были многие писатели, Вольф привел слова немецкого классика Георга Бюхнера от том, что прощать преступников означает проявлять жестокость по отношению к жертвам [Там же: 271].

После незапланированного выступления Ф. Вольфа Редслоб был вынужден просить зал прекратить дискуссию и вернуться к заявленным темам. Тем не менее, полностью отвлечься от предмета дискуссии не удалось. Следующий докладчик, вернувшийся из советской эмиграции театральный деятель Густав фон Вангенхайм (Gustav von Wangenheim, 1895—1975), в начале своего выступления напомнил о докладах Брейлсфорд и Вишневецкого и призвал коллег доверять друг другу, поскольку все собравшиеся, следуя его словам, были едины в искреннем желании преодолеть последствия нацистского режима. Основная часть доклада Вангенхайма была посвящена роли языка в решении этой задачи. Лейтмотивом выступления стала высказанная ранее Р. Леонгардом мысль о том, что искажение языка равно искажению мысли [Там же: 273]. В итоге, заключил Вангенхайм, ссылаясь на выступление Р. Хагельштанге на вечернем заседании 6 октября, из этого проистекает недопонимание во всякого рода дискуссиях, и, как следствие, затрудняется процесс постижения истины [Там же: 274].

Проблему недопонимания и необходимости его устранения вне зависимости от способов выражения «истины», будь то эзопов язык или откровенно плакатный стиль, затронула и выступавшая вслед за Вангенхаймом Э. Ланггессер. Модератор Э. Редслоб весьма дипломатично завершил заседание. Его заключительная речь, казалось бы, должна была поставить точку после насыщенного полемикой дня и послужить некоторым предостережением на будущее: *«Проявившиеся противоречия были нам известны. Мы ценим, что о них говорят <...>, нам важно выслушать разные точки зрения. <...> Демократия не означает навязывания своего мнения, <...> демократия — это проявление терпимости <...> и стремление понять другого»* [Там же: 276].

Тем не менее на следующий день, 7 октября, уже на утреннем заседании разразился настоящий скандал. «Что-то готовилось <...>, — вспоминает Г. Майер. — На сцене <...> появились микрофоны и прожектора западных СМИ. Означало ли это, что известный американский писатель решил подискутировать с немецкими коллегами?» [Mayer: 290].

Заседание вел Г. Биркенфельд. Во время Второй мировой войны он служил фронтовым репортером в войсках вермахта, а в 1945 г. получил лицензию американских оккупационных властей на издание в Берлине журнала для молодежи «Горизонт» (“Horizont. Zeitschrift der jungen Generation”). Открывая заседание, Биркенфельд призвал американцев и англичан, находившихся в зале, отреагировать на вчерашний советский выпад. Такой человек нашелся, более того, его кандидатура была выбрана заранее. Двадцатисемилетний американец, журналист, антикоммунист и антисоветчик Мелвин Ласки (Melvin J. Lasky), живший в западной части Берлина, в своем подготовленном ночью выступлении заявил о недопустимости подчинения свободы писателей партийной диктатуре, указав на негативные процессы в советской культуре и искусстве. Прозвучало слово «ежовщина», а также имена А. Ахматовой, М. Зощенко, С. Эйзенштейна и др. [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 295—301], [Lasky], [Бонвеч: 107—108].

Уже во время выступления Ласки из зала доносились возмущенные крики, и часть делегатов покинула зал. Другие, напротив, аплодировали,

подходили к докладчику в перерыве с поздравлениями³. Как отмечали очевидцы, если Вишневецкий своей речью показал очевидность противостояния двух идеологических систем, то Ласки фактически спровоцировал разделение участников съезда на два враждующих лагеря [Vietta: 4].

Утреннее заседание 7 октября, посвященное актуальным проблемам немецкого литературного процесса (Geistige Fragen. Aktuelle Probleme der deutschen Literaturentwicklung), тем не менее продолжилось в рамках запланированной программы.

Участник антифашистского подпольного сопротивления Арнольд Бауэр (Arnold Johannes Bauer, 1909—2006) обрисовал в своем докладе ситуацию с издательским делом в послевоенной Германии. Несмотря на впечатляющие цифры печатной продукции (до 7000 тысяч названий, согласно каталогу Немецкой книжной выставки 1947 г.) [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 303], среди издателей, отметил докладчик, «редки смелые экспериментаторы, охотники за молодыми талантами — голосом времени» [Там же: 304].

Аплодисментами была встречена речь участника антифашистского Сопротивления, поэта Стефана Хермлина «Где молодая литература?» (“Wo bleibt die junge Dichtung?”). Он начал свою речь с замечания о том, что в отличие от антифашистской литературы в изгнании и в подполье, в литературе, не подвергавшейся официальному запрету, «не произошло рационального критического разговора о немецком фашизме» [Там же: 310]. Причину нежелания писателей-афашистов [Зачевский: 707—728] обращаться к проблематике нацистского прошлого Хермлин видит в том, что «фашизм и войну <...> терпели, именно терпели, а не боролись против них»: «Наша современная нефашистская литература, наша лирическая поэзия в особенности, несут на себе отпечаток троглодитства <...>. Отсюда <...> влечение к консервативному, статичному, ретроградскому. <...> авторы боятся прямого, конкретного, спасаются бегством в метафизику и называют убийц в лучшем случае демонами» [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 311—312].

Выступление Хермлина постоянно прерывалось аплодисментами и одобрительными возгласами из зала: «Правильно! Bravo!» и др.

Реакция на речь Ласки с советской стороны последовала на вечернем заседании того же дня. В. Катаев в своем выступлении-отповеди заявил: «Я познакомился с речью так называемого американского писателя Ласки. Я счастлив встретить, наконец, поджигателя войны во плоти и крови. У нас в Советском Союзе нет таких типажей. Это очень показательное зрелище. Я не знаю, какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей, но Ласки мне совершенно неизвестен. Я уверен, что, если когда-нибудь Ласки будет увековечен в монументе, благодарные американцы напишут на нем: “Могила неизвестного писателя”. Сегодня достоинство людей измеряется их отношением к демократии и к Советскому Союзу. То, что неизвестный никому Ласки сказал о Советском Союзе, естественно, есть ложь от начала и до конца. Такая ложь не новость для нас; доктор Геббельс тоже любил прибегать к подобным методам настраивать людей против Советского Союза. Чем это кончилось, известно всем» [Там же: 336].

«Нечистоплотность» Ласки в освещении фактов Катаев «разоблачил», в частности, на примере публикации в СССР произведений Зоценко: «Что, собственно, произошло с Зоценко? Зоценко у нас резко критиковали <...>».

³ См. интервью с М. Ласки в газете «Мир» (“Die Welt”) 15.01.1985.

А ныне новые рассказы Зоценко напечатаны в последнем номере журнала “Новый мир”, и напечатаны они, собственно говоря, мною, так как я — один из редакторов этого журнала. О том, что рассказы Зоценко напечатаны, неизвестному Ласки, очевидно, неведомо, поскольку он пользуется “устаревшими отмычками”» [Там же: 337].

В знак протеста против «провокации» Ласки советская делегация демонстративно покинула зал, а сам Ласки в одночасье обрел известность. Г. Майер вспоминает об атмосфере в зале после выступления журналиста: *«Беспокойство в зале нарастало. Все было подготовлено заранее. Дымищиц потом признавался нам, что в какой-то миг собрался прервать оратора: здесь в театре он все-таки был хозяином положения. К счастью, он этого не сделал» [Mayer: 391].*

Как известно, пишет Майер, «Ласки стал состоятельным человеком, организовывал конгрессы за свободу культуры, основывал журналы, привлекал к работе знаменитых авторов» [Mayer: 393]. Среди них были Т. Адорно, Т. Манн, Г. Бёлль, Т.С. Элиот и др. Так, в Берлине начал выходить ежемесячный немецкоязычный журнал “Der Monat” («Месяц»), получавший в разные годы финансирование от влиятельных фондов и организаций, среди прочего — от ЦРУ. Журнал задумывался как идеологический мост между германскими и американскими интеллектуалами, точнее — как инструмент для продвижения в Германии и шире — в Европе — американских внешнеполитических интересов, развертывания холодной войны и в сфере культуры [Saunders: 30]. «Все знали, — уверенно заявляет Майер, — откуда брались деньги, но все удивлялись, когда им об этом говорили» [Mayer: 393].

Реакция советских участников съезда на выступление М. Ласки, по мнению Майера, свидетельствовала о том, что «застигнутые врасплох», они не сумели или не захотели ответить на разыгранный американцем спектакль по существу и были вынуждены «сохранять лицо» и бурно протестовать, хотя, если учесть их статус, в отличие от Ласки, они были достаточно информированы о том, что происходило в СССР [Mayer: 393].

Американцы же, в планы которых изначально не входило радикально вмешиваться в работу съезда (свидетельством тому — отсутствие среди американских делегатов всемирно известных писателей), умело воспользовавшись ситуацией, с помощью Ласки ощутимо «подпортили» престиж советской делегации.

К сожалению, сведения о выступлениях некоторых участников съезда сохранилась лишь в материалах газетных и журнальных публикациях тех лет и в редких воспоминаниях самих делегатов. Вместе с тем и эта информация давала представление о широте и разноречивости представленных точек зрения. Так, о содержании выступления Г. Майера можно судить по его уже упомянутым воспоминаниям «Немец с испытательным сроком» (“Ein Deutscher auf Widerruf”, 1982). Оценки Майера, прозвучавшие годы спустя, не потеряли значения, более того, они представляются еще более важными благодаря тому, что отличаются от живых впечатлений большей аналитической взвешенностью: *«в чем был смысл конгресса? <...> Он остался первым и последним конгрессом немецких писателей такого рода. Ласки помог воспрепятствовать грозящему продолжению, что и составило суть его поступка. Было представлено еще несколько прекрасных докладов <...>. Тем не менее, провал был неизбежен. Поначалу дружески настроенные писатели постепенно разделились на западную и восточную партии <...>. По крайней мере, конгресс завершился мирно» [Mayer: 391—392].*

Издававшийся Канторовичем в советской зоне Берлина журнал «Восток и Запад» (“Ost und West”), который, по замыслу редактора, был призван стать мостом между двумя политическими и культурными системами, в одном из номеров опубликовал мнения некоторых участников съезда, планировавших организовать нечто подобное, например, в Мюнхене [Birt]. О возможности дальнейшего сотрудничества писателей свидетельствует и оценка съезда критиком и писателем из Мюнхена Гюнтером Гроллем (Günter Groll, 1914—1982): «Это были не разные языки, а два “диалекта”, один западный, другой — восточный. Не стоит строить на этот счет каких-либо иллюзий. Но мы ощущали, что единство наших культур и нашей тесной связи существует, несмотря ни на что» [Groll: 59—60, 90].

Действительно, несмотря на разногласия по многим вопросам (внутренняя и внешняя эмиграция, антифашистская борьба в новых условиях, вопросы демократии и гуманизма, задачи литературы и пр.) на съезде был принят ряд резолюций (против антисемитизма, за отмену законов о лишении гражданства немецких писателей, принятых во время нацистской диктатуры) и манифест. В заключительных документах нацистский режим был осужден как варварский. В них прозвучала мысль о необходимости создавать произведения, которые постоянно должны напоминать миру о тех, кто несет моральную ответственность за страдания, причиненные народам гитлеровской Германией, содержался призыв сохранять и развивать гуманистические традиции немецкой культуры, подчеркивалась роль литературы в предотвращении угрозы разделения страны, духовной изоляции Германии, в борьбе за мир: «Мы, немецкие писатели, клянемся словом и делом служить делу мира — в нашей стране и на всей планете» [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß: 84—85].

В заключительном слове на закрытии съезда Р. Хух выразила надежду на то, что «съезд писателей внесет свой вклад в возрождение Германии» [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 441].

Б. Горбатов, высоко оценив работу съезда, отметил, что он стал «первой встречей друзей», которые «встретились <...> после долгой разлуки» [Там же: 432], а его важнейшим итогом — то, что он внес ясность в понимание поставленных проблем, прежде всего со стороны немецких писателей, и в вопросах немецкой литературы [Там же: 433].

В.Э. Зюскинд отметил, что съезд во многом оказался непохожим на прежние подобные мероприятия, и не совсем оправдал ожиданий его организаторов и участников, поскольку больше внимания на нем уделялось мировоззренческим, политическим, а не профессиональным, литературным вопросам. Тем не менее писатель с оптимизмом резюмировал: «*И все же это был великолепный конгресс, потрясающий конгресс, конгресс, который пугал нас и поражал, и снова наполнял счастьем; этот конгресс надолго останется у нас в памяти и может стать для многих из нас неким носителем новых смыслов*» [Там же: 438].

Краткие итоги берлинского съезда подвел в вышедшей в октябре 1947 г. статье «Первый конгресс писателей. Записки советского гостя» А.Л. Дымшиц: «*В течение этих пяти дней было многое сказано, многое подвергнуто обсуждению, прояснено много спорных вопросов и завязаны контакты для проведения будущих новых дискуссий*» [Dymschitz: 99].

Первый всегерманский конгресс немецких писателей при всей разнонаправленности высказанных его участниками мнений получил положительный

отклик во всех зонах оккупации Германии. Его работу достаточно подробно освещали практически все средства массовой информации СВАГ — официальный орган СЕПГ, газета «Нойес Дойчланд» (“Neues Deutschland”, «Новая Германия»), издававшийся Культурбундом еженедельник «Зонтаг», журналы «Ауфбау», «Восток и Запад» и др.

Ведущие органы печати западных зон оккупации также освещали это событие. Информацию о съезде давали подконтрольная Американской военной администрации ежедневная газета «Дер Тагесшпигель» (“Der Tagesspiegel”, «Зеркало дня»), «Ди Нойе Цайтунг» (“Die Neue Zeitung. Eine amerikanische Zeitung für die deutsche Bevölkerung”, «Новая газета. Американская газета для немецкого населения»), надпартийная газета британской зоны «Ди Вельт» (“Die Welt”, «Мир») и др. Однако, за исключением французской прессы, авторы в основном ограничивались общей информацией, обращая внимание преимущественно на околосредовые факты, редко цитируя или комментируя высказывания участников съезда, что свидетельствовало о достаточно равнодушном отношении западных властей к этому событию.

Нередко содержание западных публикаций сводилось к критике происшедшего на съезде. Так, «Дер Тагесшпигель», в частности, отмечал, что «во время дискуссий коммунистическое крыло выдвинуло лучших ораторов», но, в общем, «все только и занималось тем, что пытались уколоть другую сторону» [Аноним: 17].

Подобное отношение к работе конгресса в известной мере отражало уверенность западных оккупационных властей в том, что объединение Германии пройдет по западному образцу. В свою очередь в восточной зоне оккупации Первый конгресс немецких писателей рассматривался как важное политическое и культурное явление в деле создания нового общегерманского государства по образцу советского. Не случайно все последующие съезды писателей ГДР вели отсчет именно от Первого общегерманского конгресса 1947 года.

Список литературы / References

- Бонвеч Б. Распад антигитлеровской коалиции на «два лагеря» и немецкие писатели: роль Мелвина Ласки в послевоенном Берлине // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63-2). С. 107—108.
(Bonvech B. The Break-up of the Anti-Hitler Military Coalition into “Two Camps” and German Writers: the Role of Melvin Lasky in Post-War Berlin, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, № 3 (63-2), pp. 107—108. — In Russ.)
- Зачевский Е.А. Афашистская литература // История литературы Германии XX века: в 2 т. Т. 1. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 707—728.
(Zachevskij E.A. Afashist-Literature, *German Literary History of 20-th Century: in 2 v*, vol. 1, book 2, Moscow, 2018, pp. 707—728. — In Russ.)
- История литературы ГДР. М.: Наука, 1982. 543 с.
(Literary History of the GDR, Moscow, 1982, 543 p. — In Russ.)
- Попов И.Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1947—1949 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия // Научный диалог. 2020. № 12. С. 290—307.
(Popov I.D. Conferences of Minister Presidents of the German States in 1945—1947 as a Prerequisite for the Formation of the Federal Republic of Germany, *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 12, pp. 290—307. — In Russ.)

- 15 Kongreßbeiträge und weitere begleitende Texte sind dokumentiert // Zur Tradition der deutschen sozialistischen Literatur. Eine Auswahl in Dokumenten. Bd. 3: 1941—1949 / hrsg. von I. Hiebel. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1979. 66 S.
- Anonym. Parlament des Geistes. Der Spiegel. 11 Oktober 1947. S. 17.
- Birr E. Ost und West: Berlin, 1947—1949. Bibliographie einer Zeitschrift. München: K.G. Saur, 1993. 125 S.
- Bock S. Literarische Programmbildung im Umbruch. Vorbereitung und Durchführung des 1. Deutschen Schriftstellerkongresses 1947 in Berlin // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. 7. Jg. 1979. S. 120—149.
- Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß nach dem zweiten Weltkrieg im Ostsektor Berlins vom 4. bis 8. Oktober 1947 / hrsg. von W. Wende-Hohenberger. Frankfurt a.M. u.a.: P. Lang, 1988. 99 S.
- Dymshütz A. Der erste Schriftstellerkongress. Aufzeichnungen eines sowjetischen Gastes // Neue Welt. 1947. N 20. S. 99.
- Erster Deutscher Schriftstellerkongress 4.–8. Oktober 1947: Protokoll und Dokumente (Aufbau-Sachbuch) / hrsg. von U. Reinhard, D. Schienstedt, H. Tannenberger. B.: Aufbau Verlag, 1997. 543 S.
- Gmehling J. Kritik des Nationalsozialismus und des Sowjetkommunismus in der Zeitschrift «Der Monat». Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Fakultät Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Fachbereich Sozialwissenschaften der Universität Hamburg. Hamburg, 2010. 952 S.
- Groll G. Münchener Epilog zum 1. Deutschen Schriftstellerkongreß // Ost und West. H. 5. November 1947. S. 59—60.
- Kron F. Schriftsteller und Schriftstellerverbände. Schriftstellerberuf und Interessenpolitik 1842—1973. Stuttgart: Metzler, 1976. S. 229.
- Lasky M. Thank you! Thank you! // TIME Magazine. 20.10.1947.
- Ljwow A. Über Schönheit und über Unschönes verhalten // Tägliche Rundschau. 1947. N 277. S. 11.
- Mayer H. Ein Deutscher auf Widerruf. Erinnerungen. B. 1. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1985. S. 388.
- Saunders F.S. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. New York: The New Press, 1999. P. 30.
- Schiller A. Gesellschaftliche Verantwortung — Humanismus — Realismus. Die Bemühungen sozialistischer Schriftsteller auf dem Ersten Deutschen Schriftstellerkongreß 1947 in Berlin um die gemeinsame Teilnahme aller humanistischer Schriftsteller an der antifaschistisch-demokratischen Umgestaltung in Deutschland. Diss. (masch.). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1975. 354 Bl.
- Scholtis A. «Sozialistischen Realismus»? // Aufbau. 1948. H. 1. S. 84.
- Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945—1953 / hrsg. von A. Hartmann, W. Eggeling. Berlin: Akademie Verlag, 1998. 440 S.
- Tkaczyk W. Sozialistischer Realismus // Berlin am Mittag. 1947. N 252. S. 1.
- Vietta E. Über die Verantwortung des Schriftstellers. Ein Nachwort zum Berliner Schriftsteller-Kongreß // Die Zeit. 23.10. 1947. S. 4.
- Wende-Hohenberger W. Ein neuer Anfang? Schriftsteller-Reden zwischen 1945 und 1949. Stuttgart: J.B. Metzler, 1990. S. 119.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зачевский Евгений Александрович — доктор филологических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, archont35@mail.ru

Zatshevsky Evgeny Alexandrovich — Doctor of Science (Philology), Independent Researcher, St. Petersburg, Russian Federation, archont35@mail.ru

Кудрявцева Тамара Викторовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия, muchina@yandex.ru

Kudryavtseva Tamara Viktorovna — Doctor of Science (Philology), Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, muchina@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 22—30.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 22—30.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2023.1.2

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ (На материале литературных интервью Е. Некрасовой)

Елена Александровна Селютина

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия,
L22502@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется «нарратив об авторе» в интервью Е. Некрасовой как часть тенденции к публичной саморефлексии в современной культуре, связанной с ситуацией метамодерна. Литературные интервью писателей в XXI в. отвечают на потребность литературоведения в понимании хода работы автора над художественным материалом и эстетической самоманифестацией творца. Писатель как нарратор (отвечающий на культурно обусловленный запрос интервьюера) имеет возможность определить ряд автономных микротем внутри нарративной рамки вопросно-ответной формы классического интервью (нарратив такого типа фрагментарен и отличается от «нарратива личных историй» и «мнемического нарратива», выделяемых исследователями; писатель апеллирует к личному и коллективному опыту осмысления писательства), складывающихся в принципиально важные позиции существования внутри литературы как феномена, а их рекуррентность может свидетельствовать о ранжировании позиций, выводимых на публичное осмысление. «Нарратив об авторе» является рефлексией над личным опытом писательства. В «нарративе об авторе» Некрасовой представлена ее эквилибрирующая позиция в литературном процессе (инаковость, невключенность); миссия автора заявлена как пересмотр «литературного канона», инерции жанров и техник письма и продвижение женского взгляда («фемоптики») в современной литературе.

Ключевые слова: нарратив об авторе, самопрезентация, литературные интервью, современный литературный процесс, Е. Некрасова, самоидентификация

Для цитирования: Селютина Е.А. К вопросу о стратегиях самопрезентации автора в современном литературном процессе: (на материале литературных интервью Е. Некрасовой) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 22—30.

Original article

ON THE ISSUE OF THE AUTHOR'S SELF-PRESENTATION STRATEGIES IN THE MODERN LITERARY PROCESS (Based on the material of literary interviews by E. Nekrasova)

Elena A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation,
L22502@yandex.ru

Abstract. The article examines the “narrative about the author” in an interview with E. Nekrasova as part of the trend towards public self-reflection in modern culture associated with the situation of ‘metamodernity’. Literary interviews of writers in the XXI century respond to the need of literary criticism to understand the progress of the author’s work on artistic material and the aesthetic self-manifestation of the creator. The writer as a narrator (responding to the culturally conditioned interviewer’s request) has the opportunity to identify a number of autonomous microthemes within the narrative framework of the question-and-answer form of the classical interview (this type of narrative is fragmented and differs from the “narrative of personal stories” and “mnemonic narrative”, identified by researchers; the writer appeals to the personal and collective experience of comprehending writing), which develop into fundamentally important positions of existence within literature as a phenomenon, and their competitiveness may indicate the ranking of positions that are brought to public comprehension. “The narrative about the author” is a reflection on the personal experience of writing. In the “narrative about the author” Nekrasova presents her balancing position in the literary process (otherness, non-inclusion); the author’s mission is stated as a revision of the “literary canon”, the inertia of genres and techniques of writing and the promotion of the female view (“femoptics”) in modern literature.

Keywords: narrative about the author, self-presentation, literary interviews, modern literary process, E. Nekrasova, self-identification

For citation: Selyutina E.A. On the issue of the author’s self-presentation strategies in the modern literary process: (Based on the material of literary interviews by E. Nekrasova), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 22—30.

Стратегии самопрезентации акторов литературного процесса — один из наиболее актуальных вопросов в современном литературоведении, что связано с общим нарративным поворотом в современной гуманитаристике [Брокмейер, Харре], а также с появлением новых источников, позволяющих применить иную оптику к проблемам литературных иерархий, институционализации и индоктринированности авторов, учесть изменившиеся стратегии взаимодействия писателя и читательских публик (см., например, работы П. Бурдые [Бурдые], Ф. Моретти [Моретти], Г. Блума [Блум]). Способ самопрезентации субъекта начинает активно исследоваться в российских научных штудиях в конце XX века, что связано с реконfigurацией всей литературной среды, произошедшей в этот период. Литературовед М.А. Черняк отмечает, что одним из болезненных вопросов современной нам писательской среды стал вопрос «престижности» самой области производства текстовых феноменов: «Сфера производства художественных текстов резко утратила социальный престиж, а лишение литературы социальных привилегий нанесло ошутимый удар по самоидентификации участников литературного процесса» [Черняк: 1]. В новых условиях существования художественной словесности

авторы, с одной стороны, оказались перед символическим обнулением многовекового опыта профессионального писательства как важнейшей культурной практики (что связано также с появлением большого количества возможностей выхода к читателю для писателей-непрофессионалов и увеличением количества «пишущих», то что философ М. Эпштейн называет временем *homo scriptor* [Эпштейн]), с другой — получили новые инструменты для артикулирования собственной позиции в эпоху «нулевой идентичности» [Гуревич, Спирина: 15].

Исследование самоидентификации автора в новейшем литературном процессе ведется на различном материале. Так, история и теория литературного самосознания понимается как часть художественной стратегии автора в работах Д.П. Бака [Бак]; литературное самосознание отдельных творцов может стать частью самоопределения эпохи (например, так понимает венский модернизм Ю.Л. Цветков [Цветков]); на основе анализа мемуарно-автобиографической прозы В. Маканина, А. Битова, Л. Петрушевской, Ю. Буйды и др., а также устных автобиографических нарративов провинциальных писателей Перми (Т. Соколовой, И. Тюленева, А. Королева, Д. Ризова и др.) М.П. Абашева делает вывод о частных и общих темах, важных для самоопределения писателя любого типа: рутинизация и актуализация литературных моделей, зависимость поведенческих стратегий литераторов от территориального самосознания [Абашева]. Некоторые важные положения этого научного вопроса содержатся в диссертационном исследовании С.Н. Есина: работа о фигуре автора и феноменологии творчества написана активно присутствующем в литературном процессе творцом, подвергающем авторефлексии не столько писателя вообще, но прежде всего «зафиксированную в тексте рефлексию писателя над своей особостью» [Есин: 3]. Прямая речь писателя как важный источник моделирования литературного портрета включена в справочник-«библионавигатор» по современной литературе М.А. Черняка и М.А. Саргсян [Черняк, Саргсян]. Нарративный подход к эго-текстам писателей осуществлен в ряде работ И.Л. Савкиной (см., например: [Савкина]).

В этом смысле исследование литературных интервью современных писателей представляет новый взгляд на указанную проблему. Если феномен авторефлексии можно считать имманентным писательству вообще, в связи с чем наука достаточно давно изучает эго-документы в рамках различных методологических подходов (письма, дневники и т. п.) и делает выводы о «лаборатории» автора, то жанр литературного интервью — относительно новый (появился на рубеже XIX—XX вв.), в XXI веке переживающий небывалый расцвет, что связано с изменениями в технологиях и способах коммуникации. Если первые интервью с писателями, появившиеся в России в эпоху модерна можно, скорее, назвать квазиинтервью, т. к. в большинстве своем в них прямая речь писателя переводится в косвенную, а в прессе этого периода — газетах «Биржевые ведомости», «Московские ведомости», «Раннее утро», «Вечерняя газета», друг за другом печатаются отчеты о встречах с писателями и ответы на «острые» вопросы журналистов, часто безымянных¹, то в новых условиях существования книжного рынка и разных способах выхода к читателю (например,

¹ См., например, интервью Л. Андреева, которому приходилось давать комментарии по поводу состояния современного кинематографа [Леонид Андреев... 1915: 14], о первой мировой войне [Л. Андреев: 3], высказываться о критиках своих произведений [Леонид Андреев... 1907: 4], а также опровергать обвинения в плагиате [Заимствовал ли...: 4].

персональные сайты или страницы в социальных сетях с возможностью обратной связи), интервью занимают особое место, что проистекает из самой природы жанра (свободная смена целей коммуникативного высказывания, вопросно-ответная форма, проясняющая ожидания читающей и экспертной аудитории по отношению к автору; это принципиально публичная авторефлексия, которая происходит без возможности длительного размышления) и нового общественного запроса на прямую речь, связанного с активно дебатруемым понятием метамодерна «новая искренность» (см., например, расцвет жанра аналитического «длинного» интервью на ютьюб-каналах блогеров Г. Юзефович или Ю. Дудя (признан иноагентом)). Кроме того, мы полагаем, что с изменением условий хранения информации и преобразованиями текстологии как науки, интервью отвечают на потребность литературоведения в понимании хода работы над художественным материалом.

Важно иметь в виду, что автор-участник дискуссии — не просто маркированная персона, получившая привилегию высказаться о самой себе, но человек, который производит «нарратив об авторе», не являющийся художественным, но обладающий многими свойствами такого типа нарративов в связи со спецификой говорящей личности: правильнее говорить о том, что нарратив писателя, помещенного в ситуацию публичного говорения о самом себе, будет подчиняться законам представления «истории о себе» как о герое «большой истории о творчестве», культурно и национально обусловленной, но при этом художественно выраженной [Макадамс: 136]². Поэтому современные интервью являются одним из важнейших источников для понимания эстетической программы писателя, его литературных связей, последовательности в выборе тем для художественного письма и т. п.³

Данная работа посвящена одной из стратегий self-идентификации автора в современном литературном процессе — самомаргинализации или самоотграничению. Если в социологии маргинальность понимается как явление, скорее, негативное (и множество исследований в этом плане посвящено этнокультурной идентификации мигрантов или их асоциальности), то в современном литературном процессе маргинальность может быть определена как персональная художественная стратегия, определяющая место и особую роль писателя в литпроцессе. Пример такого рода намеренного выделения себя, определения себя как отграниченного по отношению ко многим культурным конвенциям времени — эстетическая позиция прозаика Евгении Некрасовой, которая известна также как сценаристка и как кураторка «Школы литературных практик». В качестве эмпирической базы исследования использованы интервью, данные ею в 2017—2021 гг. по поводу включения сборника «Несчастливая Москва», романа «Калечина-Малечина» в премиальные списки этих лет, а также беседы о целях работы «Школы литературных практик» (открытой при Московской высшей школе социальных и экономических наук, третий набор идет в 2022 г.), отобранные вручную методом простой выборки. Понятие маргинальность позволяет определить некоторые аспекты разметки современного российского литературного поля.

² Об этих чертах эго-нарративов см. работы Д.П. Макадамса, который полагает, что в жизни любого человека существует «Я-определяющая» (self-defining) история, в нашем случае, это история авторства во всех ее вариациях от вхождения в литературу до целей письма.

³ См. о теории «нарратива об авторе» [Селютина].

В социокультурном смысле маргинальность — это «совокупность локальных культур (субкультур), базисные принципы которых оцениваются с точки зрения господствующего культурного канона как чуждые или враждебные. Социокультурный статус маргинальности определяется ее размещением на “окраинах” соответствующих культурных систем, частичным пересечением с каждой из них и лишь частичным признанием с их стороны. <...> Маргинальность культурного образца всегда конкретно-исторична» [Жбанков: 443]. По словам М.Р. Жбанкова, «ситуация маргинальности возникает при одновременном (вынужденном или добровольном) существовании группы или индивида в поле действия несовместимых или конфликтных культурных паттернов» [Там же], отсюда характерная черта маргинальности — коллажность, существование на границе социокультурных систем. Эта нелинейность маргинальных образцов культуры изучается литературоведами, например, как особенность жанровая, когда жанры, явно периферийные, в какой-то момент вновь означиваются в литературном процессе (как, например, классицистическая басня становится частью русского модерна), или образцы, изначально не являющиеся строго литературными (как, например, лубок, образец ранних креализованных текстов и часть массовой культуры XVIII—XIX века), переживают процесс реновации. Но нас интересует иной аспект этого явления.

Важно решить, кто определяет маргинальный статус автора и по отношению к чему он определяется как маргинальный. Он может определяться извне (критиками и литературоведами), внутри литературного сообщества (разные группы авторов, объединенных дружескими или профессиональными связями) и стать частью стратегии самопрезентации. Творчество Е. Некрасовой можно вписать в контекст современной феминистской литературы или определить ее место среди «молодых» литераторов, она регулярно входит в «короткие» списки литературных премий (например, «НОС» — 2018 и 2020, «Национальный бестселлер» — 2019, «Большая книга» — 2019, «Фикшн-35» — 2020). Кроме того, указанная деятельность в рамках продвижения «нового типа письма» в Шанинке создает вокруг Некрасовой продуктивную среду единомышленников, неслучайно некоторые интервью она дает в паре с коллегами по цеху (например, с О. Брейнингер и О. Васякиной). Поэтому идентификацию Некрасовой через категорию «маргинальности» (если бы таковая была сформулирована профессиональными читателями) нужно было бы поставить под сомнение, т.к. сложно говорить о ней как о субъекте, потерявшем свое место, сложившуюся идентичность или достигнутый статус.

Но аспект самоидентификации демонстрирует, что формулирование своей пограничной, эквилибрирующей позиции для писательницы чрезвычайно важно и осознаётся ей как миссия. Об этом, прежде всего, говорят позиции «нарратива об авторе» Е. Некрасовой, которые могут быть оценены как ее манифесты творчества: это пересмотр «литературного канона», обновление жанров и языка современной литературы и продвижение женского взгляда (фемоптики) на литературу любого типа (от классики до литературы, которая еще не появилась). Самоопределение фемлитературы как «другой», «особенной», маргинальной — это важный момент: он позволяет писательнице показать сложность этого художественного явления, затруднительность его оценки и одновременно отстоять инаковость. Некрасова говорит: «Женщины стали писать прозу или поэзию на те темы, которые никого раньше как будто не интересовали. В какой-то момент мужчины очень сильно — я сужу по прозе — зациклились на себе. А женщины-писательницы, даже несмотря

на то, что использовали (в первую очередь) свой опыт и рефлексии на тему травм, сумели написать какие-то те истории, которые оказались важны и актуальны для всех остальных» [Писарева]. При этом, на наш взгляд, формируется своеобразный парадокс: с одной стороны, по мнению писательницы, женщин в литпроцессе должно быть больше, с другой — их включенность в некий одобряемый и равноподходящий всем перечень авторов снимет с писательниц-женщин (авторок) часть их репутационной инаковости, разрушит изолированность и герметичность их круга.

Проблема «каноничности», ранжирования субъектов в социологии литературы и шире, в *cultural studies* вообще, начинает актуализироваться в момент изменения оптики и инструментария анализа, в кризисные моменты, переживаемые культурой (как, например, смена художественной парадигмы, уход в прошлое некоторых привычных институтов литературного и культурного процесса). В России канон начали обсуждать также в связи с рефлексией над метамодерном, а также публикацией книги Х. Блума «Западный канон» (1994, в России 2017) [Блум]. По мнению Некрасовой, говорить о проблеме канона необходимо, т.к. это важнейший инструмент регулирования отношений автора и общества. Она отмечает, что мировой канон и российский, в частности, нуждается в пересмотре, потому что изменились общественные конвенции. Например, разрушился «стандартный общественный договор», «который предписывает художнику очаровывать, гипнотизировать, создавать иллюзии, обманывать; читателю — восхищаться, верить (в смысле “suspension of disbelief”) и обманываться» [Панова: 63]. Е. Некрасова полагает, что кризис пережила концепция всезнания автора и его ответственности за все вопросы бытия: «В России есть такое представление, что писатель должен знать ответы на все вопросы. Но ведь писатели потому и пишут, что они — самые незнающие, самые офигевающие от жизни люди. Они не психологи, не педагоги, не антропологи. Никто не привык к тому, что есть специалисты, которые могут отвечать на эти вопросы, а писатель не за всё в ответе. Реальность мается из-за того, что она не отрефлексирована» [Лысова].

Но самое главное, существует инерция канона, диктующая и современным авторам, каким должен быть их текст, в результате чего язык, которым пишут литераторы, принимающие «законы канона», можно считать устаревшим, неактуальна проблематика их произведений: «Мне кажется, всегда нужно сохранять какую-то дистанцию и на событийном, и на эмоциональном уровне, даже если то, что ты описываешь, взято из твоего жизненного опыта. Именно дистанция помогает автору сформировать язык. Когда пишешь от первого лица, язык получается очень простой, его сложно развить. Когда говоришь о герое в третьем лице, появляется больше опций, больше художественной свободы» [Там же]. Читатели требуют новых жанров, но литература находится в ситуации стагнации, раз за разом используя форму большого нарратива, не соответствующего, как полагает Некрасова, потребностям сегодняшнего дня: «Современная русская литература застряла в безвременье, она пытается выбраться из ловушки собственного прошлого и редко замечает настоящее, а когда замечает, то не может толком разглядеть его и подобрать язык для его описания» [Оборин]. «Язык устарел. Мир, в котором мы живём, — он совершенно другой. Он меняется, но главное, что меняется наш взгляд, наша оптика. Я феминистка — скорее то, что называется “либеральная феминистка”. И понимаю, насколько важна фемоптика для меня как для авторки. Это просто другой подход к реальности и к литературе» [Там же]. Устарела

проблематика: «Русская литература сейчас ужасно провинциальна. Почти единственное, в чём она совпадает (с мировой повесткой), — это, собственно, фемнаправленность некоторых прозаических и особенно поэтических текстов (и вообще тема обретения голоса “другими”, как у Горалик). Именно поэтому у Оксаны (Васякиной), у Гали (Рымбу) берёт интервью Time. Это совпадает с общемировыми трендами, а тренды не рождаются просто так. Они выражают то, в чём нуждаются люди. Мы, к счастью, являемся частью мирового сообщества, несмотря на всё» [Там же].

Семантическим ядром «нарратива об авторе», зависящим от интенций письма и их оформления в речи, у Некрасовой можно считать миссию восполнения лакун, прежде всего, жанровых («Цветаева сказала, что нужно писать только те книги, которых тебе не хватает» [Погорелая]). Поэтому писательница апеллирует к субстанциональной идее творчества как непредсказуемого и стихийного результата вдохновения: «Литературное письмо — это абсолютно бескрайняя свобода, это такое путешествие, которое ты начинаешь. И даже если у тебя есть идея, даже если ты понимаешь историю, которую ты пишешь, это такое интересное приключение, потому что ты даже не знаешь порой не то что историю, не то что нарратив, а то, как именно будет написан этот текст, потому что даже внутри одного текста текст может быть написан по-разному» [Александров].

Таким образом, можно сделать вывод, что интервью Е. Некрасовой демонстрируют специфическую стратегию самопрезентации (самомаргинализацию) и сложившийся взгляд на миссию современного писателя: восполнение жанровых лакун актуальной литературы, расширение читательской аудитории за счет адресации текстов молодым людям и adult читателям. Маркированность феминистских авторов (авторок) как обособленных может определяться извне (критиками и литературоведами), но в интервью Некрасовой это предстает как осознанная потребность к изолированности у данного вида литературы, сформировавшаяся изнутри литературного сообщества (разные группы фемавторов, объединенных дружескими или профессиональными связями). Миссия женщины-автора и зона ее ответственности — пересмотр патриархального канона и обновление языка и проблематики современной литературы за счет ресурса литературных текстов (классических и постклассических), связанных с «женским взглядом» на мир.

Список источников

- Александров Н. Фигура речи: Евгения Некрасова // ОТР. 12 октября 2019. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-evgeniya-nekrasova-o-teme-bullinga-v-svojom-romane-kalechina-malechina-39051.html> (дата обращения: 01.04.2022).
- Заимствовал ли Андреев «Анатэму»? К обвинению писателя в плагиате: беседа с писателем, заметка // Раннее утро. 1909. 27 ноября. С. 4.
- Л. Андреев о войне: интервью писателя // Вечерние известия. 1914. 13 сентября. С. 3.
- Леонид Андреев о кинематографе: беседа / записал Э.И. // Театральная газета. 1915. 15 ноября. С. 14.
- Леонид Андреев о своих критиках: беседа с писателем // Наш понедельник. 1907. 17 декабря. С. 4.
- Лысова Ю. Евгения Некрасова: «Писатель не за все в ответе» // Многобукв. Всё о creative writing. 02.10.2019. URL: <https://4kdesktopbackground.com/content-https-mnogobukv.hse.ru/news/309135194.html> (дата обращения: 01.04.2022).

- Оборин Л. «Феминистский задор у нас на первом месте» // Полка. 19.01.2020. URL: <https://polka.academy/materials/751> (дата обращения: 01.04.2022).
- Писарева Е. Писательницы Ольга Брейнингер и Евгения Некрасова о голосе поколения и силе женской прозы // Афиша Daily. 30 сентября 2019. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/13117-pisatelnicy-olga-breyninger-i-evgeniya-nekrasova-o-golose-pokoleniya-i-sile-zhenskoj-prozy/?ysclid=1561lgb36j392781197> (дата обращения: 01.04.2022).
- Погорелая Е. Человек очеловечивающийся. Евгения Некрасова // Вопросы литературы. 18.08.2020. URL: <https://voplit.ru/2020/08/18/chelovek-ochelovechivayushhjsya-evgeniya-nekrasova/?ysclid=156m1qjw607379719> (дата обращения: 01.04.2022).

Список литературы / References

- Абашева М.П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 318 с.
(Abasheva M.P. Literature in Search of a Face (Russian Prose of the Late Twentieth Century: the Formation of the Author's Identity), Perm', 2001, 318 p. — In Russ.)
- Бак Д.П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992. 81 с.
(Bak D.P. History and Theory of Literary Self-consciousness: Creative Reflection in a Literary Work, Kemerovo, 1992, 81 p. — In Russ.)
- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
(Bloom H. The Western Canon, Moscow, 2017, 672 p. — In Russ.)
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
(Brokmejer J., Harre R. Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm, *Voprosy filosofii*, 2000, iss. 3, pp. 29—42. — In Russ.)
- Бурдые П. Поле литературы / пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. № 5 (45). С. 22—87.
(Burd'e P. Field of Literature, translated from French by M. Gronas, *New Literature Review*, 2000, no. 5 (45), pp. 22—87. — In Russ.)
- Гуревич П.С., Спинова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
(Gurevich P.S., Spirova Je.M. Identity as a Social and Anthropological Phenomenon. Moscow, 2015, 368 p. — In Russ.)
- Есин С.Н. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 36 с.
(Esin S.N. Writer in the Theory of Literature: The Problem of Self-identification: abstract dis. ... Candidate of Philology, Moscow, 2005, 36 p. — In Russ.)
- Жбанков М.Р. Маргинальность // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2001. С. 443.
(Zhbankov M.R. Marginality, *Postmodernism: An Encyclopedia*, Minsk, 2001, 443 p. — In Russ.)
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135—166.
(Makadams D.P. Psychology of life stories, *Metodologiya i istoriia psihologii*, 2008, vol. 3, iss. 3, pp. 135—166. — In Russ.)
- Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели; науч. ред. перевода И. Кушнарева. М.: Изд-во Института Гайдара. 352 с.

- (Moretti F. Distant reading, Moscow, 2016, 352 p. — In Russ.)
- Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 608 с.
(Panova L. Imaginary orphanhood: Khlebnikov and Kharms in the context of Russian and European modernism, Moscow, 2017, 608 p. — In Russ.)
- Савкина И.Л. Быть знаменитым красиво: эготексты как феномен // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сборник научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2018. С. 110—124.
(Savkina I.L. Being famous is beautiful: egotexts as a phenomenon, *Cult-goods: mass literature of modern Russia between the letter and the digit: Collection of scientific articles*, St. Petersburg, 2018, pp. 110—123. — In Russ.)
- Селютина Е.А. «Нарратив об авторе» в контексте проблемы самоидентификации писателя в современном литературном процессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 1. С. 109—118.
(Selyutina E.A. “Narrative about the Author” and the Problem of Writers’ Self-Identification in Modern Literary Process, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2021, vol. 13, iss. 1, pp. 109—118. — In Russ.)
- Цветков Ю.Л. Интеграция и самоидентификация венского модернизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1. С. 42—56.
(Tsvetkov Yu.L. Integration and self-identification of Viennese modernism, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2020, iss. 1, pp. 42—56. — In Russ.)
- Черняк М. Селфи на фоне эпохи: библионавигатор по современной литературе: учебное пособие. М.: РШБА, 2020. 352 с.
(Chernyak M.A. Selfie against the background of the epoch: biblionavigator on modern literature, Moscow, 2020, 352 p. — In Russ.)
- Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 1. С. 257—269.
(Epshtein M. Scriptorics. Introduction to Anthropology and Personology of Writing, *New Literary Review*, 2015, № 1 (131), pp. 257—269. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Селютина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры литературы, русского и иностранных языков, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия, L22502@yandex.ru

Selyutina Elena Alexandrovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Leading researcher, Associate Professor of the Department of Literature, Russian and Foreign Languages, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation, L22502@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 31—35.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 31—35.

Научная статья

УДК 811.111'367.632

DOI: 10.46726/И.2023.1.3

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНГЛИЙСКИХ АРТИКЛЯХ

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. Тема артиклей является одной из наименее любимых широким кругом людей, изучающих английский язык. Едва ли это можно считать случайным, особенно если вспомнить количество правил, регулирующих употребление артиклей в английском языке. Немного утрируя, можно сказать, что это количество стремится к бесконечности, особенно если учитывать и исключения из правил. С другой стороны, артикли — очень важный элемент английского языка и культуры. Всего три маленьких слова занимают немногим меньше 10 % любого английского текста. Сочетание этих двух факторов: отсутствие четко очерченного и приемлемого количества правил, с одной стороны, и важности артиклей, с другой — явилось причиной еще раз обратиться к данной теме.

Ключевые слова: артикли, неопределенный артикль, определенный артикль, маркеры имени существительного, исчисляемость, неисчисляемость, абстрактные существительные

Для цитирования: Григорян А.А. Еще раз об английских артиклях // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 31—35.

© Григорян А.А., 2023

2023. Вып. 1 •

Original article

ENGLISH ARTICLES (Revisited)

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. The study of articles can hardly count as something the students of English like or find easy. It is no wonder if you take into consideration the sheer number of articles usage rules and exception to those rules. On the other hand, the articles are a very important part of the English language and culture. After all, these three small words are responsible for a little less than 10 % of any text in English. The combination of these two factors: the absence of clean-cut limited number of rules, on the one hand, and the obvious importance of articles — on the other hand, has urged me to revisit the topic yet again.

Keywords: articles, indefinite/definite article, markers of nouns, countability/uncountability, abstract nouns

For citation: Grigoryan A.A. English articles: (Revisited), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 31—35.

Представляется, что одним из упущений, которые допускали приверженцы системного подхода к изучению языка, было предположение о том, что достаточно всем элементам системы, ее «кирпичикам» занять в ней свое место, чтобы вся система (в данном случае, язык) функционировала, как минимум, корректно. Напрашивается аналогия с любой машиной / автомобилем: если все части машины на своих местах и работают нормально, то и автомобиль в целом ведет себя адекватно. Сторонники этого направления упускали из виду или, по крайней мере, недооценивали фактор человека в языке. Язык не есть бездушная машина. Напротив, это — живой организм, чутко реагирующий не только на то, что, кому, когда и как нужно сказать, но и учитывающий, а зачастую предсказывающий, как это (возможно) будет воспринято. Если верить современным психолингвистическим исследованиям, то человек — прежде, чем сказать что-либо — создает у себя в голове своего рода «симулятор» мозга собеседника [Яковлев]. Иными словами, мы принимаем решение о том, что именно сказать, опираясь на наше понимание того, что уже знает собеседник. Если вернуться к английской грамматике, то представляется, что использование артиклей с существительными в единственном числе может послужить прекрасной иллюстрацией сказанному.

Практически все учебники и учителя английского утверждают, что неопределенный артикль появляется при первом представлении / упоминании предмета. В дальнейшем, при повторном упоминании, следует всегда использовать артикль определенный. Как правило, так оно и есть. Однако означает ли сказанное, что мы каждый раз мысленно возвращаемся к началу нашего разговора с кем-то, чтобы убедиться в том, что тот или иной предмет уже был упомянут? Думается, что на самом деле мы мысленно обращаемся к тому самому «симулятору», к нашему представлению о том, что известно собеседнику. Проиллюстрируем сказанное следующей историей: вы давно мечтали о котенке, и вот на день рождения вам его подарили. Вы, конечно, бесконечно счастливы и хотите поделиться радостью со своим лучшим другом. Вы звоните ему и делитесь с ним этой хорошей новостью. Вполне логичным является

использование на этой стадии неопределенного артикля. В результате, однако, вы создаете своего рода «связующую нить», своеобразный «мостик», который символизирует нечто общее в вашей с собеседником системе знаний. Теперь уже этот «мостик» довольно трудно разрушить. Появляется — и это выглядит естественно и логично — определенный артикль.

Сказанное выше, по сути, определяет базовые принципы функционирования английских артиклей [Архипов]. Однако этим не исчерпываются случаи употребления или неупотребления артиклей. Если уже существует какая-то черта или характеристика, однозначно выделяющая *вашего* лучшего друга, то употребление определенного артикля будет избыточным и некорректным. В качестве такого рода характеристик часто предстают притяжательные местоимения или имена существительные в притяжательном падеже. Таким образом, правильным является вариант *“He is my best friend”* и неправильным *“He is Mary’s the best friend”*.

По этой же причине определенный артикль не используется при наличии перед именем существительным указательных местоимений *“this”* и *“that”*. В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на неслучайность существования довольно большого количества языков, в которых отсутствует артикль как часть речи. При этом во всех этих языках существует класс и группа местоимений указательных. Иногда можно даже воспользоваться этим в методических целях, указав на сходство между определенным артиклем и указательным местоимением.

Гораздо более необычными и нелогичными выглядят случаи употребления указательного местоимения *“this”* вместо неопределенного артикля *“a”*. Так, однако, бывает. В этих случаях происходит своеобразный сдвиг в значении *“this”*: у него появляется оттенок чего-то неожиданного, удивительного, с трудом поддающегося объяснению. Проиллюстрируем это: *The other day when I was wandering in the forest I suddenly came across this magnificent ancient oak-tree.*

Более того, функцию неопределенного артикля может в каких-то контекстах взять на себя неопределенное местоимение *“some”*. Точно так же, как в случае с *“this”*, здесь имеет место определенный сдвиг в значении. Представляется, что сочетание *“some + noun in the singular”* служит для передачи приблизительно следующего значения: «речь идет о чем-то не очень важном, по крайней мере, для говорящего». Думается, что иногда говорящий может быть даже критически настроен к чему-то / кому-то, передаваемому посредством *“some + noun in the singular”*. Проиллюстрируем сказанное примерами из бестселлера Майкла Свона *“Practical English Usage”*:

- a) *“Mary has gone to America to marry some sheep farmer or other”*
- b) *“Some idiot has taken the bath plug”* [Swan: 547]

Заметим, что все исчисляемые имена существительные в современном английском языке обладают своеобразными маркерами. Это может быть маркер множественного числа (чаще всего *-s*), маркер неопределенности (*a / an*) и маркер определенности (*the*). Отсутствие маркера перед любым исчисляемым существительным приводит к своего рода смене «идентичности»: имя существительное исчисляемое превращается в неисчисляемое со всеми вытекающими последствиями. Речь может идти о следующих последствиях: а) имя существительное исчисляемое превращается в абстрактное существительное; б) имя существительное исчисляемое мыслится как некое абстрактное вещество. В первом случае говорящий фокусируется на идее / концепте,

выражаемом существительным, а не на реальном предмете. Во втором — внимание говорящего сосредоточено на отдельных частях / частичках того, что выражено именем существительным. И в том, и другом случае это сказывается на выборе и употреблении артиклей. Попробуем разобраться в этом.

Существует довольно большое количество имен существительных, которые связаны с понятиями, важными для каждого человека: a bed, a school, a hospital, a prison, a church, a university etc. Если мы употребляем эти существительные в качестве названий каких-то мест / локаций, мы превращаем их в имена существительные исчисляемые, с которыми следует употреблять артикли. Если же мы говорим об этих существительных как об абстрактных существительных, как о главных функциях, связанных с каждым из этих слов, то необходимость в артиклях отпадает. Сравните: предложение *she is at school* означает, что речь идет о школьнице (учительнице), в то время как в предложении *her granny decided to visit the school and talk to the headmaster about Mary's academic progress* существительное *the school* является обозначением конкретного места / здания. Любопытно отметить в этой связи, что все наиболее важные для жизни каждого человека существительные используются в этом значении — при передаче ими функции, являющейся главной для этих существительных — без артиклей. Действительно, *he is home / at home, in bed, at school, at university, in church, at work etc.* Носителям английского языка это представляется настолько важным, что подобное употребление этих существительных воспринимается как часть пословично-поговорочного фонда английского языка: *East or West — home is best; There's no place like home; All work and no play makes Jack a dull boy.*

Во втором случае нечто, обозначенное именем существительным, распадающееся на части или фрагменты вещества, также теряет свои маркеры исчисляемости и начинает восприниматься как что-то вещественное, неисчисляемое. Примерами могут служить такие предложения как: *Would you like some cheese?* или *He's got cake in his beard.*

Рассуждая об употреблении английских артиклей, хотелось бы также остановиться на, казалось бы, нелогичном и не вызванном лингвистическими причинами «разнобое» между определенным и неопределенными артиклями в случаях подобных *a shop*, но *the shopping mall*, *a concert*, но *the cinema*. Представляется, что причина здесь действительно лежит вне собственно языковой плоскости. Дело, по-видимому, в том, что все *shopping malls* или *cinemas* практически в любой точке нашей планеты очень похожи друг на друга. Конечно, они могут отличаться друг от друга какими-то деталями: набором тех или иных магазинов или наличием / отсутствием 3D очков и т. д. Но, по сути, здесь мы имеем дело скорее не с реальными местами, а с чем-то напоминающим унифицированный для всех людей, применимый ко все подобным случаям опыт. То же самое можно сказать про такие существительные как *the opera*, *the ballet*, *the baker's*, *the gym etc.* Все эти места точно нельзя назвать уникальными. Иными словами, когда вы рассказываете подруге о посещении *shopping mall*, вы делитесь с ней своим опытом. Использование определенного артикля сигнализирует о существовании «мостика», общего для вас опыта, той самой «связующей нити» в системе ваших общих с собеседником знаний. Представляется, что степень унифицированности ресторанов, кафе и концертов существенно ниже. Каждое из подобных заведений обладает большей специфичностью, непохожестью на все остальные.

Связующий «мостик» отсутствует. Отсюда и невозможность употребления в самом начале диалога определенного артикля.

В конце своих размышлений о функционировании артикля хотелось бы упомянуть о возможности появления “the” при первом упоминании существительного. Это, безусловно, противоречит правилам, согласно которым при первом упоминании следует использовать неопределенный артикль. Представляется, однако, что носители языка поступают так для придания повествованию большего эффекта, большей драматичности. Используя “the”, вы как бы посылаете собеседнику сигнал о том, что речь идет о чем-то важном, может быть даже очень важном для дальнейшего повествования. Вы хотите, чтобы собеседник / читатель обратил на это внимание. Проиллюстрируем сказанное: “We had been walking for a couple of hours in the jungle when we heard the roar and saw the tiger!” Тигр в данном случае предстает как важный элемент повествования. Возникает ощущение, что тигр как бы незримо уже присутствовал в рассказе. Представляется, что использование “a tiger” существенно бы снизило важность этого элемента. Именно поэтому носители языка в подобных случаях прибегают к определенному артиклю.

Сказанное выше не претендует на набор неких жестких и фиксированных правил употребления английских артиклей. Скорее, это — приглашение поразмышлять о том, как на самом деле обстоят дела с функционированием артиклей и чем, возможно, вызвано то или иное применение артикля.

Список литературы / References

- Архипов И.К. Грамматика английского языка. Артикли. СПб.: Инъязиздат, 2006. 176 с.
(Arhipov I.K. Grammar of the English language. Articles, St. Petersburg, 2006, 176 p. — In Russ.)
- Яковлев А.А. Языковое сознание — часть индивидуального сознания или часть теории // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 157—171.
(Yakovlev A.A. Linguistic consciousness — part of individual consciousness or part of theory, *Questions of psycholinguistics*, 2019, iss. 2 (40), pp. 157—171. — In Russ.)
- Swan M. Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press, 2002, 658 p.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 11.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 36—45.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 36—45.

Научная статья

УДК 811.16'373.611

DOI: 10.46726/И.2023.1.4

ОТОНИМНЫЕ ДЕРИВАТЫ С КОМПОНЕНТОМ *-ГЕЙТ* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ирина Владимировна Гурова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия, gurova@pgsga.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в сопоставительном исследовании отонимных дериватов с компонентом *-гейт* в болгарском, русском, польском и украинском языках. Материал исследования — блоги, сайты, электронные версии газет за 2018—2020 гг. Применялись общенаучные методы анализа, сопоставления, обобщения и статистической обработки данных. Предложена рабочая модель изучения отонимных дериватов с компонентом *-гейт*: 1) исследование лексем с точки зрения происхождения, т. е. выявление интерлингвальных и интралингвальных языковых единиц; 2) определение тематических групп слов; 3) установление способов концептуализации денотативной ситуации скандала; 4) сопоставительное описание структурных особенностей дериватов; 5) сравнение орфографического оформления слов с компонентом *-гейт*; 6) проведение оценки прагматического потенциала дериватов. Установлены общие закономерности и тенденции: превалирование тематической группы «Политика»; вариантное написание слов и др. Выявлены различия: низкая деривационная активность *potina rgoria* при образовании дериватов с компонентом *-гейт* в болгарском языке; область-источник «участник скандала + род деятельности участников скандала» при метонимической концептуализации денотативной ситуации скандала с помощью отонимных дериватов с компонентом *-гейт* фиксируется только в русском дискурсе.

Ключевые слова: словообразование, отонимные дериваты, славянские языки, интерлингвальные и интралингвальные единицы, тематические группы

Для цитирования: Гурова И.В. Отонимные дериваты с компонентом *-гейт* в славянских языках // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 36—45.

Original article

AUTONOMOUS DERIVATIVES WITH THE *-GATE* COMPONENT IN SLAVIC LANGUAGES

Irina V. Gurova

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation, gurova@pgsga.ru

Abstract. The paper aims to perform a comparative study of autonomous derivatives with the *-gate* component in Bulgarian, Russian, Polish, and Ukrainian languages. The research materials are blogs, websites, electronic versions of newspapers for 2018—2020. We use the general scientific methods of continuous sampling, general scientific methods of analysis, comparison, generalization, and statistical processing of data. We propose the following working model for the study of autonomous derivatives with the *-gate* component: 1) examination of lexemes from the point of view of origin, i.e., identification of interlingual and intralingual language units; 2) definition of thematic groups of words; 3) establishing ways to conceptualize the denotative situation of the scandal; 4) comparison of the spelling of words with the *-gate* component; 5) assessing the pragmatic potential of derivatives. We have established the following general patterns and tendencies: prevalence of the thematic group “Politics”; the variant spelling of words, etc. We have revealed the following differences: low derivational activity of nomina propria during the formation of derivatives with the *-gate* component in the Bulgarian language; the area source “participant in the scandal + occupation of the participants in the scandal” with the metonymic conceptualization of the denotative situation of the scandal with the help of autonomous derivatives with the *-gate* component is found only in Russian discourse.

Keywords: word-formation, autonomous derivatives, Slavic languages, interlingual and intralingual units, thematic groups

For citation: Gurova I.V. Autonomous derivatives with the *-gate* component in Slavic languages, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 36—45.

Интерес лингвистов к исследованию динамических процессов в славянском словообразовании остается устойчивым на протяжении многих десятилетий. С целью расширения международного взаимодействия и сотрудничества ученых-дериватологов из разных стран в 1994 г. создана Комиссия по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, входящем в систему просветительских организаций ЮНЕСКО. На научных конференциях обсуждаются актуальные проблемы дериватологии, подвергаются разноаспектному анализу дискурсивные реализации словообразовательных явлений в славянских языках [Петрова, Северская] и др. В рамках исследований языковых универсалий и спецификатов ученые обращаются к таким актуальным вопросам славистики, как отражение в языке, в том числе и в славянском словообразовании, истории и культуры народов [Відображення історії..., Иванян, Кудлинская-Стемпень, Никитина]; описание инновационных словообразовательных процессов [Новые явления...]; презентация славянского словообразования в ракурсе современных лингвистических парадигм [Mengel] и др.

Дериватологи отмечают, что в последние 20—30 лет сближение славянских языков в области словообразования происходит под влиянием экстралингвистических факторов: модернизация, технологизация, цифровизация, увеличение социальной плотности событий и др., важнейшим из которых

признается усиление процессов глобализации [Globalizacja...]. Интернационализация лексики, трансформация заимствованных из английского языка лексем и их частей в словообразовательные форманты, развитие адаптирующей функции словообразовательных типов и моделей, направленной на апроприацию иноязычных элементов, — эти явления наблюдаются во всех славянских языках [Новые явления..., Рацибурская 2019].

Яркой иллюстрацией указанных выше тенденций служат дериваты с элементом *-гейт*. Отделившийся от хрононима *Уотергейт*, обозначающего громкий американский политический процесс в 1972—1974 гг., английский осколочный элемент *-гейт* трансформировался в интернациональный словообразовательный формант со значением «скандал». Слова, содержащие компонент *-гейт*, фиксируются в русском, польском, чешском, украинском, болгарском и др. славянских языках [Коряковцева 2015]. Цель настоящего исследования состоит в установлении общего и уникального, свойственных отонимным дериватам с элементом *-гейт* в болгарском, польском, русском и украинском языках. Источники языкового материала — блоги, сайты, электронные версии газет за 2018—2020 гг. Отбор источников производился с помощью поисковых систем Yandex и Google. Применялся способ сплошной выборки. В работе использовались методы научного анализа, сопоставления, обобщения и статистической обработки данных.

В современных славянских языках активизировались процессы образования производной лексики от *potina prorgia* с помощью аффиксов и аффиксоидов, см. подробнее: [Новые явления...: 301—317], [Рацибурская 2017]. Наша картотека языкового материала подтверждает это положение. Так, в украинском дискурсе зафиксировано 10 дериватов с компонентом *-гейт*, все они представляют собой отонимные производные: *Вагнергейт* (скандал, связанный с задержанием белорусскими правоохранительными органами предполагаемых бойцов частной военной компании «Группа Вагнера»); *Підласагейт* (скандал, связанный с обвинением депутата от партии «Слуга народа» Роксоланы Підласы в конфликте интересов); *Ібицагейт* (скандал, связанный с ушедшим в отставку вице-канцлером и лидером партии свободы Австрии Хайнцом Кристианом Штрахе); *Українагейт* (скандал, связанный с телефонным разговором между президентом США Дональдом Трампом и президентом Украины Владимиром Зеленским в сентябре 2019 г.); *Свинарчукгейт* (скандал вокруг вероятных хищений в оборонной сфере Украины, по фамилии высокопоставленного чиновника); *Трубагейт* (скандал вокруг аудиозаписей, компрометирующих украинского чиновника Романа Трубу), *Гримчакгейт* (скандал, связанный с арестом украинского чиновника Юрия Грымчака); *Луценкогейт* (скандал, связанный с Генеральным прокурором Украины Юрием Луценко); *Леонтовичгейт* (скандал вокруг дома композитора Николая Леонтовича); *Бігусгейт* (скандал, связанный с публикациями журналиста Дениса Бигуса о хищениях в оборонной промышленности Украины).

Из 43 дериватов с компонентом *-гейт*, фиксируемых в электронных источниках за 2018—2020 гг. в русском дискурсе, 29 языковых единиц (67,4 %) образованы от *potina prorgia*: *Ібицагейт* (скандал, связанный с ушедшим в отставку вице-канцлером и лидером партии свободы Австрии Хайнцом Кристианом Штрахе); *Ксюша-крабгейт* (скандал вокруг покупки телеведущей Ксенией Собчак доли в двух компаниях по добыче крабов на Дальнем Востоке); *Siriгейт* (скандал вокруг прослушивания разговоров с голосовыми помощниками); *Штрахегейт* (то же, что *Ібицагейт*); *Качиньскийгейт* (скандал

вокруг аудиозаписей, компрометирующих лидера польской партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского); *Вагнергейт* (скандал, связанный с задержанием белорусскими правоохранительными органами предполагаемых бойцов частной военной компании «Группа Вагнера»); *Эпштейнгейт* (скандал с американским бизнесменом Джеффри Эпштейном); *Горринг-гейт* (скандал, связанный с обвинением заместителя главы холдинга «Росгеология» Руслана Горринга в мошенничестве); *Глушаков-гейт* (скандал вокруг голосовых сообщений футболиста Дениса Глушакова); *Дзюбагейт* (серия скандалов, связанных с футболистом Артемом Дзюбой); *Загитовагейт* (скандал вокруг выступлений фигуристки Алины Загитовой); *Неверленд-гейт* (скандал вокруг фильма «Покидая Неверленд»); *Кержаков-gate* (скандал, связанный с семьей футболиста Александра Кержакова); *Солсбери-гейт* (скандал вокруг отравления Сергея Скрипаля и его дочери в Солсбери); *Гладковский-гейт* (скандал, связанный с увольнением Олега Гладковского с должности первого заместителя секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины); *Голунов-гейт* (скандал вокруг ареста журналиста Ивана Голунова); *Метельский-гейт* (коррупционный скандал, связанный с семьей вице-спикера Московской городской думы Андрея Метельского); *Соколовгейт* (скандал, связанный с ученым Олегом Соколовым); *Серпухов-гейт* (скандал, связанный с делом главы Серпуховского района Московской области Александра Шестуна); *Друзь-гейт* (скандал вокруг игры Александра Друзя в телевизионной программе «Кто хочет стать миллионером»); *«Новичок»-гейт* (скандал вокруг отравления Сергея Скрипаля и его дочери в Солсбери, по названию отравляющего вещества); *Maruv-гейт* (скандал вокруг отбора представителя Украины для участия в конкурсе «Евровидение»); *VIZIT-гейт* (скандал вокруг рекламы презервативов); *Рыбка-гейт* (скандал с сотрудницей эскорт-агентства Настей Рыбкой); *Тодоренко-гейт* (скандал вокруг высказываний телеведущей Регины Тодоренко о домашнем насилии); *Ефремов-гейт* (скандал вокруг аварии с участием актера Михаила Ефремова); *бесогон-гейт* (скандал вокруг передачи «Бесогон» Никиты Михалкова); *Скипский-гейт* (скандал, связанный с игроком телепередачи «Что? Где? Когда?» Михаилом Скипским); *Эрдогейт* (скандал вокруг фотосессии футболистов сборной Германии с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом).

В польском дискурсе за этот же период выявлено 15 дериватов с компонентом *-гейт*; доля отонимных производных составляет 46,7 % (7 языковых единиц): *Ibiza gate* (скандал, связанный с ушедшим в отставку вице-канцлером и лидером партии свободы Австрии Хайнцом Кристианом Штрахе); *Drabik gate* (скандал, связанный с нарушением антидопинговых правил гонщиком Максимом Драбиком); *Kuchciński-gate* (скандал вокруг поездок спикера польского сейма Марека Кухчиньского); *Lewandowska gate* (скандал с супругой футболиста Роберта Левандовски); *Stobnica gate* (скандал вокруг строительства замка в Стобнице); *Marciniak-gate* (скандал вокруг решений арбитра Шимона Марчиняка); *Kaczyński-gate* (скандал вокруг аудиозаписей, компрометирующих лидера партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского).

В болгарском дискурсе фиксируем 16 дериватов, из которых две языковые единицы (12,5 %) образованы от *nomina propria*: *Ибиса гейт* (скандал, связанный с ушедшим в отставку вице-канцлером и лидером партии свободы Австрии Хайнцом Кристианом Штрахе); *Новичок-гейт* (скандал вокруг отравления Сергея Скрипаля и его дочери в Солсбери, по названию отравляющего вещества).

Таким образом, по нашим данным, наибольшую деривационную активность при образовании слов с компонентом *-гейт* поміпа ргорта проявляет в русском и украинском языках. Попутно заметим, что в русском языке элемент *-гейт* употребляется как в транслитерированной (96,6 %), так и в нетранслитерированной (3,4 %) формах: *Серпухов-гейт*, *Кержаков-gate*. В болгарском и украинском языках компонент *-гейт* представлен транскрибированной формой: *Труба-гейт* (укр.), *Новичок-гейт* (болг.).

Для сопоставительного изучения отонимных дериватов с компонентом *-гейт* в славянских языках (установления общих закономерностей, тенденций и различий) предлагаем рабочую модель, предусматривающую несколько этапов: 1) исследование лексем с точки зрения происхождения, т. е. выявление интерлингвальных и интралингвальных языковых единиц; 2) определение тематических групп слов; 3) установление способов концептуализации денотативной ситуации скандала; 4) сопоставительное описание структурных особенностей дериватов; 4) сравнение орфографического оформления слов с компонентом *-гейт*; 5) проведение оценки прагматического потенциала дериватов.

Исследование лексем с точки зрения происхождения. Таксономия дериватов с компонентом *-гейт* по критерию «заимствованное / образованное на русской почве слово» впервые была предложена Е.С. Отиным [Отин]. Мы продолжили лингвистические изыскания в этом направлении [Гурова 2018]. Применительно к материалу русского, польского, украинского и болгарского дискурсов 2018—2020 гг. установлены две группы отонимных дериватов: заимствованные из англоязычных средств массовой информации (интерлингвальные единицы) и образованные в каждом из славянских языков (интралингвальные единицы).

Перечислим интерлингвальные единицы (заимствованные из англоязычных средств массовой информации), которые фиксируются а) в русском языке: *Ибица-гейт*, *Siri-гейт*, *Штрахе-гейт*, *Солсбери-гейт*, *Эрдогейт*, *Эпштейнгейт*; б) в польском языке: *Ibiza gate*; в) в украинском языке: *Ібіца-гейт*; г) в болгарском языке: *Ибуса гейт*. Резюмируем: доля интерлингвальных отонимных дериватов с компонентом *-гейт* признается *minuscale*. Обращает на себя внимание номинация скандала с ушедшим в отставку вице-канцлером и лидером партии свободы Австрии Хайнцом Кристианом Штрахе, функционирующая во всех славянских языках: *Ибица-гейт* (рус.), *Ібіца-гейт* (укр.), *Ibiza gate* (польск.), *Ибуса гейт* (болг.). Данную языковую единицу квалифицируем как узуальную.

Бесспорный факт преобладания интралингвальных дериватов позволяет сделать важный вывод о достаточно прочном вхождении элемента *-гейт* в словообразовательные системы славянских языков.

Следует подчеркнуть, что некоторые единицы не могут быть однозначно квалифицированы с позиций «свое» / «чужое»: *Качиньский-гейт* (рус.) — *Kaczyński-gate* (польск.); *Вагнергейт* (рус.) — *Вагнергейт* (укр.); «Новичок»-*гейт* (рус.) — *Новичок-гейт* (болг.). Наше предположение об имеющих место межславянских заимствованиях дериватов с компонентом *-гейт*, безусловно, требует весомой аргументации. Исследование этого аспекта представляется перспективным.

Определение тематических групп слов. Д.Н. Шмелев отмечал, что слова, отображая определенным образом те или иные «отрезки действительности», связаны между собой, как взаимосвязаны и отображаемые ими явления действительности. На основании «внеязыковых» связей слова объединяются

в тематические группы. Предметная общность слов может обуславливать некоторую общность словообразовательных и семантических признаков, а в некоторых случаях и общность синтаксических возможностей [Шмелев: 130—131]. В этом ракурсе рассматриваем отонимные дериваты с компонентом *-гейт*, которые входят в 8 тематических объединений, отображающих сферы жизнедеятельности человека. Назовем их, располагая группы в порядке убывания частотности употребления:

а) в русском языке:

- 1) «Политика» (20,7 %): *Штрахе-гейт*, *Солсбери-гейт* и др.;
- 2) «Шоу-бизнес» (20,7 %): *Марив-гейт*, *Друзь-гейт* и др.;
- 3) «Экономика» (17,2 %): *Ксюша-краб-гейт*, *VIZIT-гейт* и др.;
- 4) «Спорт» (17,2 %): *Дзюбагейт*, *Загитовагейт* и др.;
- 5) «Государственная и муниципальная служба» (13,9 %): *Серпухов-гейт*, *Метельский-гейт* и др.;
- 6) «Журналистика» (6,9 %): *Тодоренко-гейт*, *Голунов-гейт*;
- 7) «Наука и образование» (3,4 %): *Соколовгейт*;

б) в польском языке:

- 1) «Политика» (42,9 %): *Kaczyński-gate* и др.;
- 2) «Спорт» (42,9 %): *Marciniak-gate* и др.;
- 3) «Экономика» (14,2 %): *Stobnica gate*;

в) в украинском языке:

- 1) «Государственная и муниципальная служба» (50 %): *Труба-гейт*, *Свинарчук-гейт* и др.;
- 2) «Политика» (30 %): *Україна-гейт*, *Підласа-гейт* и др.;
- 3) «Культура» (10 %): *Леонтович-гейт*;
- 4) «Журналистика» (10 %): *Бігус-гейт*;

г) в болгарском языке:

«Политика» (100 %): *Ибиса гейт*, *Новичок-гейт*.

Анализ тематических групп слов показывает, что отонимные дериваты с компонентом *-гейт* 2018—2020 гг. отражают актуальную социально-политическую ситуацию в славянских странах, во многом формируемую средствами массовой информации: высокая политизация общества, интерес к жизни высокопоставленных чиновников, миру шоу-бизнеса и спорта.

Установление способов концептуализации денотативной ситуации скандала. Мы утверждаем, что в русском языке с помощью дериватов с компонентом *-гейт* осуществляется метонимическая концептуализация денотативной ситуации скандала, при этом возможен выбор 5 областей-источников: «объект скандала»; «участник скандала»; «географическая локализация скандала»; «род деятельности участников события»; «участник скандала + род деятельности участников скандала» [Гурова 2021]. Представим способы концептуализации денотативной ситуации скандала на материале отонимных дериватов с компонентом *-гейт* в четырех славянских языках:

а) в русском языке:

- 1) «участник скандала» (68,9 %): *Ефремов-гейт*, *Горринг-гейт* и др.;
- 2) «объект скандала» (13,7 %): *Siri-гейт*, *бесогонгейт*, *Неверленд-гейт*, «*Новичок*»-гейт;
- 3) «географическая локализация скандала» (10,4 %): *Ибица-гейт*, *Серпухов-гейт*, *Солсбери-гейт*;
- 4) «участник скандала + род деятельности участников скандала» (7 %): *Ксюша-краб-гейт*;

б) в польском языке:

- 1) «участник скандала» (85,7 %): *Kuchciński-gate, Lewandowska gate* и др.;
- 2) «географическая локализация скандала» (14,3 %): *Ibiza gate, Stobnica gate*;

в) в украинском языке:

- 1) «участник скандала» (70 %): *Луценко-гейт, Гримчак-гейт* и др.;
- 2) «географическая локализация скандала» (20 %): *Ібіца-гейт, Україна-гейт*;
- 3) «объект скандала» (10 %): *Леонтович-гейт* (скандал вокруг дома композитора Н. Леонтовича);

г) в болгарском языке:

- 1) «географическая локализация скандала» (50 %): *Ибиса гейт*;
- 2) «объект скандала» (50 %): *Новичок-гейт*.

Очевидно, что для присвоения наименования событиям скандального характера авторы интернет-публикаций в русском, польском и украинском дискурсах предпочитают выбирать область-источник «участник скандала», т. е. такой дифференциальный признак денотата, который позволяет указать на порицаемое лицо. Область-источник «участник скандала + род деятельности участников скандала» при метонимической концептуализации денотативной ситуации скандала впервые фиксируется в русском дискурсе. В болгарском языке представлены области-источники «географическая локализация скандала» и «объект скандала».

Сопоставительное описание структурных особенностей дериватов. В качестве первого компонента дериватов с элементом *-гейт* могут выступать онимы различных разрядов. Установим частотность их употребления:

а) в русском языке:

- 1) антропоним (фамилия) — 58,6 %: *Глушаков-гейт, Соколовгейт* и др.;
- 2) топоним — 10,3 %: *Серпухов-гейт, Солсбери-гейт* и др.;
- 3) прагматоним — 10,3 %: *VIZIT-гейт, «Новичок-гейт»* и др.;
- 4) антропоним (прозвище) — 6,9 %: *Марин-гейт, Рыбка-гейт*;
- 5) идеоним — 6,9 %: *бесогонгейт, Неверленд-гейт*;
- 6) антропоним (гипокористическое имя) — 3,5 %: *Ксюша-краб-гейт*;
- 7) эргоним — 3,5 %: *Вагнергейт*;

б) в польском языке:

- 1) антропоним (фамилия) — 71,4 %: *Kuchciński-gate, Marciniak-gate* и др.;
- 2) топоним — 28,6 %: *Stobnica gate*;

в) в украинском языке:

- 1) антропоним (фамилия) — 70 %: *Підласа-гейт, Свинарчук-гейт* и др.;
- 2) топоним — 20 %: *Україна-гейт, Ібіца-гейт*;
- 3) эргоним — 10 %: *Вагнергейт*;

г) в болгарском языке:

- 1) топоним — 50 %: *Ибиса гейт*;
- 2) прагматоним — 50 %: *Новичок-гейт*.

Согласно статистическому анализу, наибольшей частотностью употребления в качестве первого компонента отонимных дериватов с компонентом *-гейт* в русском, польском и украинском языках характеризуется антропоним (фамилия). Во всех языках производящая база может быть представлена топонимом.

Сравнение орфографического оформления слов с компонентом -гейт. Отонимные дериваты с компонентом *-гейт* отличаются вариативностью написания. На наш взгляд, орфографический разнобой объясняется продолжающимся в 2018—2020 гг. фонетическим, семантическим и структурным

освоением интернационального форманта носителями славянских языков. Так, в русском и украинском языках наблюдаем слитное и полуслитное (через дефис) написание отонимных дериватов: *Соколовгейт* (рус.), *Голуновгейт* (рус.), *Вагнергейт* (рус., укр.), *Гримчак-гейт* (укр.); в польском и болгарском языках — раздельное и полуслитное (через дефис): *Drabik gate* (польск.), *Kuchciński-gate* (польск.), *Ибуса гейт* (болг.), *Новичок-гейт* (болг.).

И.А. Измestьева предложила теорию, согласно которой единая фонетическая оформленность слова (отсутствие дополнительной ударной позиции) обуславливает слитное написание дериватов с компонентом *-гейт*; слова с дефисным написанием характеризуются тем, что «каждая часть может употребляться как самостоятельное слово, представлять составные названия. Возникающая пауза между самостоятельными словами обозначена дефисом, дефис на письме отражает диэрему» [Измestьева: 41—42].

Можем предположить, что логическое выделение *гейт*, наличие диэремы между полнозначными словами приводит к написанию конструкции с *гейт* как устойчивого словосочетания в польском и болгарском языках: *Ибуса гейт* (болг.), *Lewandowska gate* (польск.).

Проведение оценки прагматического потенциала дериватов. Выше мы указали, что наибольшую активность при образовании дериватов с компонентом *-гейт* в русском, польском и украинском языках проявляют антропонимы. Антропонимы, называющие актуальные общественно-политические фигуры современности, относят к «ключевым словам текущего момента». Л.В. Рацибурская отмечает две тенденции в употреблении антропонимии в текстах средств массовой информации: 1) экспрессивная игра со словом; 2) антропонимия становится оценкой, «нередко противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону» [Рацибурская 2017]. Таким образом, отонимные дериваты с компонентом *-гейт* в русском, польском и украинском языках становятся средством повышения экспрессивности текста, выполняют оценочную и людическую функции. Поскольку высокочастотным первым компонентом дериватов с элементом *-гейт* в болгарском языке (2018—2020 гг.), по данным нашего исследования, является апеллатив, считаем номинативную функцию этих образований в болгарском языке доминирующей. Обратим также внимание на игровой механизм образования некоторых отапельлативных дериватов: *чекмедже-гейт* (болг.), *кръстник-гейт* (болг.) и др.

Обобщим полученные результаты. Функционирование в русском, польском, украинском и болгарском языках отонимных дериватов с компонентом *-гейт* относим к фреквенталиям. При сопоставительном изучении отонимных дериватов 2018—2020 гг. выявлены некоторые общие закономерности, тенденции и различия.

I. Общие закономерности и тенденции:

а) для всех языков:

- 1) превалирование тематической группы «Политика»;
- 2) вариантное написание слов;

б) для русского, польского и украинского языков:

- 1) преобладание интралингвальных отонимных дериватов;
- 2) предпочтительный выбор области-источника «участник скандала» при метонимической концептуализации денотативной ситуации скандала;
- 3) высокая частотность употребления фамилии в качестве первого компонента дериватов;
- 4) выполнение дериватами экспрессивно-оценочной и людической функций.

II. Различия:

- 1) область-источник «участник скандала + род деятельности участников скандала» фиксируется только в русском дискурсе;
- 2) низкая деривационная активность *nomina propria* при образовании дериватов с компонентом *-гейт* в болгарском языке;
- 3) написание ряда конструкций с *гейт* как устойчивого словосочетания в польском и болгарском языках.

Список литературы / References

- Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 29—32.
(Gurova I.V. Gate derivatives: borrowed vs formed on the Russian bases, *Baltic Humanitarian Journal*, 2018, vol. 7, no. 3 (24), pp. 29—32. — In Russ.)
- Гурова И.В. Производные от основы *гейт* в свете теории вариативной интерпретации действительности // Научный диалог. 2021. № 5. С. 40—54.
(Gurova I.V. Derivatives formed from the base *gate* in the light of the theory of variable interpretation of reality, *Scientific dialogue*, 2021, no. 5, pp. 40—54. — In Russ.)
- Иванян Е.П., Кудлинская-Степень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы). М.: Флинта, 2013. 2002 с.
(Ivanyan E.P., Kudlinskaya-Stempen' H., Nikitina I.N. Everyday euphemisms in Russian, Polish, and English (on the basis of delicate euphemisms), Moscow, 2013, 2002 p. — In Russ.)
- Измest'eva И.А. Особенности написания слов с компонентом *-гейт* в русском языке // Вестник современных исследований. 2018. № 10.5 (25). С. 41—42.
(Izmest'eva I.A. Features of writing words with the gate component in Russian, *Bulletin of Modern Studies*, 2018, no. 10.5 (25), pp. 41—42. — In Russ.)
- Корьяковцева Е.И. Язык современных СМИ в эпоху глобализации: к вопросу об инновациях и инновационных процессах // Многомерные миры языка: избранные труды Международной научной конференции. М.: РУДН, 2015. С. 108—123.
(Koryakovceva E.I. The language of modern media in the era of globalization: on the issue of innovation and innovative processes, *Multidimensional worlds of language: Selected Works of The International Scientific Conference*. Moscow, 2015, pp. 108—123. — In Russ.)
- Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М.: Макс Пресс, 2010. 444 с.
(New phenomena in Slavic word formation: system and functioning: Reports of the XI International scientific conference of the Commission on Slavic word formation under the International Committee of Slavists, Moscow, 2010, 444 p. — In Russ.)
- Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: АТемп, 2006. 440 с.
(Otin E.S. Dictionary of connotative proper names, Moscow, 2006, 440 p. — In Russ.)
- Петрова З.Ю., Северская О.И. Международная научная конференция «Словообразование и Интернет» Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 149—154.
(Petrova Z.Yu., Severskaya O.I. International Scientific Conference “Word Formation and the Internet” of the Word Formation Commission under the International Committee of Slavists, *Linguistics issues*, 2016, no. 6, pp. 149—154. — In Russ.)

- Рацибурская Л.В. Антропонимы в современном медийном словотворчестве // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 1. URL: <http://vestnikmgu.ru/en/Articles/Doc/799> (дата обращения: 10.05.2022).
- (Raciburskaya L.V. Anthroponyms in modern media word creation, *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*, 2017, no. 1. — In Russ.)
- Рацибурская Л.В. Интернационализация в славянском словообразовании // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума. Киров: Аверс, 2019. С. 140—146.
- (Raciburskaya L.V. Internationalization in Slavic word-formation, *Idiolect of the Russian linguistic personality as a reflection of the linguistic and cultural situation in the Slavic borderlands: a collection of reports from the participants of the International Scientific Forum*, Kirov, 2019, pp. 140—146. — In Russ.)
- Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
- (Shmelev D.N. Essays on the semasiology of the Russian language, Moscow, 1964, 244 p. — In Russ.)
- Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доповіді XII Міжнародної наукової Конференції Комісії слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. Київ: Видавничий дім Д. Бураго, 2010. 472 с.
- (Reflection of the history and the people's culture in word formation: Reports of the XII International Scientific Conference of the Commission on Slavic Word Formation at the International Committee of Slavists, Kyiv, 2010, 472 p. — In Ukrainian)
- Globalizacja a języki słowiańskie / Red. E. Koriakowcewa, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. 152 s.
- (Globalization and Slavic languages, E. Koriakowcewa (ed.), Siedlce, 2018, 152 p. — In Polish)
- Swetlana Mengel (Hg). Slavische Wortbildung im Vergleich: theoretische und pragmatische Aspekte. Berlin: Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg, Lit Verlag, 2014, 681 s. — In German.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Гурова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного образования, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия, gurova@pgsa.ru

Gurova Irina Vladimirovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Preschool Education, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, gurova@pgsa.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 46—54.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 46—54.

Научная статья

УДК 811.111'373.46

DOI: 10.46726/И.2023.1.5

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Светлана Андреевна Маник

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, maniksa@ivanovo.ac.ru

Дарья Владимировна Корытова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, korytowa.d@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы когнитивной метафоры в медицинской терминологии и метафоризации медицинской терминологии на примере ее употребления в англоязычных СМИ. Вопрос о влиянии когнитивных метафор на восприятие окружающего мира человеком уже давно является предметом исследования многих ученых, однако аспект метафорического номинирования научных объектов в медиатекстах медицинской тематики, а также трансформации значения медицинских терминов и степени их влияния при построении художественных образов недостаточно исследован на сегодняшний день. В настоящей статье выделяются четыре коммуникативные задачи использования когнитивной метафоры: агитация к вакцинации, выстраивание положительного образа вакцины, воздействие на сознание человека для его устрашения, а также предупреждение о возможных последствиях вируса. Реализация данных задач в СМИ зависит от верно выбранных средств манипуляции, а когнитивная метафора как языковой прием воздействия на понятийные функции человека отлично для этого подходит.

Ключевые слова: медицинская терминология, когнитивная метафора, медиадискурс, воздействие, метафоризация терминологии

Для цитирования: Маник С.А., Корытова Д.В. Когнитивная метафора в медицинской терминологии в англоязычных СМИ // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 46—54.

Original article

COGNITIVE METAPHOR IN MEDICAL TERMINOLOGY IN ENGLISH MEDIA

Svetlana A. Manik

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, maniksa@ivanovo.ac.ru

Daria V. Korytova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, korytova.d@yandex.ru

Abstract. The article considers the issues of cognitive metaphors in medical terminology and its metaphorization as exemplified by the usage of medical terms in English media. The role of cognitive metaphors in understanding and reflecting the world around by a human being has been the subject of numerous scientific researches. However, the aspect of metaphoric naming of the scientific objects in media texts on medical theme, transformations of the meaning of a medical term and the degree of their influence in constructing the images remains underinvestigated. The present paper distinguishes four communicative objectives: to call on vaccination, to create a positive image of vaccination, to affect and intimidate human's mind, as well as to warn on possible virus consequences. To achieve these goals in media the manipulation tools should be selected correctly, the cognitive metaphor as a cognitive-semantic device of impacting people suits these objectives perfectly.

Keywords: medical terminology, cognitive metaphor, media discourse, influence, term metaphorization

For citation: Manik S.A., Korytova D.V. Cognitive metaphor in medical terminology in English media, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 46—54.

Концептуальные метафоры, как справедливо отмечает один из основоположников теории когнитивной метафоры Дж. Лакофф, «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff: 210], они укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры. Метафора, по теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, проявляется во всем, что нас окружает, но, в первую очередь, в нашем мышлении и в наших действиях. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Lakoff, Johnson: 25]. Такой подход позволяет рассматривать метафору как явление взаимодействия языка, мышления и культуры.

Метафоры настолько вжились в окружающую реальность, что люди часто не замечают, как они влияют на восприятие действительности. Поэтому когнитивные метафоры стали излюбленным приемом в современных СМИ, формирующих взгляды и ценности обществ. Вопрос о метафоризации медицинских медиатекстов и о степени воздействия когнитивной метафоры на сознание человека, особенно в такой «уязвимой теме» как здоровье, составляет предмет настоящего исследования.

Представляется целесообразным очертить понимание «термина», «терминологии» и «медицинской терминологии» в начале работы, поскольку семантический способ создания терминов, основанный на различных метафорических переносах общего значения, является стабильным и неизбежным источником пополнения терминологической лексики. В основе анализа

лежит гипотеза, что метафоры медицинских текстов несут в себе и в некотором смысле «эксплуатируют» смыслы, которые создает сознание человека согласно индивидуальной картине мира. Выделение скрытых отличительных характеристик предмета или явления, хорошо знакомых сознанию человека, дает возможность их переноса в область медицины и способствует более четкому определению сложных профессиональных понятий, добавляя при этом определенные коннотации для оказания нужного воздействия.

Термины — это специальные лексемы, ограниченные особенным для них назначением слова, такие слова требуют однозначности. Термин несет в себе конкретное значение, которое не может быть интерпретировано иначе, что очень важно в науке, технике и особенно в медицине. Термины функционируют не просто в системе языка, а в составе конкретной терминологии. Термины могут иметь многозначность, когда они выходят за пределы своей терминологии, но, когда лексема становится единицей определенной терминологии, она приобретает однозначность. В свою очередь медицинская терминология считается одной из наиболее интенсивно прогрессирующих терминологий современного мира. Это обусловлено стремительным развитием медицины и ее междисциплинарным характером. Сфера лечения постоянно изменяется, адаптируется к потребностям современной жизни, вопросы профилактики активно обсуждаются в СМИ. Такое динамичное развитие приводит к тому, что медицинские термины выходят за сферу сугубо научно-профессионального употребления, а, следовательно, приобретают новое значение и даже форму. С другой стороны, как отмечалось ранее, метафоризация медицинской терминологии позволяет оказывать воздействие на аудиторию.

За последние годы медицинскую терминологию можно часто встретить в СМИ и в дискурсе массмедиа в целом. Однако при использовании терминологии медицины в СМИ журналисты могут столкнуться с рядом проблем. Во-первых, терминология обладает однозначностью и очень узким значением, понять которое может быть довольно сложно для непосвященного читателя. Во-вторых, терминология лишена коннотации и экспрессивности, что может делать речь сухой и сложной для восприятия. Поэтому можно наблюдать тенденцию использования терминологии для создания различных художественных средств, таких, как метафора, сравнение, олицетворение и т. д. В свою очередь использование художественных образов позволяет расширить семантику термина, контекст его употребления и упростить понимание данного термина для читателя. Но такая трансформация возможна только в рамках медиадискурса как пространства, которое объединяет в себе разнообразные дискурсы и каналы восприятия и трансляции информации.

Понятие «медиадискурса» восходит к общей концепции дискурса, разработанной в середине 20-ого века. Существует множество определений медиадискурса. Российский ученый Т.Г. Добросклонская приводит довольно общее определение медиадискурса как совокупности процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская]. Медиадискурс реализуется, в основном, в медиапространстве. Медиапространство можно определить как совокупность субъектов сферы СМИ (персоналий и сообществ), передаваемых ими текстов и воспринимающего эти тексты коллективного адресата — массовую аудиторию, как целевую, так и самую широкую. Понятие медиадискурса является основным понятием при анализе медиа, так как медиадискурс включает в себя все аспекты использования СМИ в современной коммуникации.

Медиадискурс и медиaprостранство в целом дает больше возможности для использования медицинской терминологии. Поскольку медиадискурс вбирает в себя почти все аспекты человеческой жизни, то семантика медицинской терминологии также может расширяться в зависимости от того, в каком контексте она будет использоваться. Такую закономерность представляется возможным проследить далее.

Необходимо подчеркнуть, что в медицинской терминологии существуют термины-метафоры или слова (словосочетания), выступающие как наименования профессионального понятия. Такие термины-метафоры в медицине зачастую обозначают названия болезней или органов. Например, “*bowel wall*” — кишечная стенка (“They should look for signs of inflammation of *the bowel wall*”); “*tail of the pancreas*” — хвост поджелудочной железы (“Pain is more common in cancers of *tail of the pancreas*”); “*heart murmur*” — сердечный шум (“She said she was especially concerned about coronavirus because she has *a heart murmur*”). Появление такой терминологии можно объяснить стремлением нашего мозга мыслить метафорично, искать во всем аналогии, что абсолютно естественно. Однако термины-метафоры представляют собой устоявшиеся, закрепленные в языке единицы, в которых метафоричность утрачивается для восприятия. В настоящем исследовании нас будет интересовать, как медицинская терминология используется для построения художественных образов и какие коммуникативные задачи она реализует в СМИ.

Источниками исследования являются англоязычные издания “The Washington Post”, “RT”, “Slate” и др. и их публикации по теме коронавируса за последние 3 года (2019—2022), которые составляют исследовательский корпус работы и насчитывают 30 примеров, когда медицинская терминология метафоризируется. Методом сплошной выборки отобран наиболее частотный ряд медицинских терминов. Выбор именно данной терминологии обусловлен тем, что данная лексика лучше всего отражает, как меняется семантика термина при его использовании в неспециальных текстах.

В своей работе на материале изученных публикаций выделяем четыре основные интенции использования когнитивных метафор, основанных на медицинской терминологии в англоязычных СМИ за последние три года. Все выделенные нами группы так или иначе связаны с коронавирусной инфекцией, которая по-прежнему является одной из главных повесток в массмедийном пространстве.

Можно выделить когнитивные метафоры, которые используются следующим образом:

- 1) агитация к вакцинации;
- 2) как способ обратить общественное внимание на опасность вируса и сложность борьбы с ним;
- 3) как способ борьбы (аргументации) со скептиками и людьми, отрицающими необходимость вакцинации;
- 4) как иллюстрация последствий вируса на жизнь и здоровье человека.

Подобные применения когнитивных метафор, на наш взгляд, отражают основную цель СМИ, а именно: помощь государству в борьбе с коронавирусом, агитация к вакцинации и распространение объективной информации относительно ковид-ситуации.

Приведем несколько примеров из англоязычных СМИ для каждой выбранной нами группы. Первым рассмотренным нами аспектом станет употребление метафоры в медицинской терминологии как агитации к вакцинации.

СМИ являются главным агитационным инструментом в руках государства, поэтому можно встретить много статей и репортажей, посвящённых росту вакцинации, интервью с людьми, получившими прививку, также встречается осуждение в сторону тех, кто не привился. В свою очередь, агитация работает эффективнее, если она воздействует на эмоциональную сторону человека. Учитывая это, журналисты используют когнитивные метафоры, сравнения, олицетворения и другие художественные приемы, которые могут вызвать эмоциональный отклик у читателя. Так, рассмотрим один из примеров: “Since then, I’ve been treating my *inoculation as a ticket back to some normal activities*. Post-vaccination life for me has involved some dosas and even small gatherings with friends. I almost feel it is my duty as a doctor to demonstrate that getting the vaccine means that some things can change” («С тех пор я стала относиться к своей прививке как к обратному билету в нормальную жизнь. После вакцинации я смогла позволить себе досы и даже встречи с друзьями. Как врач, я считаю своим долгом продемонстрировать, что вакцинация может изменить многое») [Slate, 12.04.2021].

Автор данной статьи — доктор, которая одна из первых решилась на вакцинацию. Здесь она рассказывает о своем опыте прививки, о том, как вакцинация открыла перед ней больше возможностей после карантина. Для того чтобы описать свое отношение к прививке, она использует метафорическое сравнение “*inoculation as a ticket back to some normal activities*”. В основе данного художественного приема лежит медицинский термин «inoculation». В специальном медицинском словаре “Concise Medical Dictionary” зарегистрировано следующее определение: “inoculation (n.) the introduction of a small quantity of material, such as a vaccine, in the process of immunization: a more general name for vaccination” [Law, Martin]. Проанализировав определение, можно сделать вывод, что с медицинской точки зрения термин “inoculation” обозначает акт прививания вакциной или другой инъекцией для создания иммунитета, защиты от болезни. Выбор данного термина вместо общеупотребимого слова “vaccination” можно объяснить тем, что автор хотел сделать акцент не на самой процедуре прививания как таковой, а на защите и иммунитете, а значит, и свободе, которая появится у человека после прививки. Использование данного термина в контексте метафорического сравнения («прививка как обратный билет») придает новую коннотацию данному термину. Так прививка становится билетом назад в нормальную жизнь, а значит, термин “inoculation” приобретает дополнительное семантическое значение спасительной вакцины.

Таким образом, можно говорить о том, что данный пример несет также и агитационный характер, поскольку доктор на своем примере показывает, что прививка не опасна, а напротив, дает множество преимуществ. Использование когнитивной метафоры в таком случае выступает прекрасным средством для стимуляции темпов вакцинации.

Следующая интенция, которую возможно выделить — это привлечение внимания читателей к опасности вируса и важности борьбы с ним. Для начала рассмотрим, какими речевыми средствами обозначают меры борьбы с коронавирусной эпидемией. При поиске материала нам встретились следующие примеры:

1) “That passage did not call out President Trump by name, but he had suggested, falsely, during a White House briefing in April that injecting disinfectants might be an effective way *to kill the coronavirus*” («В этом отрывке не упоминалось имя президента Трампа, но во время апрельского брифинга в Белом доме он ложно предположил, что инъекции дезинфицирующих средств могут

быть эффективным способом убить коронавирус) [The Washington Post, 10.06.2020];

2) “Thousands of tickers around the globe have become ticking time bombs, thanks in large part to measures intended *to combat coronavirus*” («Тысячи тикетов по всему миру стали бомбами замедленного действия во многом благодаря мерам, направленным на борьбу с коронавирусом») [RT, 13.09.2021];

3) “Asked about the world’s progress in “*beating Covid-19*” during a panel at the 2022 Munich Security Conference on Friday, the tech magnate and philanthropist credited the coronavirus itself for immunizing populations naturally in some regions” («Отвечая на вопрос о мировом прогрессе в “победе над Covid-19” во время заседания на Мюнхенской конференции по безопасности 2022 года в пятницу, магнат и филантроп назвал сам коронавирус естественной иммунизацией населения в некоторых регионах») [RT, 19.02.2022];

4) “Other measures in place in Hong Kong *to battle the virus* include a ban on evening dining and the shuttering of businesses like gyms, bars, and beauty salons being extended to April 20...” («Другие меры, принятые в Гонконге для борьбы с вирусом, включая запрет на ужин в ресторанах и закрытие таких заведений, как спортивные залы, бары и салоны красоты, продлены до 20 апреля...») [RT, 22.02.2022].

Как можно заметить, все четыре примера взяты из статей разных годов, начиная с 2020-го и заканчивая февралем 2022-го. На протяжении всех этих трех лет для описания мер, предпринятых против коронавируса, использовались похожие конструкции, такие как “to kill the coronavirus”, “to combat coronavirus”, “beating Covid-19”, “to battle the virus”. Все примеры зафиксированы в статьях, констатирующих результаты или процесс борьбы с коронавирусной инфекцией. Выделенные выражения несут в себе семантику борьбы, сражения, убийства, даже военных действий, тогда как сам вирус приобретает оттенок враждебности и опасности. Хотя данные словосочетания являются общеупотребимыми конструкциями или даже клише, в данном случае мы считаем, что перенос понятия сражения и борьбы на сферу лечения является намеренным. Так, авторы статей в очередной раз обращают внимание читателей на опасность и смертоносность коронавируса. Метафоризация создает яркий и пугающий образ, так как семантика самого понятия «вирус» приобретает образ сильного врага. К тому же, стоит заметить, что глаголы “kill, battle, beat, combat” предполагают лишь сражение с вирусом, но не победу, что еще больше воздействует на сознание на читателя.

Еще одним примером создания когнитивной метафоры в медицинской коммуникации, которая используется для привлечения внимания читателей к опасности вируса и скорости его распространения, может служить следующий пример: “Rather than serving as a klaxon warning to put down the pizza and go for a jog, *the pandemic has turned the slow growth of the world’s waistline into a sudden bloated bulge*” («Пандемия превратила медленный рост мировой талии во внезапный раздутый живот, вместо того чтобы служить сигналом о том, что нужно отложить пиццу и отправиться на пробежку») [RT, 13.09.2021].

В данном отрывке автор предупреждает своих читателей о том, как пандемия повлияла на здоровье людей, а в частности на их вес. Автор статьи создает развернутую метафору, которая вбирает в себя сразу несколько образов. Для начала рассмотрим значение термина “pandemic” в словаре “Concise Medical Dictionary”: “an epidemic so widely spread that vast numbers of people in different countries are affected” [Law, Martin]. Для данной метафоры термин

был выбран не случайно, “pandemic” подчеркивает глобальность мировой проблемы ожирения, которой пандемия лишь поспособствовала. Итак, термин “pandemic” сравнивается с катализатором роста мировой линии талии, которая неожиданно превратилась в «раздутую выпуклость» (дословный перевод). Конечно, автор имел в виду то, как пагубно сказалось сидение дома в пандемию на здоровье всего человечества, и как необратимы эти последствия. Автор данной метафоры несколько иронизирует над сложившейся ситуацией, так как коронавирус выступал лишь ускорителем для развития еще более страшной болезни — ожирения.

Таким образом, с помощью когнитивной метафоры СМИ активно воздействуют на читателя, рисуя перед ним образ неравной борьбы с вирусом. Когнитивная метафора может приобретать элемент иронии, такой прием упрощает процесс восприятия информации для читателя и оказывает на него еще большее воздействие.

Третьей рассмотренной нам коммуникативной задачей станет использование когнитивной метафоры как способа борьбы (аргументации) со скептиками и людьми, отрицающими необходимость вакцины. Действительно, за время пандемии появилось множество теорий заговора и скептиков, которые пропагандируют отказ от прививок. Правительство и медицинские компании активно борются с дезинформацией с помощью СМИ. Мы можем найти множество примеров, когда журналисты яро осуждают призывы отказаться от вакцины. Например: “Pharma Chameleon competed with established industry players such as Pfizer, AstraZeneca and some old friend of Matt Hancock for this year’s crucial game-changer vaccine — *an inoculation against vaccine scepticism*” («“Pharma Chameleon” конкурировала с признанными игроками отрасли, такими как “Pfizer”, “AstraZeneca” и каким-то старым другом Мэтта Хэнкока за решающую в этом году вакцину, которая изменит правила игры — прививку против скептицизма в отношении вакцины») [1, 27.12.2020].

Данный пример используется в британском издании “Т”. В статье подводятся результаты уходящего 2020-го года, а всем с этим представлены прогнозы на следующий 2021-ый. Автор статьи рассуждает о том, как правительство в лице министра здравоохранения Мэттью Хэнкока и крупнейшие мировые фармакологический компании соперничают с медицинским аналитическим агентством “Pharma Chameleon” за первенство в создании прививки от скептицизма. Автор для создания данной когнитивной метафоры использует медицинский термин “inoculation”, который обладает более общим значением, чем “vaccination”. Так журналист в очередной раз хочет подчеркнуть универсальность данной проблемы и обратить внимание читателей на то, что скептицизм относительно вакцинации может поставить под угрозу множество жизней. Такая когнитивная метафора воздействует на читателя, заставляя его тем самым задуматься о своем собственном отношении к вакцинации и о последствиях отказа от нее.

Последней рассмотренной нами группой примеров метафоризации медицинской терминологии станет использование когнитивной метафоры для иллюстрации последствий вируса на жизнь и здоровье человека. Коронавирус повлиял не только на физическое, но и на ментальное здоровье людей. Карантин, отсутствие встреч с людьми и возможности выйти за пределы квартиры — все это сказалось на состоянии человека и его взаимоотношениях с другими людьми. СМИ не остались в стороне и стали активно рассказывать, с какими последствиями может столкнуться человек в эпоху ковида.

Автор издания “RT” освещает проблемы ментального здоровья человека, которое было подорвано коронавирусом, следующим образом: “*Coronavirus* — or, more accurately, governments’ responses to it — has also *prompted a loneliness epidemic*” («Коронавирус — или, точнее, реакция правительств на него — также спровоцировал эпидемию одиночества») [RT, 06.01.2022].

В статье рассказывается о том, как карантин и пандемия породили «эпидемию одиночества» особенно среди молодых людей. В основе когнитивной метафоры здесь лежит медицинский термин “epidemic”. Обратимся к словарю за определением данного термина. Итак, “epidemic” — “a sudden outbreak of infectious disease that spreads rapidly through the population, affecting a large proportion of people” [Law, Martin]. Из определения следует, что эпидемия носит более локальный характер, но в любом случае довольно распространена. В сочетании с существительным “loneliness” термин “epidemic” приобретает отрицательную коннотацию, которая добавляет новый семантический оттенок медицинскому термину. Таким запоминающимся образом одиночества и беспомощности автор обращает внимание своих читателей на серьезную проблему ментального здоровья людей.

Еще один пример из этой группы посвящен физическим изменениям, которые оставляет после себя вирус: “*Obesity is a killer and Covid is brutal to fat people, so why are we doing nothing to tackle this ticking time bomb?*” («Ожирение — убийца, а Covid жесток по отношению к толстым людям, так почему же мы ничего не делаем, чтобы справиться с этой бомбой замедленного действия?») [RT, 13.09.2021].

Пример из данной статьи мы уже рассматривали выше, главным образом речь в ней идет о проблеме набора лишнего веса во время карантина и о том, к каким последствиям это может привести. Так, ожирение (“obesity”) сравнивают с убийцей, а вирус, как утверждают авторы, беспощаден к толстым людям. Такой пугающей метафорой автор еще раз напоминает своим читателям о том, как может сказаться лень и бесконтрольное поедание пищи на здоровье организма. Само предложение построено в виде риторического вопроса, который обращен к читателям или правительству, которое не обращает внимания на данную проблему. Совмещение двух художественных приемов — риторического вопроса и метафоры — вызывает эмоциональный отклик у читателей.

Таким образом, мы можем сказать, что за последние три года пандемии в СМИ все чаще и чаще наблюдается метафоризация медицинской терминологии для создания художественных образов. Использование когнитивных метафор в массмедийном пространстве объясняется задачей СМИ воздействовать на сознание читателя, внушая ему определенные отрицательные или положительные установки. В нашей работе мы выделили четыре коммуникативные задачи, которые решает метафоризация медицинской терминологии в СМИ. Каждая задача имеет свое назначение: это может быть агитация к вакцинации, выстраивание положительного образа вакцины и жизни после нее, воздействие на сознание человека и его утешение, а также предупреждение о возможных последствиях вируса и отказа от вакцинации. Реализация данных задач в СМИ зависит от верно выбранных средств манипуляции, а когнитивная метафора как языковой прием воздействия на когнитивные функции человека подходит как нельзя лучше.

Медицинская терминология, в свою очередь, используемая для создания художественных образов, также претерпевает изменение своей семантики

и коннотации. Этому способствует массмедийный контекст или медиадискурс, который позволяет расширить возможности употребления медицинской терминологии. В проанализированных нами примерах мы увидели, что медицинская терминология активно используется для создания метафорического сравнения, метафорического олицетворения, риторических вопросов и даже иронии. Такие художественные приемы помогают облегчить понимание сложной терминологии, привлечь внимание читателей и создать запоминающийся образ, который может воздействовать на сознание читателя.

Список источников

- Law J., Martin E. (ed.). Concise medical dictionary. Oxford University Press, 2020.
 RT. URL: <https://www.rt.com> (дата обращения: 12.07.2022).
 Slate. URL: <https://slate.com> (дата обращения: 10.06.2022).
 The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 25.06.2022).
 I. URL: <https://inews.co.uk> (дата обращения: 25.06.2022).

Список литературы / References

- Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20—33. (Dobrosklonskaja T.G. Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 10, Zhurnalistika*, 2006, no. 2, pp. 20—33. — In Russ.)
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. (Lakoff J., Johnson M. *Metaphors by which we live*, Moscow, 2004, 256 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Маник Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, maniksa@ivanovo.ac.ru

Manik Svetlana Andreevna — Doctor of (Science) Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, maniksa@ivanovo.ac.ru

Корытова Дарья Владимировна — студентка кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, korytowa.d@yandex.ru

Korytova Daria Vladimirovna — student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, korytowa.d@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 55—64.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 55—64.

Научная статья

УДК 811.112.2'42

DOI: 10.46726/И.2023.1.6

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О ЖЕНЩИНЕ В НЕМЕЦКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Анна Сергеевна Ухова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anit-94@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению, изучению и систематизации гендерных стереотипов о женщине на основе современных немецких анекдотов, транслируемых в сети Интернет, а также тенденций их дальнейшего развития. Методом сплошной выборки были собраны более 550 юмористических сюжетов, в которых одним из действующих персонажей является женщина (или о ней идет речь) и в которых выявлен ряд гендерных стереотипов о женщине различных тематических областей. Установлено, что данные анекдоты в зависимости от формы презентации в сети функционируют в двух форматах: традиционном и инновационном. На основе анализа научной литературы определены наиболее характерные для немецкого общества стереотипные представления о женщине. Сравнив полученные данные теоретического и практического материала, установили, что в немецком медиапространстве транслируются в основном негативные женские стереотипные черты. Вместе с тем прослеживается, что некоторые стереотипы устаревают, а им на смену приходят новые, более современные. Выявлены три основные тенденции развития гендерных стереотипов: к традиционным сферам добавляются свежие аспекты; возникают совершенно новые темы; появляется «женский взгляд» на современный мир с использованием непривлекательного образа мужчины.

Ключевые слова: гендерный стереотип о женщине, немецкий анекдот, смеховая культура, юмористический медиадискурс, медиапространство

Для цитирования: Ухова А.С. Гендерные стереотипы о женщине в немецком юмористическом медиадискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 55—64.

Original article

GENDER STEREOTYPES ABOUT WOMEN IN GERMAN HUMOROUS MEDIA DISCOURSE

Anna S. Ukhova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anit-94@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the identification, study and systematization of gender stereotypes about women in modern German jokes on the Internet, as well as trends in their further development. More than 550 jokes were collected using the continuous sampling method, in which a woman appears as one of the acting characters (or she is being discussed) and in which a number of gender stereotypes in various thematic areas are revealed. It has been established that these jokes function depending on the form of presentation in the network in two formats: traditional and innovative. Based on the analysis of scientific literature, the most typical stereotypical ideas about women in German society have been

© Ухова А.С., 2023

2023. Вып. 1 •

established. Having compared the theoretical and practical material data, the author reaches the following conclusion: in the German media space mainly negative female stereotypical features are broadcast. At the same time, it can be seen that some stereotypes are becoming obsolete, and they are being replaced by new, more modern ones. Three main trends in the development of gender stereotypes have been identified: fresh aspects are added to traditional areas; entirely new themes emerge, as well as a “feminine view” of the modern world appears depicting an unattractive image of a man.

Keywords: gender stereotype about women, German joke, laughter culture, humorous media discourse, media space

For citation: Ukhova A.S. Gender stereotypes about women in German humorous media discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 55—64.

Гендерные стереотипы составляют неотъемлемую часть каждой отдельной культуры и всего мирового сообщества, а их транслирование выступает одним из инструментов своеобразного противостояния женской и мужской половины человечества. Пути их распространения весьма обширны: от упоминаний в печати до повседневного общения.

Обратимся к определению гендерного стереотипа, используемому в научной литературе. Под гендерным стереотипом понимают конкретный случай стереотипа, который относится к знаниям о лицах разного пола, а также приписывает им определенные признаки [Кирилина: 11]. Такие стереотипы «складываются в процессе общественной коммуникации, передаются индивидом в процессе социализации и играют важную роль в поддержании гендерной стратификации как вертикальной (мужчина “выше” на социальной лестнице, женщина — “ниже”), а не как горизонтальной (на основе гендерного равенства)» [Краснова].

Для данного исследования предлагаем свое рабочее определение гендерного стереотипа. Так, гендерные стереотипы представляют собой сформировавшиеся и закреплённые в сознании людей представления о чертах характера и моделях поведения мужчин и женщин в обществе. Причем несовпадение реального поведения и представления о нем отрицательно сказывается на отношении к конкретному человеку и очень трудно преодолевается. Гендерные стереотипы присутствуют в каждой отдельной культуре и находят отражение в языке, причем в разных культурах, несмотря на процесс глобализации, они могут не совпадать.

В немецкой культуре накоплен существенный ряд гендерных стереотипов, как общепринятых, так и типично немецких. В научной литературе представлен ряд исследований по данной проблематике.

В работе Л.Е. Кооистры и Л.Ю. Щипициной, основанной на материале 208-ми анекдотов о женщине, обозначены пять основных сфер повседневной жизни, в которых проявляются гендерные стереотипы о женщине: «Семейные отношения», «Домашние обязанности», «Сексуальные отношения», «Внешний вид» и «Управление автомобилем». Здесь выявлены только негативные стереотипные представления о типичной женщине немецкого социума, например, навязчивое желание женщины выйти замуж, супружеская измена, обязанность заниматься домашним хозяйством, женщины плохо водят машину, паркуются и т. д. Наряду с классифицированными по сферам повседневной жизни стереотипами, исследователи выделяют два универсальных: женщина глупа и болтлива [Кооистра, Щипицина: 48—52].

В исследовании А.В. Коногоровой, основанной на анализе фразеологизмов, отмечается тиражирование в них отрицательных стереотипных черт женщины:

«лживость, коварство, болтливость, умственное несовершенство» [Коногорова: 69]. Упоминаются и некоторые положительные качества, такие как женская привлекательность и незаменимость в качестве супруги и матери [Коногорова: 69].

Исследователи Б.М. Джандар и А.Д. Лоова на материале фразеологизмов выделяют стереотипы, как положительно, так и отрицательно характеризующие немецкую женщину. К положительным чертам отнесены красота, ум, сила воли, энергия. Женщина представлена хранительницей домашнего очага, источником радости, счастья и верности. К отрицательным чертам относятся хитрость, болтливость, легкомысленность, измена, стремление командовать, «верховодить» [Джандар, Лоова: 47—49].

Похожие результаты представлены в работе А.В. Ленец и Т.В. Овсиенко на материале 260 немецких фразеологизмов. Отмечается, что общество ожидает от женщины реализации ее гендерной роли как хорошей, принадлежащей мужу домохозяйки и воспитательницы детей. Авторы данного исследования выявили два стереотипа, положительно описывающие немецкую женщину: в ней превозносятся красота и нежность, она характеризуется как эмансипированная и сильная [Ленец, Овсиенко: 64—65].

Опираясь на приведенные исследования, подчеркнем, что в немецкой лингвокультуре транслируются в основном негативные стереотипы о женщине, а выявленные положительные представления относятся, в основном, к ее семейной роли и личным качествам.

Одной из причин популярности гендерных стереотипов о женщине в немецком обществе является специфика немецкого юмора: женские образы являются неотъемлемой частью национальной смеховой культуры Германии.

Под смеховой культурой в современных трудах понимают мировоззренческую концепцию, где находят отражение важнейшие концепты того или иного общества, причем такая концепция является антиподом серьезной картины мира [Слышкин]. Благодаря ей происходит разоблачение различных стереотипов, жизненных ситуаций, нелепостей.

Смеховая культура Германии восходит к средневековому карнавалу и сохраняет его основные черты. Ее центральными образами по сей день являются образы шута, плута, дурака, черта, хитрой жены, пьяницы, обжоры и т. д. Очень ярко представлено гендерное противостояние [Рохлина]. Женщины выступают транжирами, недалекими, болтливими, нервными, коварными, любопытными и злопамятными, а мужчины — ленивыми, бесчувственными, инфантильными, невоспитанными, пьяницами [Томчин].

В современной смеховой культуре Германии выделяют четыре основные сферы ее реализации: устные и письменные комические произведения, зрелищные формы, произведения многих сфер искусства, формы бытового общения [Ширяева]. Представляется целесообразным проследить особенности национальной немецкой культуры, в частности гендерные стереотипы о женщине, на материале последней сферы, а именно на материале анекдотов, поскольку именно они способны отразить ее наиболее полно. Так, «анекдоты, каламбуры и разного рода шутки являются важнейшим источником информации об истории, особенностях быта, национальном характере, нравственных ценностях» [Романова: 172]. Кроме того, прецедентность и массовость анекдотов позволяют охватить аудиторию самых разных слоев населения. В них высмеиваются те, от кого человек так или иначе зависит и пытается освободиться [Белоусов]. Данное свойство в анекдотах отмечал еще великий ученый З. Фрейд, посвятив ему одну из своих работ «Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten» («Анекдот и его отношение к бессознательному»).

Стоит отметить, что если анекдот отчасти потерял свою массовость в устной речи, то с развитием средств массовой информации его популярность в медиапространстве только возросла [Шмелева, Шмелев 2005]. В интернете анекдот становится особенно востребованным, поскольку здесь предпринимается попытка отражения способа его рассказывания: стремление передать акцент, жесты, способ произнесения, где он находит самую большую целевую аудиторию [Шмелев, Шмелева 2002: 25]. Следовательно, активное использование анекдотов в медиапространстве позволяет отсылать реципиента к культурно значимым явлениям [Шилихина].

Материалом проведенного исследования послужили 568 современных немецких анекдотов, транслируемых в сети Интернет, которые стали основой для выявления тенденций в развитии гендерной тематики, а также дополнительные примеры, используемые для наиболее яркой иллюстративности обнаруженных тенденций. Немецкие анекдоты о женщинах, составившие корпус исследования, представляют собой составную часть современного немецкого юмористического медиадискурса и по форме презентации в сети могут быть разделены на две основные группы: анекдоты традиционного и инновационного форматов.

Под традиционными анекдотами (435 сюжетов основного практического материала) понимаются сюжеты, которые перешли в медиапространство из устной речи либо со страниц печатных изданий. Они сохраняют классическую структуру анекдота ((завязка) — пунта — развязка), а юмористический эффект создается в них только за счет вербального компонента. В сети Интернет сюжеты такого рода либо активно накладываются на изображение (формата JPEG, JPG, PNG и др.), т. е. текст анекдота размещается на цветном фоне, не влияющем на понимание, что способствует более активному распространению информации, либо транслируются в виде текстового полотна (как правило, на специализированных юмористических сайтах).

В анекдотах традиционного формата были выявлены доминантные гендерные стереотипы тематических сфер «Женщина и интеллектуальные особенности», «Женщина и обязанности в семье», «Женщина и семейные отношения», «Женщина и внешний вид», «Женщина и виды занятий».

Установлено, что всем женщинам приписываются такие качества, как глупость, болтливость, хитрость, неверность, упрямство и т. д. В анекдотах данной группы широко представлена лексика, отражающая данные качества: это могут быть либо оценочные слова (Blondine, Lieschen, Sekretärin — блондинка, Лизочка, секретарша и т. д.), либо актуализация соответствующих пресуппозиций с помощью ассоциативных слов (Woher kommt der Begriff “Muttersprache”? — Er kommt daher, weil der Mann nie zu Wort gekommen ist¹) или языковой игры. Очень часто встречаются сюжеты с гиперболизированными, порой абсурдными негативными женскими характеристиками. Обратимся к примерам.

(1) Eine Blondine steigt mit ihrer Mutter ins Auto. Sagt die Mutter zur Blondine: «Liebes, könntest du mir mal den Sitz vorstellen?» Darauf die Blondine: «Mutter, das ist der Sitz, Sitz, das ist meine Mutter»².

¹ «Откуда взялось понятие “родной язык” (досл. материнский язык)? — Потому что мужчине не давали слова».

² Блондинка садится с матерью в машину. Мать обращается к блондинке: «Дорогая, можешь подвинуть мне кресло вперед (представить)?» — На что блондинка: «Мама, это кресло, кресло, это мама».

В примере (1) юмористический эффект возникает за счет ошибочного толкования блондинкой омонимичной лексемы *vorstellen*, реализующей в полотно сюжета следующие узуальные значения: 1) *nach vorn stellen* (подвигать вперед) и 2) *jemanden, den man kennt, anderen, denen er fremd ist, mit Namen o. Ä. nennen* (Кого-то, кого знают, другому, незнакомому, по имени и т. п. называть) [Duden]. Так, вместо того чтобы подвинуть кресло автомобиля вперед, она начинает знакомить его со своей матерью.

Группа анекдотов «Женщина и обязанности в семье» изобилует словами, соотносящимися с готовкой и уборкой: *Küche, putzen* (Warum gibt es mehr Frauen als Männer auf der Welt? — Weil es mehr zu Putzen, als zu Denken gibt), *staubsaugen* (Was macht eine Blondine in der Wüste? — Staubsaugen)³.

В традиционных немецкоязычных анекдотах часто речь идет о том, что нередко представительницы слабого пола не выполняют домашние обязанности вовсе либо наоборот одержимы идеей их выполнения.

(2) Doktor zur Patientin: «Ich schreibe Ihnen ein Rezept auf» — «Oh, vielen Dank. Kochen Sie auch so gerne wie ich?»⁴.

В анекдоте (2) утрированно обыграно непонимание женщиной смысла фразы. Многозначная лексема *Rezept*, вложенная в уста доктора, имеет значение «*schriftliche ärztliche Anweisung zur Abgabe, gegebenenfalls auch Herstellung bestimmter Arzneimittel in der Apotheke*»⁵ [Duden]. В пунте сюжета реципиенту открывается ее второе узуальное значение «*Anleitung zur Zubereitung eines Gerichts*» (Руководство по приготовлению блюда) [Duden]. Героиня, услышав слово «рецепт», вопреки законам логики составила иные ассоциации, связанные с приготовлением пищи. Последующий сбой в коммуникации собеседников порождает смех реципиента.

В группе немецкоязычных анекдотов «Женщина и виды занятий» маскулинный мир создателей шуток транслирует лишь те профессии, стереотипно считающиеся «женскими»: *Sekretärin, Putzfrau, Lehrerin* — секретарша, уборщица, учительница и т. д.

(3) Schreit der Chef seine Sekretärin an: «Seit wann wird denn „Physikalisch“ mit 'f' geschrieben?» Klagt sie: «Was kann ich dafür, dass am Computer das 'v' kaputt ist?»⁶.

В сюжете (3) объектом высмеивания является глупость представительницы традиционно женской профессии — секретарши, так как, согласно стереотипным представлениям, для этого вида деятельности интеллектуальные способности не требуются.

Современная профессиональная деятельность, в которой женщины сегодня также преуспели, в традиционных анекдотах не затрагивается. Исключение составляет лишь типаж женщины-водителя, возведенный в разряд стереотипов и уже утрачивающий сегодня свою актуальность.

³ Кухня, убираться (Почему в мире больше женщин, чем мужчин? — Потому что убираться нужно больше, чем думать), пылесосить (Что делает блондинка в пустыне? — Пылесосит).

⁴ Доктор к пациентке: «Я выпишу Вам рецепт» — «О, спасибо. Вы тоже любите готовить, как и я?»

⁵ Письменная врачебная инструкция для предоставления, при случае также изготовления определенного лекарства в аптеке.

⁶ Шеф кричит на секретаршу: «С каких пор «Physikalisch» пишется с буквой f?». Она сетует: «Что я могу поделаться, если на компьютере буква v сломалась?»

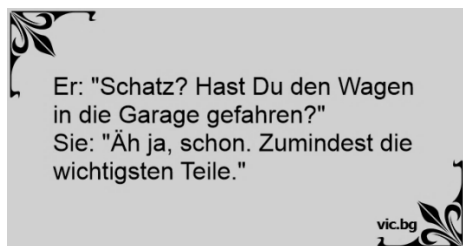

Рис. 1. Пример 4

В сюжете (4)⁷ женщина старается уйти от признания в том, что она разбила машину. Положительно отвечая на вопрос, что автомобиль уже в гараже, женский персонаж добавляет, что там только основные ее части.

Анекдоты группы «Женщина и внешний вид» широко представлены в корпусе проведенного нами исследования. В этом материале активно исполь-

зуется лексика, описывающая вес (Elefant, Kuh, hilft keine Diät... — слон, корова, не помогает никакая диета...), внешние характеристики (Blondine, Rothaarige... — блондинка, шатенка...), привлекательность (attraktiv — привлекательная), возраст (ältere Dame, Hochbetagte — пожилая дама, дама в возрасте). В анекдотах данной группы собственная жена воспринимается как некрасивая и толстая, блондинки — привлекательны, но глупенькие. К данной группе мы отнесли и анекдоты, в которых одним из действующих персонажей является бывший канцлер Германии Ангела Меркель, так как в них высмеиваются не только непопулярные политические действия бывшего лидера, но и ее несовершенный внешний вид.

(5) Spendenskandal: Bereits zu DM Zeiten wurden Frau Merkel 100 Mark für den Frisör gespendet, bis heute weiß keiner, wo das Geld abgeblieben ist⁸.

В предложенном примере (5) коллективный автор с иронией отмечает, что со времен хождения немецкой марки немецкий канцлер не может привести свою прическу в порядок, обыгрывая тем самым несовершенство внешности отдельного женского персонажа через политическую ситуацию с коррупцией в стране.

Инновационные анекдоты (133 примера основного корпуса) отличаются от традиционных прежде всего формой подачи материала, так как сюда могут быть отнесены разнообразные юмористические интернет-жанры. Такие анекдоты представляют собой креолизованные медиатексты, где юмористический эффект создается очень часто комбинированием вербального и невербального компонентов. К инновационным анекдотам мы относим такие жанры, как демотиватор, мем, чат, комикс и эдвайс. Особенностью подобных анекдотов является их интерактивность, так как читатели могут анекдоты комментировать или выражать отношение с помощью лайков, а также гипертекстовость. Это проявляется в том, что такие шутки при поиске на специализированных сайтах легко объединяются в группы по используемым словам, например, Fritschen-Witze, Corona-Witze⁹.

В инновационных немецкоязычных анекдотах с точки зрения содержания можно выделить следующие тенденции: 1) в анекдоты традиционной тематики добавляются новые аспекты, отражающие изменения в обществе; 2) инновационные немецкоязычные анекдоты расширили репертуар

⁷ Он: «Дорогая? Ты поставила машину в гараж?». Она: «Э-э-э, да. По крайней мере, основные ее части».

⁸ Скандал в связи с пожертвованиями: еще во времена хождения немецкой марки госпоже Меркель были пожертвованы 100 марок на парикмахера, до сих пор никто не знает, где эти деньги.

⁹ Анекдоты про Фрицхена, анекдоты про коронавирус.

анекдотической тематики; 3) появился новый ракурс освещения взаимоотношений мужчин и женщин.

В группу «Женщина и внешний вид» добавились анекдоты, в которых высмеивается увлечение современных немок косметикой и пластической хирургией. Кроме того, высмеивается медлительность и стремление к индивидуальности при выборе нарядов, а также частые жалобы на нехватку одежды.

В меме (6)¹⁰ показана нетерпимость женщин к дамам в похожих нарядах. Путем переплетения вербальной и невербальной составляющей, где за основу взято мемное изображение довольных мужчин в одинаковых костюмах, вызывается смех реципиента.

Группа «Женщина и виды занятий» получила также дальнейшее развитие: так, у женщин появились новые увлечения и роды деятельности, например, auf TikTok alles hochladen, mit Facebook-und WhatsApp-Freunden kommunizieren (залить в ТикТок, общаться с друзьями по Facebook и WhatsApp). Вероятно, целесообразно выделить отдельную группу к «Женщина в современном цифровом мире».

Новые темы связаны с появлением новых явлений в жизни, например, анекдоты группы «Женщина и коронавирус» связаны с такими факторами, как ношение маски, ограниченность контактов, покупка товаров впрок: Maske (Nach 9 Monaten Coronazeit: Arzt: “Und, wer ist nun der Vater?” Mutter: “Ich habe keine Ahnung, er trug eine Maske”), Toilettenpapier (Frau mit Klopapier sucht Mann mit Nudel)¹¹.

Рис. 3. Пример 7

К новым темам можно отнести политизацию женщин, что проявляется в активном вовлечении женщин в политику. В анекдотах группы «Женщины и политика» коллективный автор высмеивает женские призывы к равноправию и вместе с тем ратует за его отсутствие. Данная идея прослеживается в меме (7)¹², где автором затронут вопрос «Warum können Frauen nicht boxen?» и дан остроумный ответ на него.

Юмористический эффект достигается за счет обыгрывания лексемы *Rechte*, реализующей в контексте значения двух омонимичных единиц: 1) rechte Hand (правая рука) и 2) berechtigter Anspruch; Berechtigung oder Befugnis (законно признанная претензия: право или полномочие) [Duden], а также за счет использования изображения мемного персонажа, символизирующего примитивного мужчину.

Политизация женщин отражается и в анекдотах, где дается восприятие феминисток: феминистки всех презирают, феминистки — это некрасивые

¹⁰ Женщины на свадьбе: «О нет, ее платье такого же цвета, как и мое». Мужчины на свадьбе (все одеты одинаково).

¹¹ Маска (После 9 месяцев коронавируса: Врач: “Ну, и кто же отец?” — Мать: “Я понятия не имею, он носил маску”), туалетная бумага (женщина с туалетной бумагой ищет мужчину с макаронами).

¹² Почему женщины не умеют боксировать? Потому что у них нет прав (правой руки).

женщины. Например, в следующем инновационном анекдоте (пример 8¹³) изображение агрессивной девушки придает диалогу эмоциональность.

Feministin:
Ich benutze den Nachnamen
meiner Mutter.

Ich:
Du meinst den Namen
deines Großvaters?

Рис. 4. Пример 8

В этой связи важно подчеркнуть, что в сети Интернет сегодня появились немецкоязычные анекдоты, которые отражают женский взгляд на взаимоотношения женщин и мужчин. В таких шутках решающую позицию занимает женщина, она оказывается более мудрой, мужчина изображается в негативном свете.

(9) Unterhalten sich 2 ältere Frauen. Sagt die eine: «Mein Mann ist neuerdings so furchtbar vergesslich». Meint die andere: «Meiner auch, aber ich finde das nicht so schlimm. Ich hab' dieses Jahr schon 3 Mal Geburtstag gehabt»¹⁴.

В анекдоте (9), коллективным автором которого, очевидно, выступают женщины, поскольку проявляются их положительные характеристики, при помощи своей мудрости женщина обращает недостатки мужчины в свою пользу.

Следует отметить, что в анекдотах традиционного и инновационного форматов также транслируются отдельные положительные женские характеристики: женщина выступает хранительницей домашнего очага, заботится о муже и детях, воспитывает, утешает своего ребенка. Данные положительно окрашенные стереотипы можно проследить лишь в том случае, если коллективный автор находит иную цель для насмешки — не женщину. Иначе акцент сразу смещается на ее отрицательные характеристики.

(10) Fritzchen hat sich die Hand aufgerissen. Seine Mutter tröstet ihn: «Der liebe Gott heilt das ganz, ganz schnell». Da meint Fritzchen: «Muss ich rauf, oder kommt er runter?»¹⁵.

В примере (10) обрисован положительный типаж женщины-матери, утешающей своего ребенка. Юмористический эффект достигается здесь за счет обыгрывания наивных представлений ребенка о Боге.

Описав и сравнив полученные стереотипные представления на основе практического материала данного исследования и стереотипы, собранные в ходе анализа научной литературы, мы установили, что большинство из них по-прежнему актуальны. Вместе с тем выявлено, что некоторые из них постепенно «вышучиваются», как, например, то, что все женщины мечтают о замужестве и вступлении в интимную связь. Кроме того, были установлены абсолютно новые стереотипные представления, не описанные ранее, такие как: женщины придумали пандемию, женщины ссылаются на головные боли, чтобы не исполнять супружеский долг, женщины не умеют готовить, а также что если женщины добились равноправия, то должны обеспечивать себя сами.

¹³ Феминистка: «Я использую фамилию моей матери». Я: «Ты имеешь в виду фамилию твоего деда?»

¹⁴ Разговаривают две пожилые женщины. Говорит одна: «Мой муж в последнее время так ужасно забывчив». На что вторая: «Мой тоже, но я считаю, это не так уж и плохо. За этот год я день рождения отмечала уже три раза».

¹⁵ Фрицхен поранил себе руку. Мама утешает его: «Милостивый Бог исцелит это очень-очень быстро». На что Фрицхен: «Нужно мне к нему подняться или он спустится?»

Таким образом, можно проследить три основные тенденции, сложившиеся в современном немецком юмористическом медиапространстве: 1) происходит расширение старых тем новыми аспектами; 2) появляются новые темы, отражающие события в жизни немцев; 3) появляется «женский взгляд» на современный мир с изображением малопривлекательного образа мужчины.

Список литературы / References

- Белоусов А.Ф. Анекдот // Фольклор и фольклористика в СПбГУ: лекции. URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/belousov.php?rubr=Reader-lectures> (дата обращения: 25.04.2022).
(Belousov A.F. *Joke, Folklore and Folkloristics at St Petersburg University: Lectures*. — In Russ.)
- Джандар Б.М., Лоова А.Д. О национальном своеобразии функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка (на материале немецкой и адыгской культур) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 2 (197). С. 44—51.
(Dzhandar B.M., Loova A.D. On the national originality of the functioning of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers (on the material of German and Adyghe cultures), *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*, 2017, no. 2 (197), pp. 44—51. — In Russ.)
- Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.
(Kirilina A.V. *Gender aspects of language and communication: abstract of the dissertation ... of the Doctor of philological sciences, Moscow, 2000, 40 p.* — In Russ.)
- Коногорова А.В. Образ женщины в немецкой фразеологии // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. 2010. № 11. С. 66—69.
(Konogorova A.V. The image of a woman in German phraseology, *Bulletin of the Buryat State University. Language, literature, culture*, 2010, no. 11, pp. 66—69. — In Russ.)
- Кооистра Л.Е., Шипицина Л.Ю. Особенности проявления русских и немецких гендерных стереотипов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 1. С. 48—53.
(Kooistra L.E., Shchipitsina L.Yu. Features of the manifestation of Russian and German gender stereotypes, *Vestnik Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication"*, 2005, no. 1, pp. 48—53. — In Russ.)
- Краснова О.В. Стереотипы и аттитюды к пожилым людям (опыт социально-психологического исследования). М.: Прометей, 2004. 303 с.
(Krasnova O.V. *Stereotypes and attitudes towards the elderly (the experience of social psychology research)*, Moscow, 2004, 303 p. — In Russ.)
- Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Фразеологическая репрезентация лингвокультурных констант «фемининность/маскулинность» (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29) С. 62—68.
(Lenets A.V., Ovsienko T.V. Phraseological representation of linguistic and cultural constants "femininity / masculinity" (based on the German language), *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2018, no. 1 (29), pp. 62—68. — In Russ.)
- Романова Е.В. Лингвистический и культурологический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7, ч. 1. С. 168—172.
(Romanova E.V. Linguistic and cultural aspects, *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2014, no. 7, pt. 1, pp. 168—172. — In Russ.)

- Рохлина Т.А. Шванк как жанр немецкой смеховой культуры XV—XVI вв. и его прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4, ч. 2. С. 162—166.
- (Rokhlina T.A. Schwank as a genre of German laughter culture of the 15th-16th centuries. and its pragmatic aspect, *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2014, no. 4, pt. 2, pp. 162—166. — In Russ.)
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
- (Slyshkin G.G. Linguistic and cultural concepts and meta-concepts: abstract of the dissertation ... of the Doctor of philological sciences, Volgograd, 2004, 40 p. — In Russ.)
- Томчин А. Германия без вранья. М.: Рипол-Классик, 2015. 416 с.
- (Tomchin A. Germany without lies, Moscow, 2015, 416 p. — In Russ.)
- Шилихина К.М. Категоризирующая функция анекдотов в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2020. № 7 (2). С. 250—262.
- (Shilikhina K.M. Categorizing function of anecdotes in media discourse, *Medialinguistics*, 2020, no. 7 (2), pp. 250—262. — In Russ.)
- Ширяева Н.В. Ментальное и эмоциональное восприятие комических текстов посредством активизации целевых лингвокогнитивных механизмов в обиходно-разговорном и игровом дискурсах // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе LSP (LSP and STST): материалы ежегодной Международной конференции. Москва: РУДН, 2015. С. 151—156. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0a6/0a65dc6f57fe8523d5003ef75ccff5b1.pdf> (дата обращения: 26.03.2022).
- (Shiryaeva N.V. Mental and emotional perception of comic texts through the activation of target linguocognitive mechanisms in everyday conversational and game discourses, *Professionally oriented teaching of a foreign language and translation at the university LSP (LSP and STST): Materials of the Annual International Conference*, Moscow, pp. 151—156. — In Russ.)
- Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- (Shmeleva E.A., Shmelev A.D. Russian anecdote: Text and speech genre, Moscow, 2002, 144 p.)
- Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра // Жанры речи. 2005. № 4. С. 292—298.
- (Shmeleva E.A., Shmelev A.D. Russian anecdote in the twenty-first century: the transformation of the speech genre, *Genres of speech*, 2005, no. 4, pp. 292—298. — In Russ.)
- DUDEN. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 30.08.2022).
- (Dictionary “DUDEN”. — In Germ.)
- Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum unbewussten. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1970, 156 S.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 10.17.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Ухова Анна Сергеевна — преподаватель Института профессионального развития, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anit-94@yandex.ru

Ukhova Anna Sergeevna — Teacher at the Institute of Professional Development, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anit-94@yandex.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 65—76.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 65—76.

Научная статья

УДК 94(410).04

DOI: 10.46726/И.2023.1.7

ПРОПАГАНДА ЭПОХИ ВОЙН РОЗ. ОБРАЗЫ ДВУХ КОРОЛЕЙ В АНОНИМНОЙ ХРОНИКЕ «ИСТОРИЯ ПРИБЫТИЯ КОРОЛЯ ЭДУАРДА IV В АНГЛИЮ»

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

Алёна Игоревна Филиппова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
filippova160498@gmail.com

Аннотация. Аноним описывал Генриха VI и династию Ланкастеров весьма в негативном плане. Это проявилось в обозначении незаконности власти Генриха и Ланкастеров, отрицательной характеристике сподвижников этого короля «мятежников» и их методов борьбы за власть, отсутствии связанной характеристики монарха, а также в целом определение его притязаний на трон и всего, что с этим было связано, как нечто противоестественное. Данная позиция Анонима, автора хроники, объясняется тем, что он сторонник Йорков. Соответственно образ и деяния Эдуарда IV — истинного короля, с точки зрения автора хроники, даются только с положительной характеристикой, чтобы доказать обоснованность его притязаний на власть. Все это доказывает пропагандистскую направленность данного сочинения. Хронист использует метод повтора для усиления пропагандистской направленности. На протяжении всего изложения Аноним именует Генриха не иначе как «узурпатор», «называемый королём», «захвативший регалии», а сторонники короля названы «мятежниками». Аноним применяет такой приём пропаганды, чтобы убедить читателей своей хроники в незаконности власти Генриха и династии Ланкастеров. Автор хроники, используя ещё один приём пропаганды — преувеличение, отмечает безусловную любовь и преданность его «истинных слуг» и народа своему истинному королю. Аноним использует и метод аналогии, чтобы показать моральное превосходство Эдуарда IV, а также его сподвижников над своими врагами. Анонимная хроника является пропагандистским сочинением и направлена к сторонникам Йорков, чтобы доказать законность притязаний Эдуарда IV на английский престол.

Ключевые слова: анонимный хронист, пропаганда, образы Эдуарда IV и Генриха VI

© Евсеев В.А., Филиппова А.И., 2023

2023. Вып. 1 •

Для цитирования: Евсеев В.А., Филиппова А.И. Пропаганда эпохи Войн Роз. Образы двух королей в анонимной хронике «История прибытия короля Эдуарда IV в Англию» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. 2023. С. 65—76.

Original article

PROPAGANDA AT THE AGE OF THE ROSE WARS. IMAGES OF TWO KINGS IN THE ANONYMOUS CHRONICLE “THE STORY OF KING EDWARD IV ARRIVAL IN ENGLAND”

Vladimir A. Evseev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

Aliona I. Filippova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, filippova160498@gmail.com

Abstract. Anonymous described Henry VI and the Lancastrian dynasty in a very negative way. This manifested itself in the designation of the illegitimacy of the power of Henry and the Lancastrians, the negative characterization of this king companions (the “rebels”), of their methods of struggle for power, the lack of a related characteristic of the monarch, and also in general the definition of Henry’s claims to the throne and everything that was associated with it as something unnatural. Accordingly, the image and deeds of Edward IV, from the point of view of the author of the chronicle, are described positively in order to prove the validity of his claims to power. All this proves the propagandistic orientation of this work. The chronicler uses the method of repetition to reinforce the propaganda orientation. Throughout the exposition, Anonymous refers to Henry as nothing more than a “usurper”, “called a king”, “who seized the regalia”, and the king’s supporters are called “rebels”. Anonymous uses this method of propaganda to convince the readers of his chronicle of the illegality of the power of Henry and the Lancastrian dynasty. The author of the Chronicles makes use of another propaganda technique — exaggeration, noting the unconditional love and devotion of Edward’s “true servants” and people to their true king. Anonymous also uses the method of analogy to show the moral superiority of Edward IV, as well as his companions, over his enemies. The anonymous chronicle is an example of propaganda and is directed to the supporters of the Yorks to prove the legitimacy of Edward IV’s claim to the English throne.

Keywords: anonymous chronicler, propaganda, images of Edward IV and Henry VI

For citation: Evseev V.A., Filippova A.I. Propaganda of the age of the Rose Wars. Images of two kings in the anonymous chronicle “The story of the arrival of king Edward IV in England”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 65—76.

Пропаганда является одной из форм политической борьбы за власть внутри государства или за его пределами. Также она является самой распространенной формой психологического влияния. Такие примеры пропагандистского воздействия были как в Античности, так и Средневековье. Ещё более широкое воздействие на народные массы и на политику государств пропаганда приобрела в эпоху Реформации, чему способствовало распространение печатной продукции. В современном мире пропаганда стала неотъемлемой частью политической системы. В основном информационная

война рассматривается исследователями применительно к событиям новейшей истории. Однако это не означает, что в предыдущие периоды данного явления не было. Это говорит об актуальности проблемы, ибо необходимо изучать различные формы пропагандистских акций, которые существовали в прошлом. Например, один из первых случаев использования психологических методов воздействия, можно отнести к началу V в до н. э. В частности, Л.Ю. Медовкина пишет о знаменитом персидском царе — Ксерксе I, который пытался устрашить эллинов, инициировал и способствовал распространению слухов об огромных размерах и небывалой мощи своей армии [Медовкина: 15—24].

Научная литература о причинах, хронологии и последствиях Войн Роз насчитывает огромное количество публикаций. Осмысливать политические катаклизмы второй половины XV в. начали еще современники тех событий. Первый вариант объяснения какого-либо конфликта был предложен не профессиональными историками, а политиками. При этом выдвигались версии вмешательства бога в «дела правителей», которые, конечно, поддерживали представители духовенства. Прежде всего это было связано с особым пониманием института наследования власти. Считалось, что только Всевышний даровал власть монарху, поэтому лишить наследника его наследства (земель, власти, трона), а тем более жизни считалось тяжким грехом, за совершение которого последует жестокая расплата [Lander: 61]. Так, политическая пропаганда времен Эдуарда IV Йорка утверждала, что узурпация власти династией Ланкастеров в 1399 г. и их «беззаконное правление» привели к тому, что Бог покарал Англию, отняв у англичан владения во Франции, послав безумие последнему из династии Ланкастеров Генриху VI и т. д. [Браун 2010: 246].

Войны Роз имеют большую историографическую традицию [Браун, 2010: 243—257]. Особо стоит отметить исследования Е.Д. Браун, которая представлена целым рядом работ по Войнам Роз, в частности, фундаментальным трудом «История. Мифология. Историография» [Браун 2016], в которой дана достаточно подробная историографическая справка, а также последовательно реконструируются три слоя восприятия Войн Роз: глазами джентри, живших во времена противостояния Йорков и Ланкастеров, с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков. Особый интерес представляет глава, рассматривающая мифы, связанные с Войнами Роз, где основное внимание уделяется появлению и развитию Тюдоровского мифа. Среди последних отечественных исследований о Войнах Роз следует отметить докторскую диссертацию А.Г. Праздников «Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века» [Праздников]. Это исследование содержит масштабный анализ участников этих событий, принадлежавших к различным социальным слоям. Однако с точки зрения пропаганды Войны Роз в нашей отечественной историографии пока не рассматривались кроме отдельных сюжетов в работах Е.Д. Браун, где она косвенно касается мифов войн Роз.

В современной отечественной литературе в последние годы появились работы В.А. Бароне, которые касаются средневековой пропаганды на примере Франции первой половины XV века [Бароне 2017; 2019]. Эти работы одни из немногих посвященные пропаганде в эпоху позднего Средневековья.

Что же касается англоязычной литературы о событиях Войн Роз, то она достаточно подробно рассмотрена в указанных выше работах Е.Д. Браун и А.Г. Праздников. Следует отметить изменение позиций британских историков. Фактически вплоть до начала XX в. господствовал Тюдоровский миф.

Однако в конце XX в. известный британский медиевист А. МакФарлайн пересмотрел тюдоровскую концепцию восприятия Войн Роз [Macfarlane]. Стоит отметить монографию Д.Р. Ландера [Ландер], ученика и последователя МакФарлайна, в которой отмечается несостоятельность Генриха VI как правителя и его неспособность управлять страной. Ландер пояснял условность датировки Войн Роз и самого термина, развивал мысль о том, что политические катаклизмы в виде борьбы двух династий за власть не оказывали заметное влияние на современное им общество. В англоязычной историографии исследования по истории пропаганды появились почти сто лет назад [Tyler]. Этот очень небольшой труд Тайлера в основном затрагивал только XIX в. в связи с событиями Гражданской войны в США. Других работ, посвященных пропаганде эпохи Войн Роз, фактически нет.

В качестве основного источника мы использовали в нашей работе хронику «История прибытия короля Эдуарда IV», которая входит в сборник под названием «Белая роза Йорка» и описывает период с марта 1471 г. по май 1472 г. (Arrival). Эта хроника была написана одним из сторонников Эдуарда IV вскоре после событий 1471 г. Мы предполагаем, что автор, возможно, входил в состав слуг близких к королевскому двору или имел возможность наблюдать за королем во время всего похода ко вторичному возвращению на престол. Поэтому в ней должна быть ясно отражена официальная точка зрения на происходящие события. Текст был затем записан известным английским хронистом XVI века Джоном Стоу. Автор «Прибытия» неизвестен, своего имени в тексте он не называет, но говорит о себе, что он был слугой Эдуарда Четвертого, и что он «в настоящее время видел, по сути, большую часть его подвигов и знал истинное отношение к ним» [Bruce]. Судя по тексту хроники, автор, возможно, принадлежал к духовному сословию, ибо очень часто обращался к божественному провидению, описанию молитв и другим подобным сюжетам. Такой стиль письма отличает Анонима от автора «Хроники Уоркуорта» (“Warkworth”), которая была создана на десять лет позднее и описывала первые тринадцать лет правления Эдуарда IV. Однако ее автор — преподаватель колледжа в Кембридже и стиль изложения более академический.

Династический конфликт между группировками английской знати, известный в историографии как Войны Роз, бесспорно, является одними из значимых событий позднесредневековой Англии. Кроме того, Войны Роз один из наиболее мифологизированных периодов истории Англии, что прежде всего связано с созданием Тюдоровского мифа, который был сформулирован в начале XVI века. Однако процесс возникновения Тюдоровского мифа в историографии был более сложным, чем простое шаблонное переписывание исторических событий и корректировка отдельных сюжетов.

В изложении истории Войн Роз хронистами применялись приемы пропаганды и контрпропаганды. Одним из примеров такого рода сочинений и является Хроника «История прибытия короля Эдуарда IV». Автор данного труда был непосредственным участником победоносного возвращения Эдуарда IV в Англию. Содержание этого сочинения имело вполне определенную направленность. Это отчетливо проявляется в изображении хронистом двух королей. Их поступки и действия описываются автором с разных позиций. Сам хронист был сторонником Эдуарда IV, поэтому фигура Эдуарда IV является центральной в данной хронике. Характеризует хронику как пропагандистскую и английский историк Чарльз Росс, написавший биографию Эдуарда IV. Он не согласен с историками, умаляющими заслуги Эдуарда,

и считает, что именно его методы управления страной легли в основу деятельности правительства Тюдоров [Ross: 6]. Как было сказано выше, хроника повествует о событиях 1471 года: изгнании Эдуарда IV и его победоносного прибытия в Англию.

Эдуард IV Йорк — старший сын Ричарда, герцога Йоркского. В возрасте восемнадцати лет в 1461 году он захватил английский престол. Личность и деятельность этого монарха неоднозначно оценивалась современниками тех событий. Среди них были как откровенные апологеты династии Йорков, так и их противники. Анализировал и оценивал личность и деятельность этого монарха и анонимный автор «Истории прибытия короля Эдуарда IV в Англию» — сторонник Йорков, чьим покровителем и являлся король Эдуард IV.

Весной 1471 года разнесся слух о том, что Эдуард IV готов высадиться на восточном побережье страны. Как отмечает В. Устинов, со времени своего поспешного бегства он ни на минуту не прекращал подготовки к возвращению [Устинов: 351]. Поначалу его дела шли не слишком хорошо. Об этом свидетельствует и Аноним. К 1471 году Эдуард IV еще не пользовался всеобщей и безоговорочной поддержкой аристократов. Его популярности сильно вредил безнравственный образ жизни, не в лучшую сторону отличавший короля от набожных Ланкастеров.

Возвращение Эдуарда IV к власти в 1471 году автор называет «праведным, великим делом», «богоугодной миссией» (Arrival: 44, 51, 66, 95). Данное обстоятельство подчёркивает законность власти Йорков, что впоследствии будет использовано королём Генрихом VII для легитимации власти Тюдоров и её укрепления. Также Аноним зачастую добавляет такие эпитеты, как «благороднейший», «истинный», не упуская возможность указывать на «настоящее» происхождение Эдуарда IV.

Автор хроники, начиная своё повествование, обозначает время, в которое происходят описываемые события: «в конце десятого года правления лорда короля Эдуарда IV Божьей милостью короля Англии и Франции и лорда Ирландии» (Arrival: 36), что свидетельствует о том, что автор признаёт лишь его правление. Однако, согласно данным источников, в период с октября 1470 по март 1471 года у власти находился другой король — Генрих VI, представитель династии Ланкастеров.

На протяжении всего повествования автор хроники называет Эдуарда не иначе как «король» и «его высочество» (Arrival: 44, 51, 66, 95). Все эти хвалебные слова говорят только об одном — прославлении Эдуарда IV.

Аноним часто акцентирует внимание на том, что Эдуарда IV очень любил и уважал народ, который считал именно его законным королём. В частности, Эдуард останавливался во время походов в бедных деревнях: «Той ночью король ночевал с малой свитой в бедном поселке» (Arrival: 75). А люди относились к нему и его цели благосклонно: «питают к королю любовь и охотно помогут ему, приключись с ним беда» (Arrival: 53).

Положительное отношение народа к Эдуарду Аноним объясняет прежде всего уважением к династии Йорков: «из любви и в память о верной службе, которую они сослужили благородной памяти принцу, отцу короля, герцогу Йорку, эти люди всем сердцем поддерживали его, чтобы он смог также быть герцогом Йорком и сохранил за собой это право, наследуя благородному принцу своему отцу» (Arrival: 39). Этими же словами автор ещё раз подтверждает законность притязаний Эдуарда IV на трон Англии.

Аноним уверен в успехе «путешествия» короля и считает, что «он с помощью своих верных слуг, вассалов и сторонников, которые без сомнения присоединятся к нему на пути, соберет достаточные силы и возможности, чтобы организовать сильную армию» (Arrival: 39). В свойственной ему манере Аноним говорит и о прибытии Эдуарда IV в Лондон после победы над мятежниками: «он проехал прямо к Святому Павлу в Лондоне, где его принял милорд кардинал Англии и многие другие епископы, прелаты, духовные чины и служители храмов и великое множество прочих, и все смиренно благодарили Господа и возносили ему хвалу за его милость, которую он явил в тот день их принцу и сюзерену, даровав ему такое благополучное путешествие, в котором ему препятствовало великое коварство, замысленное и задуманное к его полному уничтожению вопреки воле Божьей и вопреки вере и долгу» (Arrival: 67). Подобное видение и объяснение с отсылкой на решающую роль Божьей воли в происходящих событиях еще раз подтверждает пропагандистскую направленность данного сочинения.

Следует уточнить, по контексту становится понятно, что особенно монарх был популярен в столице государства — Лондоне. Во время противостояния Йорков и Ланкастеров лондонцы дважды открывали перед ним ворота столицы; более того, именно жители Лондона в 1461 г. попросили Эдуарда IV принять корону [Штокмар:108]. Солидарен в данном отношении и Роберт Фабиан. Не случайно, рассказывая о реставрации Эдуарда в 1471 г., Фабиан отмечает, что тот вернул себе трон не после битвы при Тьюксбери, а в тот момент, когда войска Йорков вошли в столицу [Браун 2012: 150, 164]. По мнению профессора Росса, приверженность лондонских купцов к династии Йорков возникла из-за неблагоразумной коммерческой политики Ланкастеров и недостаточно активной борьбы с пиратством [Ross: 158, 160].

Описание личных качеств короля является специальным пропагандистским приемом в хронике. Аноним восторгается мужеством и стойкостью, с которыми король Эдуард IV преодолевал «великие мучения». Автор несколько раз упоминает о том, что королю не везло в его «миссии»: «король был за пределами своей страны и терпел великие бедствия, трудности и лишения из-за обрушившихся на него несчастий и невзгод» (Arrival: 39, 54, 59).

По мнению автора, королю удалось справиться со всеми неудачами лишь благодаря тому, что он молился Богу, святым, просил у них помощи, его «миссия» была праведным делом. Аноним достаточно подробно описывает ритуальные действия короля, что объясняется принадлежностью автора к слою духовенства: «он часто — особенно, в море, — молился Богу, святой Деве и святому Георгу, и в числе прочих святых особенно молил святую Анну помочь ему, пообещав, что лишь только случится ему увидеть образ святой Анны, он непременно вознесет молитвы и принесет дары во имя и в почитание благословенной святой» (Arrival: 54). Эти сюжеты из анонимной хроники с точки зрения ее автора и христианской традиции говорят о том, что Эдуарду IV благоволит сам Бог! Поэтому этот король является истинным.

Среди положительных качеств короля Эдуарда IV Йорка Аноним отмечает его способности как политика и оратора. Король убеждал людей и войска неподвластных ему территорий, что претендует только на земли своего отца. По свидетельству Анонима, люди, даже превосходя числом войско Эдуарда, не препятствовали ему, когда он проходил через их земли, «зная его великую храбрость и доблесть и понимая, что сопровождавшее его войско полностью его поддержит» (Arrival: 80, 96). Однако здесь же автор выдвигает

и другое предположение, которое несколько портит впечатление некой идеальности изображения самого Эдуарда Йорка и его действий: «возможно, что некоторые их капитаны и предводители склонялись отчасти к миру из-за полученных от короля денег» (Arrival: 75). Данный сюжет показывает, что далеко не все поддерживали возвращение Эдуарда только из-за веры в законность его власти и одобрения его деятельности.

В тексте мы встречаем и сведения о решительности и смелости Эдуарда IV. Так, Аноним повествует о предупреждении некоего судьи по имени Томас Коньерс о том, что королю не стоит идти в город, так как Эдуарда IV и его свиту либо не пустят в город, либо погубят. Но Эдуард на свой страх и риск вошёл в город: «Король, видя, что так далеко уже продвинулся в своем пути, что никак нельзя вернуться назад, когда столько уже прошел, решил про себя непременно продолжать начатое и скорей принять все то неведомое, что уготовлено ему Богом и судьбой» (Arrival: 41).

Также автор подчёркивает исключительную заслугу короля в организации войска, победе в решающей битве: «все это были столь умелые, столь доблестные мужи и столь твердые» (Arrival: 68).

По мнению Анонима, Эдуард одержал победу именно благодаря своим сторонникам, которым он подавал личный пример: «благодаря преданной, искренней и могущественной помощи его товарищей, он мужественно, стремительно и отважно напал на своих врагов, ринувшись в самую гущу сражения, и собственным примером вселял уверенность в своих товарищей, которые преданно следовали за ним» (Arrival: 39). Хронист положительными качествами наделяет Эдуарда и его сторонников, чтобы показать превосходство над врагом. Это вид конструктивной пропаганды.

Аноним упоминает и о великодушии Эдуарда Йорка — после одной из битв он, «пробывая в Лондоне, тотчас распорядился позаботиться о больных и раненых, бывших с ним в битве при Барнете, которых было великое множество и которые частью оставались в Лондоне, а частью в деревнях» (Arrival: 69,74). Да и сподвижники Эдуарда под стать своему королю именуются «истинными слугами» (Arrival: 37, 41, 51, 53, 57, 59, 65), которые выступали за него с «великой радостью» (Arrival: 51, 62, 96).

Приверженность Анонима династии Йорков подтверждает и «избегание» описания или каких-либо комментариев по поводу смерти Генриха VI в Тауэре, потому что данный факт признаётся многими историками как «тёмное пятно на гербе Йорков» [Штокмар: 114—116]. Аноним утверждает, что Генрих был раздосадован и глубоко опечален новостями об окончательном разгроме его сообщников: «привели его в такую великую ярость, гнев и возмущение, что от горькой печали и меланхолии он скончался в двадцать третий день месяца мая» (Arrival: 93).

Таким образом, Аноним — автор хроники, являясь сторонником Йорков, большее внимание уделяет фигуре короля Эдуарда IV — его покровителя. Монарх показан исключительно с положительной стороны, что вполне объяснимо. Автор хроники подробно останавливается на личности короля, доказательствах праведности его действий и законности власти, положительном отношении народа, но мало говорит о причинах, по которым Эдуард был свергнут в ходе мятежа, и о том, что стало с его противником Генрихом VI лишь упоминает вскользь, либо вовсе умалчивает.

Теперь обратимся к Генриху VI — последнему королю из династии Ланкастеров. Личность и деятельность этого монарха неоднозначно

оцениваются как историками, так и современниками тех событий. Среди них был и Анонимный автор, который описывал Генриха VI и династию Ланкастеров весьма в негативном плане.

На протяжении всего повествования автор хроники именуется Генриха VI не иначе как «узурпатором», «несправедливо владеющим регалиями», «прозванным», «названным королём», «называвшегося тогда королем и захватившего регалии», «бастардом» (Arrival: 36, 38, 48—50, 60—61, 65, 68, 71, 86, 87) и практически не называет его по имени, поэтому зачастую только по контексту становится понятно о ком идёт речь.

Восшествие короля на трон автор определяет как захват власти с помощью «предательских средств своего мятежника Ричарда и его сообщников» (Arrival: 36, 39, 49, 53), часто акцентируя внимание на том, что Генрих, как и его предшественники, использовал «нечестные методы» (Arrival: 53, 59, 68, 72—74). Аноним говорит о том, что «люди были вынуждены выступить против истинного короля, которого любили и уважали» (Arrival: 36—38, 59.), т.е. насильственным путём и шантажом пойти против Эдуарда IV. Также многие считали, что английский трон принадлежит ему «по праву отца» (Arrival: 59). Подобного утверждения о Генрихе VI в тексте хроники мы не найдём. Напротив, автор утверждает, что мнимый король «обманным путём входил в города», а также «ошибочно оккупировал королевство» (Arrival: 38, 48, 58—60). Подобных характеристик действий представителя династии Ланкастеров и его приближённых в тексте хроники достаточно много.

Стоит отметить, что Аноним подчёркивает незаконность притязаний всей династии Ланкастеров, а не только Генриха VI. Он также называет узурпаторами Генриха IV и Генриха V, обвиняя их в неповиновении своим суверенам (Arrival: 36—39, 92). Упоминание о незаконности власти предков Генриха VI встречается при обозначении очередной локации, куда высадился король Эдуард IV — место Ревенерспорн, где когда-то «узурпатор Генрих Дерби, позже провозглашённый королем Генрихом IV, высадился после своего изгнания в нарушение приказа своего лорда короля Ричарда II, которого позже бесчестно сверг, лишил королевства и регалий и незаконно узурпировал их для себя и своего потомства, и из рода которого происходил и король Генрих, захвативший и узурпировавший корону как сын его старшего сына, иногда называемый королем Генрихом V» (Arrival: 91).

Мы видим некие сходства в методах, которыми, по мнению автора хроники, Ланкастеры завоёвывали себе власть. Это нарушение приказов суверенов, бесчестные действия, незаконное лишение регалий истинных королей и т. п.

Да и сподвижников самого Генриха VI Аноним определяет не иначе как мятежников, предателей. В отличие от «истинных слуг» Эдуарда Йорка (Arrival: 37—39, 47, 51, 53, 57, 59, 66). Также сторонники «бастарда» (Генриха VI) названы бесчестными предателями, грабителями», что ещё раз отражает пройоркскую ориентированность автора.

Следует отметить, что Аноним сравнительно редко говорит о действиях самого «узурпатора», чаще мы читаем о действиях его «сообщников», особенно, графа Уорвика. Действительно, действия графа Уорвика описаны достаточно подробно и встречаются часто. Автор открыто выражает свою неприязнь к нему как к «сообщнику» Генриха VI.

Аноним, противопоставляя Генриха VI истинному королю — Эдуарду IV, приводит также и антиподы основных сподвижников этих королей.

То, что Аноним с неприязнью относится к Генриху VI, подтверждает и отсутствие связной, последовательной характеристики этого монарха. Сведения о его личности мы встречаем лишь короткими «беспорядочными» урывками. Также автор не подводит итогов правления короля, потому что считает его власть «притворной» и «недостойной» (Arrival: 36, 92), т. е. незаконной, а это явная пропаганда в пользу партии Йорков.

Кроме того, Аноним всю кампанию Генриха VI и его сторонников по завоеванию власти определяет не иначе, как «великое коварство, замысленное и задуманное к его (Эдуарда IV) полному уничтожению» (Arrival: 49, 67), а также подчёркивает, что все эти действия происходили «вопреки воле Божьей и вопреки вере и долгу» (Arrival: 49, 67). Подобное видение и объяснение с отсылкой на решающую роль Божьей воли в происходящих событиях еще раз подтверждает пропагандистскую направленность данного сочинения.

Подобный характер изображения представителя династии Ланкастеров на протяжении всего повествования сочетается с его постоянным противопоставлением Эдуарду IV «истинному королю» из династии Йорков.

Примечательно, что другой английский историк и современник Анонима Роберт Фабиан — автор «Новой хроники» видел в личности и деятельности Генриха VI как отрицательные стороны, что перекликается с позицией Анонима, так и положительные [Браун 2012а: 151—155].

Таким образом, Аноним описывал Генриха VI и династию Ланкастеров весьма в негативном плане. Это проявилось в обозначении незаконности власти Генриха и Ланкастеров, отрицательной характеристике сподвижников этого короля «мятежников» и их методов борьбы за власть, отсутствии связанной характеристики монарха, а также в целом определении его притязаний на трон и всего, что с этим было связано, как нечто противоестественное. Данная позиция Анонима автора хроники объясняется тем, что он сторонник Йорков, «слуга короля (Эдуарда IV), который увидел большую часть его подвигов» (Arrival: 36). Соответственно, образ и деяния Эдуарда IV — истинного короля, с точки зрения автора хроники, даются только с положительной характеристикой, чтобы доказать обоснованность его притязаний на власть. Все это доказывает пропагандистскую направленность данного сочинения.

Хронист использует метод повтора для усиления пропагандистской направленности, чтобы убедить читателей своей хроники в незаконности власти Генриха и династии Ланкастеров. Данную цель Аноним пытается достичь и отсутствием связной характеристика монарха, а также в целом определением его притязаний на трон и всего, что с этим было связано, как чего-то противоестественного. А с другой стороны, Аноним постоянно противопоставляет Генриха VI и его сторонников истинному королю — Эдуарду IV. Это проявляется в более подробном описании личности Эдуарда IV, а также множественных доказательствах праведности его действий и законности власти.

Также Аноним использует преувеличение, отмечая безусловную любовь и преданность его «истинных слуг» и народа своему истинному королю. Преувеличивает Аноним и «великие несчастья и трудности», которые с необыкновенной стойкостью и мужеством преодолел сам король и подобно ему и его сторонники, в том числе и жена — Елизавета Вудвилл. Освещая данные сюжеты, Анонимный автор использует и метод аналогии. Аноним стремится показать моральное превосходство Эдуарда IV, а также его сподвижников над своими врагами, часто обращая внимания на их трусость, предательство друг друга и нечестные методы завоевания власти и расположения народа

с помощью запугивания и обмана. Аноним с целью пропаганды лишь вскользь упоминает или вовсе умалчивает о негативных моментах, которые связаны с его покровителем — Эдуардом IV. Среди таких сюжетов: причины его свержения, смерть Генриха VI, судьба многих его ближайших сподвижников, многочисленные казни.

В современном понимании это произведение фактически является пропагандой — информационной войной. По нашему мнению, это сочинение в первую очередь направлено к сторонникам Йорков, чтобы доказать законность притязаний Эдуарда IV на английский престол.

Список источников

- The History of the Arrival of King Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI (1843), The chronicles «White Rose of York», Harvard College Winder Library Cambrige, 1998. 310 p. (Arrival)
- Warkworth John. A chronicle of the first thirteen years of the reign of King Edward the Fourth, ed. by J. O. Halliwell-Phillipps. Llanerch, Lampeter, 1990. XXIV; 79 p. (Warkworth)

Список литературы / References

- Бароне В.А. Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение. 2017. № 10. С. 64—73.
(Barone V.A. The Treaty of Troyes through the eyes of the authors of French propaganda literature of the first half of the XV century, *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykovedenie. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2017, no. 10, pp. 64—73. — In Russ.)
- Бароне В.А. Английские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV в. // История и архивы. 2019. № 4. С. 97—111.
(Barone V.A. Anti-English propaganda writings and book culture in France in the first half of the XV century, *History and archives*, 2019, no. 4, pp. 97—111. — In Russ.)
- Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Всеобщая история. 2010. № 18 (61). С. 243—257.
(Braun E.D. Wars of the Roses: a comparative analysis of Approaches of Russian and English-language Historiography, *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Vseobshchaia istoriia*, 2010, no. 18 (61), pp. 243—257. — In Russ.)
- Браун Е.Д. Создание мифа о Войнах Роз: (от Ричарда Йорка до Шекспира) // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11) URL: <https://history.jes.su/s207987840000371-7-1/> (дата обращения: 26.09.2022).
(Braun E.D. The Creation of the Myth of the Wars of the Roses: (From Richard York to Shakespeare), *Istoriia: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, 2012a, iss. 3 (11). — In Russ.)

- Браун Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012b. № 2. С. 149—170.
(Braun E.D. Creating Stereotypes of Rulers in the New Chronicles of England and France by Robert Fabian, *Liudi i teksty. Istoricheskii al'manakh*, 2012b, no. 2, pp. 149—170. — In Russ.)
- Браун Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
(Braun E.D. Wars of the Roses. History. Mythology. Historiography, St. Petersburg, 2016, 208 p. — In Russ.)
- Ландер Дж. Р. Войны Роз / пер. с англ. А.А. Крапиной. СПб.: СПбГУ: Нестор-История, 2013. 280 с.
(Lander J.R. Wars of the Roses, transl. from English by Kralina A.A., St. Petersburg, 2013, 280 p. — In Russ.)
- Медовкина Л.Ю. Эволюция информационных войн от древности к современности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3. С. 15—24
(Medovkina L.U. The evolution of information warfare from antiquity to modernity, *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*, 2017, iss. 3, pp. 15—24. — In Russ.)
- Праздников А.Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2021. 43 с.
(Prazdnikov A.G. The composition and behavior patterns of active participants in the socio-political conflict in England in the second half of the XV century: abstract of the dissertation ... of the Doctor of Historical sciences, Nizhniy Novgorod, 2021, 43 p. — In Russ.)
- Устинов В. Йорки против Ланкастеров. М.: Вече, 2016. 429 с.
(Ustinov V. Yorkies vs Lancasters, Moscow, 2016, 429 p. — In Russ.)
- Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетея, 2000. 203 с.
(Shtokmar V.V. History of England in the Middle Ages, St. Petersburg, 2000, 203 p. — In Russ.)
- Bruce John. Historie of the arrivall of Edward IV in England and the finall recouerye of his kingdoms from Henry VI, London, 1838. URL: <http://www.r3.org/on-line-library-text-essays/the-arrivall-of-edward-iv/part-ii-landing-through-the-reconciliation-with-clarence/> (дата обращения: 20.11.2021)
- Lander J.R. Crown and nobility 1450—1509, London, 1976, 340 p.
- Macfarlane A.A. Guide to English historical records, Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 134 p.
- Ross Ch.D. Edward IV, London: Eyre Methuen, 1974. 479 p.
- Ross Ch.D. The War of Roses, London: Thames and Hudson Ltd, 1976, 192 p.
- Tyler L. Propaganda in History, Richmond: Richmond Press, 1921, 20 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

Evseev Vladimir Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

Филиппова Алёна Игоревна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, filippova160498@gmail.com

Filippova Aliona Igorevna — Postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, filippova160498@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 77—85.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 77—85.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.46726/И.2023.1.8

БОРЬБА С ВОЗДУШНОЙ РАЗВЕДКОЙ ПРОТИВНИКА НА ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1912—1915 гг.)

Вадим Олегович Зверев, Андрей Евгеньевич Цепилов

Омская академия МВД России,

г. Омск, Россия, zverevoma@mail.ru, patron_andrey@bk.ru

Аннотация. Несмотря на интенсивное развитие воздухоплавания в крупных европейских державах во второй половине XIX века и использование воздушных шаров в целях разведки на полях сражений Франко-прусской войны 1870—1871 гг., Военное министерство Российской империи не приняло во внимание соответствующий боевой опыт. В последующем не претерпело немедленных изменений и Уголовное уложение 1903 г. (Раздел IV. «Государственная измена»), хотя несанкционированное проникновение иностранных воздушных шаров в западноевропейское пограничье России уже требовало уголовно-правового реагирования со стороны ее жандармских властей и органов правосудия. Принятый же 5 июля 1912 г. закон о шпионаже, при всей исторической важности его положений, так и не стал надежным барьером на пути германских и австрийских аэронавтов, осуществлявших сбор актуальных и разнородных военнзначимых сведений в России и, в частности, пограничных губерниях Варшавского военного округа. С началом военных действий на Восточном фронте «довоенную» законодательную базу борьбы с воздушной разведкой противника не усовершенствовали, а на смену юридическим нормам пришли «законы военного времени». Характеризуется нормативная правовая основа и меры контрвоздухоплавательного пресечения действий иностранной воздушной разведки на территории Привислинского края. Делается вывод о том, что предпринятые усилия, призванные воспрепятствовать воздушным нарушителям (воздушным шпионам) западной государственной границы Российской империи, а вскоре — линии соприкосновения враждующих сторон, отличались запоздалостью и несоразмерностью ожидаемого от них эффекта.

Ключевые слова: аэронавты, Варшавское генерал-губернаторство, воздушные шары, жандармы, закон о шпионаже, контрразведка, пограничники, полиция, разведка

Для цитирования: Зверев В.О., Цепилов А.Е. Борьба с воздушной разведкой противника на западе Российской империи (1912—1915 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 77—85.

© Зверев В.О., Цепилов А.Е., 2023

Original article

FIGHTING ENEMY INTELLIGENCE IN THE WEST OF THE RUSSIAN EMPIRE (1912—1915)

Vadim O. Zverev, Andrey E. Tsepilov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Omsk, Russian Federation, zverevoma@mail.ru, patron_andrey@bk.ru

Abstract. Despite the intensive development of aeronautics in the major European powers in the second half of the 19th century and the use of balloons for reconnaissance on the battlefields of the Franco-Prussian War of 1870—1871, the Military Ministry of the Russian Empire did not take into account the relevant combat experience. Subsequently, the Criminal Code of 1903 did not undergo immediate changes either (Section IV. “Treason”), although the unauthorized entry of foreign balloons into the Western European borderlands of Russia already required a criminal-legal response from the gendarmes and justice authorities. The law on espionage, adopted on July 5, 1912, for all the historical importance of its provisions, did not become a reliable barrier in the way of German and Austrian aeronauts who collected relevant and diverse military information in Russia and, in particular, the border provinces of the Warsaw Military District. With the outbreak of hostilities on the Eastern Front, the “pre-war” legislative framework for combating enemy aerial reconnaissance was not improved, and “wartime laws” replaced the legal norms. The normative legal basis and measures of counter-aeronautical suppression of the actions of foreign aerial reconnaissance in the territory of the Privilinsky region are characterized. It is concluded that the efforts made to prevent air intruders (air spies) of the western state border of the Russian Empire, and soon — the line of contact of the warring parties, were distinguished by belatedness and disproportionate effect expected from them.

Keywords: aeronauts, Warsaw General Government, balloons, gendarmes, espionage law, counterintelligence, border guards, police, intelligence

For citation: Zverev V.O., Tsepilov A.E. Fighting enemy intelligence in the West of the Russian Empire (1912—1915), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 77—85.

В отечественной историографии проблема организации борьбы с иностранной воздушной разведкой в России до и в ходе Первой мировой войны, несмотря на свою актуальность и важность для исторической памяти, не оказалась в центре научного интереса. Исследователи так и не прикоснулись к многочисленным архивным документам, в том числе не введенным в научный оборот, свидетельствующим о мерах, предпринимавшихся пограничниками, уездными начальниками, органами жандармской полиции, военной разведкой и контрразведкой в отношении воздушных нарушителей (воздушные шпионы) государственных рубежей России. Раньше или позже, но историкам все же предстоит раскрыть особенности реализации контрвоздухоплавательных мероприятий, а также трудности, возникавшие на этом пути и конечные результаты. Также в перспективе будет дана оценка значению всех предпринятых усилий в контексте укрепления системы противодействия внешним угрозам безопасности предвоенного и воюющего российского государства.

В данной статье с привлечением уникальных сведений из единиц хранения Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива предпринята попытка реконструировать отдельные исторические фрагменты в части, касающейся незаконных, а с началом

войны — враждебных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии. Посредством их воздушно-разведывательного вторжения, носившего множественный, а порой и неочевидный характер, российской обороне в Привислинском крае и других соседних пограничных губерниях наносился существенный урон. Какие ответные меры предпринимались полицейскими и жандармскими властями, органами безопасности в Варшавском генерал-губернаторстве?

Предваряя ответ на этот вопрос, обратим внимание на то, что получивший 5 июля 1912 г. юридическую силу закон о шпионаже, не смог вселить в умы потенциальных преступников ни уважения к его отдельным нормам, ни чувство страха перед ними. Речь идет о статье 113¹, каравшей нарушителей воздушного пространства Российской империи — воздушных разведчиков — тюремным наказанием [Закон 5 июля...: 23]. Объяснение правовому нигилизму было простым. Во-первых, иностранные аэронавты, незаконно пересекавшие пределы России, поднимали свои летательные аппараты на недостижимую для прицельной по ним стрельбы высоту. Поэтому все попытки пограничников принудительно приземлить «незванных гостей» оставались безуспешными. Во-вторых, уверенность воздушных разведчиков в своей безопасности и безнаказанности укреплялась еще и тем, что в отличие от пограничных стражников солдаты и офицеры русской армии не имели законного основания открывать по ним огонь на поражение (в довоенное время). Данная коллизия, наличествовавшая в российском уголовном законодательстве, позволяла германским и австрийским воздухоплателям безбоязненно парить над русскими крепостями и другими военными или гражданскими стратегическими объектами (к примеру, железнодорожные мосты, водные переправы), фотографируя их. В-третьих, ни в самой статье 113¹, ни в подзаконных актах законодатель не конкретизировал такое понятие как «запретный пограничный район» — территория, где находились передовые позиции русских войск, фортификационные сооружения, склады вооружений и др., непромерное проникновение в который воздухоплателям категорически запрещалось. В связи с чем пребывание иностранных летчиков в западнопограничных районах России влекло труднодоказуемые юридические последствия, а факт уголовнонаказуемого пересечения воздушных пределов русского государства всегда можно было оправдать вмешательством обстоятельств непреодолимой силы (природные явления, механические поломки и пр.).

Таким образом, «мертворожденная» статья 113¹ закона о шпионаже и не сложившаяся перед Первой мировой войной судебная практика привлечения к уголовной ответственности нарушителей воздушных границ России создали благоприятные предпосылки и условия для регулярных разведывательных полетов из Германии и Австро-Венгрии. Однако этот факт отнюдь не свидетельствовал о полном отсутствии нормативно-правового сопровождения сферы воздушного контрреагирования и бездействии со стороны самодержавия и, прежде всего, охранительных и военных ведомств в решении вопроса организации борьбы с воздушной разведкой потенциальных, а с 19 июля 1914 г. — реальных противников русской государственности.

В процессе проведенной нами архивно-поисковой работы выяснилось, что 16 ноября 1912 г. Совет министров России принял постановление о запрещении иностранным воздухоплателям несанкционированных перелетов российской западной границы и разрешении стрельбы по нарушителям этого запрета [РГИА: ф. 1276, оп. 8 (1912 г.), д. 432, л. 17]. В конце 1913 — начале 1914 г. о продлении сроков действия этих ограничений были оповещены

штаб Варшавского военного округа [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 1], а также губернаторы Привислинского края и варшавский обер-полицмейстер [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 3].

Получив юридические основания, общая и жандармская полиция вместе с органами разведки / контрразведки принимали все зависящие от них меры по борьбе с воздушным шпионажем. Первое квалифицированное пресечение противоправного воздушного проникновения на территорию Варшавского генерал-губернаторства, по нашим данным, состоялось 15 мая 1912 г. В этот день, согласно письму люблинского губернатора, близ с. Лопенник-Ляцкий гмины Лопенник Красноставского уезда Люблинской губернии чинами земской стражи были задержаны германские воздухоплаватели И.Ф. Пешель, О.М.Г. Рере и Г.Э. Гассингер, «спустившиеся на воздушном шаре (его название «Эльба». — В.З., А.Е.)» [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 57]. На следующий день красноставский уездный начальник сообщил о произошедшем инциденте в штаб Варшавского военного округа по телеграфу и выслал в его адрес все документы (паспорта, планы, заметки о полете) и фотографический аппарат, изъятые у аэронавтов [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 56]. А спустя еще день — 17 мая — по телеграфному распоряжению из названного штаба удерживаемые воздухоплаватели были освобождены.

Переписка по факту задержания «Эльбы», возбужденная нотой протеста германского посла в МИД Российской империи от 25 июня 1912 г. № 2522, выявила случай неточного информирования на высшем уровне межведомственного взаимодействия. Так, из письма Министерства иностранных дел (за подписью товарища министра) на имя варшавского генерал-губернатора от 27 марта 1913 г. № 4205 следует, что воздушный шар «Эльба» был задержан якобы чинами русской пограничной стражи, а само задержание произошло близ местечка Болеславец Калишской губернии [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 54]. Но, это не единственное противоречие. Далее со ссылкой на сведения шефа Отдельного корпуса пограничной стражи статс-секретаря В.А. Коковцова и вовсе говорится о том, что указанный летательный аппарат пролетел Калишскую и Петроковскую губернии. А почему в письме нет упоминания о дальнейшем движении шара на Люблин через Радомскую или Келецкую губернии? Тем более, что географически миновать эти территории было попросту невозможно. Наконец, о том, что немецкий экипаж был задержан в г. Красностав (Люблинская губерния), в МИД узнали не от первоисточника (органа, производившего задержание), а от вышеупомянутого германского дипломата.

В отличие от обнаруженного нами единственного, но яркого примера «неразберихи», имевшейся на министерском уровне, сотрудничество на местах возымело своевременный, обстоятельный, а порой и устный, минуя длительную переписку, характер. К примеру, еще 17 декабря 1912 г. ефрейтор поста Кобелице Брониславского отряда пограничной стражи К. Сидельников сообщил старшему земскому стражнику Страшевского участка Нешавского уезда, что через деревни Шостка, Бронислав, Смарглин, Воля-Бажа, фольварк Гославице и деревню Каменец пролетел воздушный шар по направлению к г. Влоцлавск [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 54]. Здесь следует добавить, что о каждом случае противоправных действий пограничные начальники ставили в известность территориальные жандармские управления, а также уведомляли Департамент полиции МВД и с 1911 г. — военно-окружную контрразведку.

19 декабря 1912 г. в Седлецкой губернии (Бельский уезд) силами полиции был задержан спустившийся на землю немецкий воздушный шар «Гевальд» (по словам воздухоплавателей его «занесло ветром в Россию»). Временному заключению под стражу были подвергнуты находившиеся в нем трое аэронавтов, а изъятые у них документы препровождены в штаб Варшавского военного округа для проверки [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 47]. По ее итогам в тот же день военные разрешили начальнику Бельского уезда отпустить немецких подданных, а также вернуть им воздушный шар, изъятые документы и предметы [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 49].

11 марта 1914 г., но уже на севере Варшавского генерал-губернаторства, в пограничной с Германией Сувалкской губернии (Мариампольский уезд), чинами земской стражи был задержан прусский подданный И.К.К. Крефт. Его подозревали в причастности к группе лиц, находившихся на воздушном шаре, который 27 февраля того же года спустился в Сейнском уезде [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 4].

13 мая начальник земской стражи Рыпинского уезда капитан Зражевский в районе деревни Щутово задержал одетого в форму офицера германской армии неизвестного человека. Он представился капитаном воздухоплавательного отряда крепости Грауденец. Со слов задержанного, он и еще один немецкий офицер совершали полет из названной крепости в г. Страсбург, однако «попали в бурное воздушное течение и вследствие налетевших грозовых туч, потеряли ориентировку <...> и опустились по ошибке на русской территории...» [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 13]. После обыска у немецких офицеров Зражевский изъял документы, планы, карты Восточной Пруссии и Привислинского края, фотографический аппарат и др., доставив обоих в уездное управление (г. Рыпинск) [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 13, 14].

15 мая 1914 г. задержанные — капитан В. Шмегер и обер-лейтенант Э. Пауль — были допрошены приехавшими представителями штаба Варшавского военного округа: начальником разведки (полковник Н.С. Батюшин), начальником контрразведки (ротмистр С.В. Муев) и авиаконструктором (штабс-офицер И.И. Сикорский). Ими же был осуществлен осмотр немецкого аэроплана, оставленного на месте его приземления [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 15]. После чего на следующий день начальник штаба Варшавского военного округа передал по телеграфу распоряжение об освобождении В. Шмегера и Э. Пауля, а 17-го числа они выехали в Пруссию.

Особо отметим, что в допросе подозреваемых в шпионаже и осмотре их воздушного судна, а также вынесении по сути «оправдательного вердикта», принимал участие беспримерный симбиоз — «легендарные охотники за шпионами» и видный инженер, военный изобретатель, родоначальник русской многомоторной авиации (аэропланы «Русский витязь» и «Илья Муромец»). Привлечение к экспертной работе специалистов столь высокого уровня указывало не только на объективность их выводов, но и на наличие серьезных намерений и подходов Военного министерства в организации контрвоздухоплавательного (контрразведывательного) заслона на пути потенциальных нарушителей воздушного пространства западного пограничья России.

Полагаем, что контрразведывательная по своей сути экспертиза, по аналогии с вышеупомянутым «делом Шмегера-Пауля», проводилась не всегда лишь на завершающей стадии разбирательства. Вероятнее всего, были и превентивные контрразведывательные мероприятия, в том числе агентурного характера, и на территории других стран. В обратном случае как объяснить

тот факт, что и.д. генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа полковник Н.С. Батюшин обращался не с заблаговременной просьбой к варшавскому генерал-губернатору об оказании содействия готовящемуся спортивному перелету из Швеции в Привислинский край, а в день, когда три воздушных шара уже вылетели по данному маршруту (телеграмма от 15 июня 1914 г. № 1382) [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 42].

Если же контрразведывательные усилия разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа не могли принести успеха, как это было в последние недели перед началом Первой мировой войны в Германии (в связи с усилением в ней контрразведывательного режима), то в рамках поддержания контрвоздухоплавательного заслона на русско-германской границе предпринимались дополнительные меры реагирования. Так, судя по секретной переписке окружной разведки с канцелярией варшавского генерал-губернатора от 20 июня 1914 г., участникам организуемых Мюнхенским воздухоплавательным союзом воздушных соревнований «разрешен, в случае заноса воздушными течениями, перелет русской границы». Но такие аэронавты обязывались немедленно приземляться, прибывать к местным властям и предъявлять им все имущество для осмотра. Фотографировать и делать записи во время полета над русской территорией запрещалось [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 25].

С началом военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны экстраординарные меры по борьбе с воздушной разведкой противника приняты не были. Скорее, усилия, и прежде всего, жандармской полиции в приграничных губерниях можно назвать дополнительными и не выходящими за рамки их «будничных» служебных обязанностей. К таковым, например, можно отнести учреждение негласного наблюдения за появлением воздушных шаров на «шпионоопасных направлениях» (как правило, это пограничные уезды). Так, унтер-офицер Белгородского жандармского уезда — граничившая с Австро-Венгрией территория — доносил, что учителя корховского двухклассного начального училища О.Н. Броницкий и О.Л. Патиевич 1-го и 7-го января 1915 г. наблюдали над дер. Княжполь летательные аппараты, «с которых были видны световые лучи белого огня» [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 6].

Однако интенсивность воздушно-разведывательных визитов с австрийской стороны не позволяла удовлетворяться практикой редкого и не всегда лично-мотивированного и безвозмездного содействия со стороны местного населения. Уже в начале марта начальник холмского губернского жандармского управления предписал своему помощнику в Замостском, Томашовском и Белгородском уездах приобрести «вспомогательную секретную агентуру по контршпионажу» в г. Томашов и Белгородском уезде на платной основе [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 26]. Вскоре соответствующее распоряжение получили унтер-офицеры Томашовского и Белгородского жандармских участков.

Наряду с использованием агентурных возможностей, к мерам профилактики и предупреждения воздушной разведки со стороны Германии и Австро-Венгрии, а также укрепления политической благонадежности местного населения, можно отнести и обысковые рейды. В этой связи помощник начальника холмских жандармов требовал 15 марта 1915 г. от своих подчиненных тщательного осмотра местности и обыск среди населения для обнаружения бумаг и предметов, выброшенных австрийскими летчиками с воздушного шара (его курс — Перемышль-Краков) [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 174, л. 153]. Подобные действия главным образом преследовали очевидную цель — изъятие компрометирующих материалов. Кроме того, на наш взгляд, целесообразность

обысков могла объясняться и наличием скрытой причины. Допускаем, что путем демонстрации силы органы территориальной безопасности стремились предотвратить возможные варианты вербовки или склонения на неприятельскую сторону недовольных жителей пограничных районов (такowymi следует считать прежде всего некоторых немецких колонистов, евреев, поляков). Некоторые из них так и не утратили прочной морально-политической и военно-патриотической связи с прародиной (Германия), другие — были лишены своей родины (еврейское население депортировали за «черту оседлости»; польское, спустя годы после включения большей части Великого Герцогства Варшавского в состав Российской империи (Венский конгресс, 1815 г.), потеряло свою национальную идентичность).

У тех из местного населения, кто подпадал под категорию нелояльных подданных, был не только мотив, но и повод послужить во вред России. Это происходило не только в форме прочтения прокламаций (с последующей ретрансляцией заложенных в них смыслов и пораженческих настроений среди односельчан и военнослужащих русской армии), сбрасываемых в прифронтовых районах с воздушных шаров или аэропланов, но и путем инициативного сотрудничества с врагом. Еще весной 1914 г. в одном из пограничных уездов Сувалкской губернии приземлился беспилотный воздушный шар. Недалеко от него была обнаружена «часть оболочки воздушного шара» с надписью на немецком языке следующего содержания: «Где падет этот шар и кто первый укажет и сообщит властям, тому в награду 10 марок, 37 полевая бригада» [ГАФР: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 3]. Как нам представляется, в этом послании ставка делалась на вышеупомянутую категорию сельских обывателей, готовых за вознаграждение рассказать германским военным властям не только о месте падения воздушного аппарата, но и при необходимости военно-значимые сведения о русской обороне. Поэтому предпринимавшиеся локальные и неожиданные обыски были оправданным приемом, демонстрировавшим работоспособность механизма обеспечения основ пограничной безопасности в целом и нейтрализующим возможные предательские побуждения в частности.

Наконец, наряду с примерами немногочисленных «мирных» задержаний воздушных аппаратов с летчиками до и во время войны, были попытки ведения прицельного огня по ним на линии соприкосновения враждующих сторон. И если в одних случаях, как это было 17 марта 1915 г. в Плоцкой губернии (г. Цеханов), выстрелы были меткими (речь идет о двух «подстреленных» аэропланах) [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 204, л. 58], то в других — стрельба не достигала цели. К примеру, 14 и 15 мая 1915 г. пехота и артиллерия 3-й русской армии произвела около 100 безрезультатных выстрелов по австрийскому аэроплану в районе пограничного г. Томашов (Люблинская губерния) [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 48].

Со времени Горлицкого прорыва и восстановления немцами контроля над австро-венгерской крепостью Перемышль использование наступающими германо-австрийскими силами воздушных шаров и аэропланов в разведывательных целях утрачивало свое тактическое предназначение. В обстановке, когда фронтовая архитектура постепенно теряла свой позиционный облик — русские войска героически и с ожесточенными боями отходили на восток — воздушные силы противника все чаще использовались для бомбометания и нагнетания панических настроений среди мирного населения и потоков беженцев.

Таким образом, в первой четверти XX века (1912—1915 гг.) европейское воздухоплавание стало одним из надежных инструментов сбора

разведывательных данных об оборонном потенциале русской армии. Ни законодательные учреждения (Государственная дума и Государственный совет), ни Совет министров не предусмотрели эффективных и комплексных мер контрреагирования на новые угрозы военной (пограничной) безопасности Российской империи. А тех единичных решений, которые принимались — разрешение стрельбы по воздушным целям (летательные аппараты) из стрелкового оружия — было явно недостаточно для минимизации и уж тем более ликвидации возникшей проблемы. Поэтому, лишённые эффективных рычагов противодействия (главным образом, ясных и своевременных законодательных норм), территориальные органы правопорядка и безопасности были вынуждены бороться с воздушными правонарушениями (воздушной разведкой) Германии и Австро-Венгрии не в полную силу.

За период времени с июля 1912 г. (принятие закона о шпионаже) по лето 1915 г. (начало массового отступления русских армий из Галиции (Томашовское и Красновостокское сражения) и Привислинского края) пограничникам, жандармам и сельской полиции Варшавского генерал-губернаторства, а также сотрудникам разведки / контрразведки Варшавского военного округа не удалось принудительно посадить на землю ни один иностранный летательный аппарат. В тех же случаях, когда они все же приземлялись, будь то ввиду технических неисправностей или погодных метаморфоз, пилотов, как правило, офицеров, даже не пытались привлекать к уголовной ответственности (в условиях мирного времени). Может быть, причиной тому послужило опасение местных властей оказаться в центре очередного дипломатического эксцесса или же отсутствие убедительных улик? Но тогда возникает закономерный вопрос, а изъятые фотографические аппараты у задержанных аэронавтов разве не были косвенным основанием для их подозрения в причастности к воздушной разведке?

Полагаем, что косвенных доказательств русскому правосудию было недостаточно, а от прямых — фотокарточки военных или гражданских объектов, дневники с характерными записями и пометами — летчики могли во время полета избавиться (выкинуть, сжечь и пр.). Да и можно ли было доказать наличие преступного умысла в действиях воздушных нарушителей, «сбившихся с пути» и оказавшихся в другой стране?

И все-таки главная проблема носила системный характер и коренилась в несовершенстве статьи 113¹ закона о шпионаже от 5 июля 1912 г. В частности, запретив иностранным воздухоплавателям пролет без разрешения «над районами, пролет над коими запрещен подлежащей властью...» [РГИА: ф. 1278, оп. 2, д. 2270, л. 54], законодатель вплоть до лета 1914 г. так и не опубликовал соответствующий подзаконный акт с перечнем запретных районов. Поэтому в связи с отсутствием достаточных правовых оснований начальники жандармских управлений Привислинского края не спешили возбуждать дознание или предварительное следствие по делам о нарушении (западной) воздушной границы Российской империи.

Когда же 18 июня 1914 г. свет увидело долгожданное распоряжение военного министра В.А. Сухомлинова «О воспреещении полетов, без надлежащего разрешения, на летательных аппаратах над районом западной пограничной полосы...» [Громов: 55—57], с детальным перечнем территорий Привислинского края, входящих в понятие «район западного пограничного пространства», время и возможности оперативного реагирования уже были упущены. С началом военных действий России против Германии стандарты обеспечения безопасности мирного времени утратили свою актуальность.

Список источников

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).
РГИА (Российский государственный исторический архив).

Список литературы / References

Громов Н.А. Цензура и шпионство. По законам военного времени. Пг., 1914. 340 с.
(Gromov N.A. Censorship and espionage. According to the laws of war, Petrograd, 1914. 340 p. — In Russ).

Закон 5 июля 1912 года о государственной измене путем шпионства в мирное время. С поstateйными соображениями, вступительной статьей и с приложением иностранных законов / изд. Помощник военного прокурора А.С. Резанов. Варшава, 1912. 299 с.

(Law of July 5, 1912 on high treason by espionage in peacetime. With article-by-article considerations, an introductory article, and with an appendix of foreign laws, ed. by Assistant military prosecutor A.S. Rezanov, Warsaw, 1912, 299 p. — In Russ).

Статья поступила в редакцию 29.10.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 29.10.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, zverevoma@mail.ru

Zverev Vadim Olegovich — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy in the Activities of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation, zverevoma@mail.ru

Цепилов Андрей Евгеньевич — кандидат юридических наук, майор полиции, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, patron_andrey@bk.ru

Tsepilov Andrey Evgenevich — Candidate of Law, Lecturer at the Department of Operational and Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation, patron_andrey@bk.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 86—97.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 86—97.

Научная статья

УДК 001.89(091)(47).084.9

DOI: 10.46726/И.2023.1.9

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАРАНАУЧНЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ В СССР В 1960 — НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Владимир Вячеславович Комиссаров

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д.К. Беляева,
г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru

Аннотация. В статье изучается противодействие паранаучным публикациям в СССР в 1960 — первой половине 1980-х гг. Используются архивные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Актуальность заявленной темы определяется широким распространением в современном информационном пространстве паранаучных публикаций. В статье показано распространение паранауки в СССР в различного рода популярных журналах. Паранаука стала сложным и неоднозначным явлением в духовной жизни советского общества. Ее распространение во многом было спровоцировано атмосферой «оттепели», когда стало возможно обсуждение прежде запрещенным проблем. В некоторой степени паранаука отразила кризис идеологии, недоверие населения официальной науке. Основным способом противодействия паранауке стали цензурные запреты, проводимые центральным цензурным ведомством — Главным управлением по охране государственных тайн в печати (Главлитом). Другим способом противодействия антинаучным публикациям была контрпропаганда в печати, на страницах научно-популярных изданий. С инициативой противодействия паранауке выступали некоторые группы советской интеллигенции, в основном ученые. Однако их эффективность была крайне низкой. Критика паранауки воспринималась с недоверием. Критические публикации служили дополнительным источником по тем или иным ненаучным концепциям.

Ключевые слова: наука, паранаука, советская интеллигенция, научно-популярная печать, цензура

Для цитирования: Комиссаров В.В. Приемы и методы противодействия паранаучным публикациям в СССР в 1960 — начале 1980-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 86—97.

Original article

TECHNIQUES AND METHODS OF COUNTERACTION TO PARASCIENTIFIC PUBLICATIONS IN THE USSR IN THE 1960s AND EARLY 1980s

Vladimir V. Komissarov

Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

Abstract. The article studies the opposition to pseudoscientific publications in the USSR in the 1960 — first half of the 1980s. Archival materials from the collections of the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) were used. The relevance of the claimed topic is determined by the wide distribution in the modern information space of pseudoscientific publications. The origins of such a situation should be sought in the 1960—1980s, when pseudoscience in various forms became a factor in social consciousness. The article shows the spread of pseudoscience in the USSR in various popular magazines. Moreover, in some cases, the management of magazines preferred such publications. Pseudoscience has become a complex and controversial phenomenon in the spiritual life of Soviet society. Its spread was largely triggered by the atmosphere of the “thaw”, when it became possible to discuss previously forbidden problems. To a certain extent, pseudoscience reflected the crisis of ideology, the distrust of the population in official science. The main way to counter pseudoscience was censorship prohibitions carried out by the central censorship department — Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press (Glavlit). Another way of counteracting antiscientific publications was counter-propaganda in the press, on the pages of popular science publications. Some groups of the Soviet intelligentsia, mainly scientists, took the initiative to counter pseudoscience. However, the effectiveness of these was extremely low. Criticism of pseudoscience was perceived with disbelief. Critical publications served as an additional source for one or another unscientific concept.

Keywords: science, pseudoscience, soviet intelligentsia, popular science press, censorship

For citations: Komissarov V.V. Techniques and methods of counteraction to parascientific publications in the USSR in the 1960s and early 1980s, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 86—97.

Актуальность заявленной темы определяется невероятно широким распространением в современном информационном пространстве паранаучных публикаций, что приводит к серьезному «размыванию» критериев научности. Причем это касается не только научно-популярных и новостных ресурсов, но и изданий, позиционирующих себя как научные. Сам феномен паранауки известен достаточно давно и является предметом исследования различных дисциплин. В данном случае вызывает вопросы масштаб распространения данного явления. Автор этих строк уже публиковал результаты своих исследований феномена паранауки в позднем СССР. В настоящей статье вниманию читателя предлагается анализ попыток противодействия паранаучным публикациям в 1960—1980-е гг. По сравнению с прежними публикациями работа основана на новых архивных данных, позволивших дать оригинальные выводы и наблюдения.

Постановка проблемы. Автор этих строк в одной из своих прежних публикаций отмечал терминологическую сложность и критериальную

неопределенность рассматриваемой дефиниции [Комиссаров: 9—19]. Это объясняется рядом факторов.

Во-первых, место для паранаучных измышлений зачастую находилось даже в рамках академических дискуссий. Данный тезис можно проиллюстрировать следующим примером. В начале 1960-х гг. известный советский исследователь А.А. Зимин спровоцировал дискуссию о подлинности «Слова о полку Игореве». Проблема обсуждалась в закрытом режиме в различных научных учреждениях, прежде всего, в Институте истории АН СССР. Тем не менее, информация об этой дискуссии просочилась на страницы массовой печати и вызвала очередной виток обсуждения вопроса о пределах свободы научного поиска. Профессор Борис Федорович Поршневу (1905—1972) в 1965 г. со страниц газеты «Известия» призывал серьезно, «без окриков, и без хихиканья» относиться даже к спорным и сомнительным идеям, даже таким, как «летающие тарелки» или космические пришельцы [Поршневу 2010: 642]. Следует отметить, что он известен своими публикациями по проблеме «реликтового гоминоида», то есть «снежного человека». Как отмечал А.А. Зимин в последнем варианте своей монографии, Б.Ф. Поршневу дал интересное наблюдение по поводу интерпретации одного фрагмента текста «Слова...» [Зимин: 248]. Но далее сюжет стал развиваться по неожиданному пути: вскоре с подачи Б.Ф. Поршнева в популярных изданиях появились попытки отождествления фольклорного «дива» из «Слова о полку Игореве» с пресловутым «реликтовым гоминоидом» [Дорожкин: 58—59; Редер: 62].

Во-вторых, некоторые паранаучные идеи развивались в контексте общераспространенных заблуждений. Примером могут служить «марсианские каналы». Например, в 1960 г. Феликс Зигель писал в журнале «Юный техник», «что в реальном существовании “каналов” теперь уже никто¹ не сомневается» [Зигель 1960: 25]. Несколькими годами позднее он напечатал в апрельском номере журнала «Наука и жизнь» за 1965 г. статью, в которой рассматривал различные гипотезы, объяснявшие данный феномен [Зигель 1965: 57—59]. При этом автор даже не ставил под сомнение существование самих каналов. Ирония в том, что через несколько месяцев после появления статьи, летом 1965 г. американский аппарат «Маринер» получил первые снимки Марса с близкого расстояния, чем окончательно похоронил идею каналов, доказав, что это не более чем оптическая иллюзия.

В-третьих, иные ложные идеи приводили к возникновению целых паранаучных направлений. Так в 1950—1960-х гг. заметную популярность приобрела т.н. астроботаника — детище вполне квалифицированного астронома, члена-корреспондента АН СССР Гавриила Андриановича Тихова (1875—1960). Стронники астроботаники экстраполировали закономерности развития земной флоры на физические условия других планет, преимущественно Венеры или Марса, и на основании этого пытались представить гипотетические формы инопланетной растительной жизни. Причем для 50—60-х годов XX века, когда знания об иных планетах были весьма поверхностны, такие выводы представлялись вполне корректными. Но развитие практической космонавтики и полеты

¹ Утверждая об отсутствии сомнений в реальности марсианских каналов, Ф. Зигель несколько искажал действительность. В академической науке всегда существовала точка зрения, что каналы — не более чем оптическая иллюзия. См. напр. дополнения Б.А. Воронцова-Вельяминова к советскому изданию К. Фламариона [Фламарион: 271].

межпланетных станций поставили жирный крест на всяких предположениях о существовании на Венере или Марсе растительной жизни.

Следует обозначить авторскую позицию относительно названия исследуемого феномена. Среди всего многообразия публикаций мы встречаем такие дефиниции, как «лженаука», «псевдонаука», альтернативная наука и т. д. Признавая право других авторов на использование данных терминов, все-таки следует отметить, что с исторической точки зрения они не совсем удачны. Так, на рубеже 1940—1950-х гг. кибернетика и генетика определялись не иначе как «лженаука». Этот термин обоснованно применялся и применяется до сих пор для обозначения астрологии, хиромантии, френологии и т. д. Поэтому применяемый нами термин «паранаука» представляется наиболее корректным. В отличие от «лженауки» он не наводит на воспоминания об идеологических кампаниях сталинского периода; в противовес понятию «псевдонаука» не подразумевает обязательно наличия фальсификации или подтасовки.

Распространение паранаучных публикаций в СССР. Распространению паранаучных публикаций в СССР способствовало развитие в изучаемый период научно-популярного жанра. Как уже отмечалось автором этих строк, научная популяризация стала одной из форм самореализации советской интеллигенции 1960—1980-х гг. Паранаука нашла себе место на страницах разнообразных научно-популярных журналов. В их числе можно назвать «Уральский следопыт», «Юный техник», «Вокруг света», «Химию и жизнь», «Знание — сила», «Технику — молодежи». Для размещения паранаучных публикаций редакции создавали специализированные рубрики. Так, еще со второй половины 1960-х гг. в «Технике — молодежи» появилась «Антология таинственных случаев», наполняемая материалами по «снежному человеку», пирамидологии, НЛО и прочим чудесам. Затем к «Антологии» добавилась рубрика «Загадки забытых цивилизаций», знакомящая читателя с нетрадиционными гипотезами по древней истории. Однако аудитория не желала довольствоваться журнальными публикациями, поэтому материалы «Антологии таинственных случаев» выходили в составе сборников «Тайны веков», издававшихся «Молодой гвардией» в 1970—1980-х гг. Впрочем, и эти книги быстро переходили в разряд библиографических редкостей из-за высокого читательского спроса.

Пристрастие «Техники — молодежи» к такого рода публикациям объяснялось и позицией руководства издания. Василий Дмитриевич Захарченко, бессменный главный редактор журнала на протяжении 1950—1980-х гг., отдавал предпочтение паранаучным материалам даже в ущерб основной тематике. Здесь уместно привести такой эпизод: получив в середине 1960-х гг. очередную рукопись по проблеме «снежного человека», В.Д. Захарченко настаивал на освобождении минимум 4-х полос журнала для размещения этой статьи [РГАСПИ: ф. М-80, оп. 1, д. 56, л. 2].

Позиция редакций подкреплялась требованиями читателей, о чем свидетельствовали обзоры редакционной почты. В качестве примера можно привести находящийся на архивном хранении отчет главреда «Вокруг света» А. Никонова по анализу писем, поступивших в редакцию в 1980 г. В документе особо отмечается интерес молодых читателей к загадкам и тайнам, среди которых филиппинская и тибетская медицина, телепатия, парапсихология, космические пришельцы, летающие тарелки, Бермудский треугольник [РГАСПИ: ф. М-79, оп. 1, д. 42, л. 2].

Публикации по паранаучной проблематике появлялись в изданиях, ориентированных на детскую и юношескую аудиторию. Еще в 1960 г.

в очередном выпуске познавательного ежегодника «Глобус» помещена статья членкора АН СССР С.В. Обручева «Что мы знаем о снежном человеке» [Обручев: 163—168]. Другой детский ежегодник — «Хочу все знать» — в 1977 г. преподнес своим юным читателям большой материал о Бермудском треугольнике [Эйдельман, Соколов: 198—207].

Отдельные сомнительные идеи проникали на страницы даже серьезных изданий, претендующих на фундаментальность. Например, в выпущенном в 1966 г. Военным издательством «Справочнике по космонавтике» упоминалось о возможном искусственном происхождении спутников Марса — Фобоса и Деймоса [Справочник по космонавтике: 35]. Это предположение появилось несколькими годами ранее, когда были обнаружены отклонения орбит спутников от рассчитанных параметров. Естественно, их создание приписывалось либо пришельцам из других звездных систем, либо гипотетической марсианской цивилизации. В СССР идею искусственного происхождения Фобоса и Деймоса отстаивал астрофизик И. С. Шкловский, он писал об этом в первых изданиях своей книги «Вселенная, жизнь, разум». Эта красивая гипотеза потеряла всякие основания тогда же, в середине 1960-х, когда были получены снимки спутников Марса с космических аппаратов.

Основные результаты исследования. Ведущей формой противодействия паранаучным публикациям были прямые цензурные запреты и ограничения. В изучаемый период советская цензура была представлена широкой сетью разнообразных учреждений. Во главе находился Главлит СССР (Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР). На местах — в областях, краях, союзных и автономных республиках — функционировали республиканские Главлиты, краевые и областные управления по охране гостайн, т. н. край- и обллиты. Все они находились в подчинении Главного управления.

Официальной целью советской цензуры была защита государственных и военных тайн. Но в реальности Главлит и подчиненные ему структуры занимались политической цензурой. Во многом это отражало двойное подчинение Главлита. Формально он находился в ведении Совета Министров, а на деле — под полным управлением ЦК КПСС. Бывший сотрудник Главлита В.В. Прибытков в своих воспоминаниях отмечал, что Совет Министров решал только материальные, технические и финансовые вопросы работы Главного управления. Политическая и идеологическая составляющие цензурного контроля регулировались и контролировались исключительно высшими партийными органами [Прибытков: 35].

Применительно к теме данного исследования — противодействию паранаучным публикациям — прямых указаний ЦК КПСС в адрес цензурных органов не обнаружено. В этой части своей деятельности Главлит преимущественно контактировал с другими ведомствами: Академией наук СССР, Министерством обороны, военно-промышленной комиссией и др. Прямое вмешательство высших партийных органов в деятельность неформальных научных объединений происходило в крайних случаях, когда они усматривали прямое покушение на идеологическую монополию партии. Например, в 1971 г. решением ЦК КПСС была закрыта Ассоциация научного прогнозирования, созданная по инициативе представителей советской интеллигенции. Основные причины были и в том, что ассоциация носила неформальный характер, создавалась без ведома директивных органов и в том, что в своей

деятельности ее участники выходили за рамки марксистской идеологии [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1392, л. 35].

Следует учесть, что отдельные указания для цензурных органов документально не оформлялись. Например, в начале 1973 г. начальник Главлита П.К. Романов устно проинформировал членов коллегии своего ведомства о прекращении публикации произведений известного писателя-фантаста И.А. Ефремова, скончавшегося несколькими месяцами ранее. Протокольная запись не называет источник запрета. Но Павел Константинович потребовал от участников заседания не разглашать полученную информацию, и это позволяет предполагать, что распоряжение исходило от ЦК КПСС или от спецслужб [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1459, л. 5—6]. (Запрет И.А. Ефремова действовал крайне недолго в силу огромной популярности его произведений у советских читателей).

Таким образом, Главлит оказался центральным звеном в деле противодействия паранаучным публикациям. 28 ноября 1967 г. «оперативным указанием» Главлит запретил своим подчиненным структурам печатать материалы по НЛО без доклада руководству [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1255, л. 76]. «Оперативные указания руководства по вопросам цензорского контроля» представляли собой специфический вид внутренней цензурской документации. В них содержались те запреты или ограничения, которые не были отражены в действующем «Перечне Главлита». «Оперативные указания...» издавались руководством цензурного ведомства в силу различных причин, например, из-за смены внутри- или внешнеполитической обстановки.

Данный запрет принес скорые результаты. В начале января 1968 г. Главлит остановил ряд публикаций по НЛО. Рукописи и верстки были направлены в Комиссию президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1300, л. 105]. Крайне любопытен перечень задержанных публикаций. Он еще раз показывает, что паранаука вышла за границы научно-популярных изданий и стала активно проникать в детскую периодику и на телевидение. Здесь мы видим сценарий аудиозаписи для приложения к журналу «Кругозор» в виде гибкой грампластинки, статью журналиста В. Губарева «Тайны НЛО» для «Бюллетеня комсомольских газет», перевод из американского журнала «Look»; тезисы выступления по Центральному телевидению на тему НЛО, статью Ф.Ю. Зигеля про «летающие тарелки», предназначенную для украинского журнала «Наука и общество» [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1300, л. 108—138].

22 февраля 1968 г. Комиссия по военно-промышленным вопросам направила заместителю начальника Главлита ответ. В этом документе в сомнительных случаях было рекомендовано обращаться за консультацией к руководству Академии наук СССР, а конкретно к вице-президенту академику Б.П. Константинову [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1300, л. 106]. Начальникам главкрайобллитов было предписано каждый материал по НЛО публиковать лишь с разрешения Б.П. Константинова [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1300, л. 107].

Таким образом, уже в 1969 г. цензурное ведомство направило на его рассмотрение минимум две публикации о встречах советских летчиков с необъяснимыми атмосферными явлениями. Речь идет о статьях «Локатор фиксирует загадку» из журнала «Юность» и «Встреча с неизвестным» в «Комсомольской правде». В этих случаях было рекомендовано приостановить публикации на неопределенный срок [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1320, л. 13, 140].

Следует отметить, что упоминание Бориса Павловича Константинова (1910—1969 гг.) в связи с паранаучными публикациями далеко не случайно.

Будучи крупным ученым и администратором, вице-президентом АН СССР, одним из создателей термоядерного оружия, он являлся генератором оригинальных научных идей и испытывал определенный интерес к подобного рода тематике. Можно вспомнить историю, приведенную в воспоминаниях астрофизика и автора популярной в 1960-х гг. книги «Вселенная, жизнь, разум» И.С. Шкловского. На рубеже 1950—1960-х гг. в Ленинградском физико-техническом институте Б. П. Константинов и его сотрудники занимались поиском антиматерии в метеоритном веществе. Они полагали, что антивещество составляет большинство выпадающих на Землю метеоритов. Это сложно считать ошибкой из-за недостатка достоверных данных. Вопрос вполне мог быть разрешен астрономической наукой того времени. Просто ученых прельстила идея военно-технического использования антиматерии. Если верить И.С. Шкловскому, этим исследованиям покровительствовал и президент Академии наук СССР М.В. Келдыш. Но Б.П. Константинов свернул все работы в этом направлении, получив вполне убедительные доказательства ошибочности своих постулатов [Шкловский: 124—131]. Данный случай демонстрирует, как может быть зыбка грань между заблуждением, истиной и преднамеренным искажением в условиях интенсивного научного поиска.

В вопросе противодействия паранауке Главлит продолжал проявлять активность и позднее. Так, в 1971 г. из верстки второго номера журнала «Искусство кино» была снята статья А.П. Казанцева «Из космоса в прошлое». В ней очередной раз обсуждалась теория «палеовизита» (или «палеоконтакта»), то есть посещения Земли пришельцами в далеком прошлом человечества). Данный автор утверждал, что цивилизация была привнесена на Землю представителями инопланетного разума [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1392, л. 6]. Следует отметить, что Александр Петрович Казанцев (1906—2002 гг.) — известнейший в то время писатель-фантаст, автор фантастических романов, киносценариев и других произведений. Он был пионером паранаучных публикаций в СССР. Сразу после Великой Отечественной войны А.П. Казанцев напечатал фантастический рассказ «Взрыв», в котором была попытка объяснить тунгусскую катастрофу 1908 г. результатом крушения инопланетного корабля. Затем эта идея была оформлена в очерке 1951 г. «Гость из космоса». Благодаря содействию А.П. Казанцева в СССР достаточно широко демонстрировался документальный фильм «Воспоминания о будущем. Колесницы богов», снятый западногерманским режиссером Х. Райнлем по книге швейцарского уфолога Э. Дэникена.

Примечательно, что Главлит препятствовал паранаучным публикациям советских авторов за рубежом. Например, в 1969 г. было остановлено испанское издание книги В. Зайцева «Легенда о странных пришельцах», подготовленное Агентством печати «Новости» (АПН). Среди прочего, автор этой книги пытался объяснить феномен Иисуса Христа, его деятельность, идеи, воскресение и вознесение на небо с точки зрения концепции палеовизита, что вызвало возражения цензурного ведомства [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1336, л. 59]. В том же году данный автор намеревался обнародовать свои идеи на страницах советской периодики. В. Зайцев предложил журналу «Современник» свою статью «Космос и Деус», где обыгрывал версию об инопланетном происхождении Иисуса. Главлит запретил и эту публикацию [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1320, л. 34].

В деле запретов для цензурного ведомства вообще не существовало авторитетов. Так, в одном из изданий Главлит приостановил выход статьи уже упомянутого академика Б.П. Константинова «Небо XX века», т. к. изложенная

в ней версия посадки станции «Венера» расходилась с официальным сообщением (о сути расхождений архивный документ не уточняет) [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1289, л. 114].

Официальная цензура тесно соседствовала с таким явлением, как редакционная самоцензура. Во многом она определялась принципом персональной ответственности, который распространялся на главных редакторов, их заместителей и ответственных секретарей. Не все члены редакций были готовы рисковать своими карьерами. Выше мы отмечали позицию главреда «Техники — молодежи» В.Д. Захарченко, питавшего слабость к паранаучной тематике. Но не все работники редакции разделяли его мнение. Например, научный редактор журнала К.А. Гладков резко отрицательно высказался по поводу очередной рукописи о «снежном человеке», определив ее, как «пережевывание старого, который раз напечатанного материала» [РГАСПИ: ф. М-80, оп. 1, д. 56, л. 43].

Запретительные инициативы могли исходить от различных групп научной интеллигенции, что также было мало результативно. Например, упоминавшийся писатель А.П. Казанцев в 1961 г. выступал перед студентами Литинститута и с немалой долей иронии рассказывал забавный эпизод из своей биографии. Речь шла о состоявшейся годом ранее научной конференции по метеоритной астрономии, на которой, по словам А.П. Казанцева, он «был предан анафеме». Ученые приняли рекомендацию обратиться к издательствам и киностудиям, чтобы те лишили писателя трибуны для высказывания своих идей [РГАЛИ: ф. 632, оп. 1, д. 947, л. 47]. Следует предположить, что столь негативную оценку среди ученых писатель получил за свою гипотезу об искусственной природе Тунгусского метеорита, которую активно пропагандировал при каждом удобном случае. Тем не менее усилия научного сообщества оказались тщетны, рекомендации астрономов никак не сказались на его творческой карьере. А.П. Казанцев продолжал публиковаться и готовить киносценарии.

«О пропаганде “летающих тарелок”» — так именовалось специальное постановление, принятое 20 декабря 1967 г. на заседании Бюро отделения общей и прикладной физики АН СССР. В нем ученые, среди прочего, рекомендовали осудить НЛО как нездоровую сенсацию, к тому же имеющую характер шарлатанства и вводящую в заблуждение широкие слои населения, и просить всех членов общества бороться с ней [ГАРФ: ф. Р9425, оп. 1, д. 1300, л. 140.].

Низкую эффективность подобных инициатив иллюстрирует случай Б.Ф. Поршнева. В августе 1964 г. председатель VII Международного конгресса этнологических и антропологических наук В.П. Якимов запретил Б.Ф. Поршневу поднимать тему «реликтового гоминоида» в рамках этого научного форума. Но Борис Федорович без труда нашел себе трибуну на страницах журнала «Техника — молодежи» и, среди прочего, оповестил читателей об упомянутом запрете, фактически дискредитируя официальную науку, выставляя ее представителей в виде консерваторов и ретроградов [Поршнев 1966: 24].

Другим способом противодействия паранаучным публикациям была контрпропаганда в научно-популярной печати. Причем трибуной здесь выступали те же научно-популярные издания. Например, почти каждая публикация по нетрадиционным исследованиям на страницах «Техники — молодежи» дополнялась критическими комментариями специалистов. Кампании по разоблачению паранаучных исследований периодически возникали в научно-популярной печати.

Например, «Техника — молодежи» в конце 1970 — середине 1980-х гг. регулярно размещала статьи А. Арефьева и Л. Фомина с критикой

пирамидологии и гипотезы палеоконтакта с весьма показательными заголовками: «Пирамиды гипотез, гробницы фактов, усыпальницы здравого смысла» и «Баллада о космических “ушельцах”» [Арефьев; Арефьев, Фомин].

Однако итог этих публикаций был зачастую прямо противоположен ожидаемому и только подогревал интерес читателей к паранауке. Во многом это связано с тем, что авторы использовали литературу, недоступную для массового читателя. Иногда они критиковали авторов, малоизвестных в пределах СССР. Фактически, критические статьи превращались для читателей в дополнительный источник информации о необъяснимых фактах и научных загадках.

Качественных материалов не хватало, поэтому многие статьи перепечатывались различными изданиями. Так, в 1979 г. в журнале «Советская этнография» появилась статья журналиста В.И. Санарова «НЛО и энлонавты в свете фольклористики», в которой проводились вполне уместные аналогии между рассказами о «летающих тарелках» и транскультурными фольклорными сюжетами [Санаров]. В том же году статья была перепечатана в ноябрьском номере «Техники — молодежи», двумя годами позднее она вышла в ежегоднике «Фантастика — 81», а еще через несколько лет — в сборнике, подготовленном к 50-летию юбилею уже упомянутой «Техники — молодежи».

С целью борьбы с паранаукой привлекались переводы зарубежных публикаций. Среди них можно назвать работу американского астронома Дональда Мензела «О летающих тарелках» (американское издание 1953 г., советское 1962 г.), американского библиографа Лоуренса Куше «Бермудский треугольник: мифы и реальность» (американское издание 1975 г., первое советское издание 1978 г.). И хотя эти авторы ставили себе задачей разоблачение паранаучной мифологии, они приводили подробный перечень таинственных явлений, в большинстве не знакомых советскому читателю, чем только постегивали интерес к паранауке в СССР.

Заключение. Таким образом, были выявлены три способа противодействия паранаучным публикациям в СССР в 1960—1980-е гг.: ограничения официальной цензуры (включая и редакционную самоцензуру); инициативы отдельных групп научной интеллигенции; контрпропаганда посредством научно-популярной периодики. Представленные факты в очередной раз доказывают крайне низкую эффективность любых запретительных мероприятий. Это, конечно, не означает, что цензурные запреты и ограничения в сфере паранаучных публикаций были полностью бесполезны. Они закрывали путь к читателю и зрителю для откровенно мракобесных и шарлатанских материалов, доступ к которым оказался свободным после устранения системы цензуры. Однако причины распространения и популярности паранаучных знаний были отнюдь не в недостатках системы цензуры. Этому способствовали недоверие к официальной науке, погоня за дешевыми сенсациями, свойственное для интеллигенции желание самовыражения и самореализации. Именно поэтому запретительные и контрпропагандистские меры имели зачастую прямо противоположный результат.

Определенную роль сыграл и политический характер советской цензуры, когда публикации, лояльные по политико-идеологическим признакам, имели шанс оказаться в печати даже при условии их антинаучного содержания.

Конечно, нельзя проводить прямых аналогий с современной ситуацией и тем положением, которое мы наблюдаем на материале 1960—1980-х гг. Совершенно изменилась информационная среда: дефицит информации в ряде случаев сменился ее переизбытком. Невероятно упростились редакционно-

издательские процедуры. Но истоки нынешнего распространения паранаучных знаний и дискредитации науки и научной методологии следует усматривать именно в те годы. И то обстоятельство, что даже в условиях серьезных ограничений и достаточно сложной издательской технологии паранаука пробивала себе дорогу, может свидетельствовать об определенном неблагополучии в сфере массового сознания. Фактически, распространение паранаучных публикаций стало симптомом кризисных явлений в позднесоветском обществе. Здесь сыграла свою роль и деградация официальной идеологии, провоцировавшая неверие в нигилизм в мировоззрении людей. Естественно, что цензурные и другого рода запреты не могли быть «панацеей» в этом вопросе.

Список источников

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации)
РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории)
РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства)

Список литературы / References

- Арефьев А. Пирамиды гипотез, гробницы фактов, усыпальницы здравого смысла // Техника — молодежи. 1985. № 6. С. 60—63;
(Arefyev A. Pyramids of hypotheses, tombs of facts, tombs of common sense, *Tekhnika — molodezhi*, 1985, no. 6, pp. 60—63. — In Russ.)
- Арефьев А., Фомин Л. Баллада о космических «ушельцах» // Техника — молодежи. 1987. № 6, 8, 10, 11.
(Arefyev A., Fomin L. Ballad about space “escapists”, *Tekhnika — molodezhi*, 1987, no. 6, 8, 10, 11. — In Russ.)
- Гинзбург В.Л. Общая теория относительности: (последовательна ли она? Отвечает ли она физической реальности?) // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 41—48.
(Ginzburg V.L. General theory of relativity: (Is it consistent? Does it correspond to physical reality?), *Nauka i zhizn'*, 1987, no. 4, pp. 41—48. — In Russ.)
- Гинзбург В. О лженауке и необходимости борьбы с ней // Наука и жизнь. 2000. № 11. С. 74—78.
(Ginzburg V. About pseudoscience and the need to combat it, *Nauka i zhizn'*, 2000, no. 11, pp. 74—78. — In Russ.)
- Головин Д.В. Паранаука: социокультурные основания и функции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012. 28 с.
(Golovin D.V. Parascience: sociocultural grounds and functions: abstract of the dissertation ... of the Candidate of Philosophical sciences, Ivanovo, 2012, 28 p. — In Russ.)
- Дорожкин Н. Кто он, див из «Слова?» // Техника — молодежи. 1983. № 3. С. 58—59.
(Dorozhkin N. Who is he, div from “Tale”?, *Tekhnika — molodezhi*, 1983, no. 3, pp. 58—59. — In Russ.)
- Зигель Ф. Загадки Марса // Юный техник. 1960. № 12. С. 23—27.
(Siegel F. Mysteries of Mars, *Yunyy tekhnik*, 1960, no. 12, pp. 23—27. — In Russ.)
- Зигель Ф. Каналы Марса // Наука и жизнь. 1965. № 4. С. 57—59.
(Siegel F. Channels of Mars, *Nauka i zhizn'*, 1965, no. 4, pp. 57—59. — In Russ.)
- Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 516 с.
(Zimin A.A. The Tale of Igor's Campaign, St. Petersburg, 2006, 516 p. — In Russ.)

- Китайгородский А.И. Реникса. М.: Молодая гвардия, 1967. 240 с.
(Kitaygorodsky A.I. Reniksa. Moscow, 1967, 240 p. — In Russ.)
- Комиссаров В.В. Функциональное значение паранауки в жизни советской интеллигенции 1960—1980-х гг. // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 9—19.
(Komissarov V.V. Functional meaning of parascience in the life of the soviet intelligentsia in 1960—80-s, *Intelligenciya i mir*, 2012, no. 3, pp. 9—19. — In Russ.)
- Мигдал А. Отличима ли истина от лжи? // Наука и жизнь. 1982. № 1. С. 60—67.
(Migdal A. Is truth distinguishable from falsehood?, *Nauka i zhizn'*, 1982, no. 1, pp. 60—67. — In Russ.)
- Обручев С. Что мы знаем о снежном человеке // Глобус: географический ежегодник для детей. Л.: Детгиз, 1960. С. 163—168.
(Obruchev S. What do we know about Bigfoot, *Globe: Geographical yearbook for children*, Leningrad, 1960, pp. 163—168. — In Russ.)
- Поршнев Б. Извольте работать // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х гг. СПб.: Пушкинский дом, 2010. С. 642—643.
(Porshnev B. Please work, *The history of the dispute about the authenticity of the "Words about Igor's Regiment"*: Materials of the discussion of the 1960s, St. Petersburg, 2010. pp. 642—643. — In Russ.)
- Поршнев Б.Ф. Новые горизонты приматологии // Техника — молодежи. 1966. № 8. С. 24—25.
(Porshnev B.F. New horizons of primatology, *Tekhnika — molodezhi*, 1966, no. 8, p. 24—25. — In Russ.)
- Прибытков В.В. Главлит и цензура: записки заместителя начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. М.: Молодая гвардия, 2014. 108 с.
(Pribytkov V.V. Glavlit and censorship: notes by the deputy head of the Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press under the Council of Ministers of the USSR, Moscow, 2014, 108 p. — In Russ.)
- Редер Д. Версии, заслуживающие внимания // Техника — молодежи. 1983. № 3. С. 62.
(Raeder D. Versions deserving attention, *Tekhnika — molodezhi*, 1983, no. 3, p. 62. — In Russ.)
- Санаров В.И. НЛО и энлонавты в свете фольклористики // Советская этнография. 1979. № 2. С. 145—154.
(Sanarov V.I. UFO and ufonauts in the light of folklores, *Sovetskaya etnografiya*, 1979, no. 2, pp. 145—154. — In Russ.)
- Справочник по космонавтике. М.: Воениздат, 1966. 328 с.
(Handbook of Cosmonautics, Moscow, 1966, 328 p. — In Russ.)
- Фламарион К. Популярная астрономия. М.; Л.: Детгиз, 1941. 288 с.
(Flammarion K. Popular astronomy, Moscow—Leningrad, 1941, 288 p. — In Russ.)
- Хазен А. О лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке // Наука и жизнь. 2002. № 10. С. 103—109.
(Hazen A. About pseudoscience, its consequences and errors in science, *Nauka i zhizn'*, 2002, no. 10, pp. 103—109. — In Russ.)
- Шкловский И.С. Эшелон. Невыдуманные рассказы. М.: Новости, 1991. 221 с.
(Shklovsky I. S. Echelon. Non-fictional stories, Moscow, 1991, 221 p. — In Russ.)
- Эйдельман Д., Соколов В. Тайны «Бермудского треугольника» // Хочу все знать. Л.: Детская литература, 1977. С. 198—207.
(Eidelman D., Sokolov V. Secrets of the "Bermuda Triangle", *Khochu vse znat'*, Leningrad, 1977, pp. 198—207. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия, г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru

Komissarov Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of Science (History), Professor of Department of General Educational Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 98—106.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 98—106.

Научная статья

УДК 355(091)(47).081

DOI: 10.46726/И.2023.1.10

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ЕВРЕЕВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1827—1874 гг.)

Филипп Анатольевич Некрашевич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь, filippnekrasevic@gmail.com

Аннотация. В статье показаны особенности распределения военнослужащих евреев в вооруженных силах Российской империи в 1827—1874 гг. В указанный период евреи являлись одной из дискриминируемых конфессиональных групп. В военной политике государства дискриминация проявлялась не только в усиленных рекрутских наборах, но и в особенностях распределения евреев в подразделения армии и флота. В статье проанализированы основные нормативно-правовые акты, регламентировавшие вопросы распределения военнослужащих. В результате изучения отмеченной проблематики было выделено три этапа, на протяжении которых происходили существенные изменения политики со стороны военного ведомства в вопросе выбора воинских частей для представителей диаспоры. В работе определены подразделения вооруженных сил, в которых появление евреев было нежелательно, и наоборот, куда представителей диаспоры направляли в первую очередь. Рассмотрена проблема определения евреев на службу в военно-морской флот. В результате сделан вывод о том, что при распределении евреев на службу военное ведомство руководствовалось в первую очередь политическими соображениями, а не практическими. В изучаемый период наблюдался процесс постепенной ликвидации дискриминации при распределении евреев военнослужащих в армейские подразделения. Тем не менее данный процесс к 1874 г. не успел завершиться.

Ключевые слова: вооруженные силы, Российская империя, евреи, военно-морской флот, вспомогательные армейские подразделения

Для цитирования: Некрашевич Ф.А. Распределение военнослужащих евреев в вооруженных силах Российской империи (1827—1874 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 98—106.

Original article

DISTRIBUTION OF MILITARY SERVICE JEWS IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1827—1874)

Philipp A. Nekrashevich

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus, filippnekrasevic@gmail.com

Abstract. The article discusses the features of the distribution of Jewish military personnel in the army of the Russian Empire in 1827—1874. Jews were one of the discriminated confessional groups in the period under review. Discrimination of Jews was manifested not only in enhanced recruiting, but also in the distribution of Jews in army units. The paper analyzes the main legal acts that regulate the distribution of military personnel to reveal the topic. Three stages were identified, during which there were significant changes in the policy on the part of the military department in the issue of choosing army units for representatives of the diaspora. The work identifies units of the armed forces in which the appearance of Jews was undesirable, and vice versa, where representatives of the diaspora were sent in the first place. The problem of identifying Jews for service in the navy is considered. It is concluded that when distributing Jews for military service, the military department was guided primarily by political considerations, and not by practical ones. There was a process of gradual elimination of discrimination in the distribution of Jewish servicemen in army units during the period under review. However, this process by 1874 did not have time to complete.

Keywords: armed forces, Russian Empire, Jews, navy, auxiliary army units

For citation: Nekrashevich Ph.A. Distribution of military service Jews in the armed forces of the Russian Empire (1827—1874), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 98—106.

В российской историографии (как дореволюционной, так и современной) тема рекрутских еврейских наборов получила достаточно широкое освещение. Принудительное привлечение к военной службе народа, столетиями лишённого подобного опыта, стало действительно уникальным событием в истории вооружённых сил Российской империи. В историографии значительное внимание уделялось в первую очередь политическим причинам распространения этой повинности на представителей диаспоры, организации рекрутских еврейских наборов, а также проблеме сохранения культурной идентичности евреев в армии. Тем не менее исследователями практически не затрагивался вопрос о том, куда именно распределялись евреи на военную службу.

На наш взгляд, данная проблема является очень важной при рассмотрении вопроса о государственной военной политике в отношении евреев в период Российской империи. От того, куда направлялись на службу новобранцы, зависело их восприятие вооружённых сил. Служба в пределах черты еврейской оседлости могла содействовать не только сохранению культурной идентичности, но и пониманию военной службы как долга по защите территории проживания своего народа. Наоборот, направление на службу в отдалённые регионы империи или же в специфические рода войск (например, флот) могло превратить военную службу для молодого еврея в настоящую пытку пространством. Пристальное изучение данной проблемы позволит приблизить нас к ответу на вопрос: в роли кого евреи поступали на военную службу? Очередных новобранцев — русских, белорусов или татар, призванных верой и правдой служить императору, или же в качестве наказанных, как, например, бродяги или сектанты, которых надо было «перевоспитать»?

Цель данной работы — выявить ограничения при распределении евреев на военную службу в российскую армию, а также при переводах в другие воинские части в период прохождения службы в 1827—1874 гг.

Под ограничениями при прохождении службы евреев в данной статье понимаются распоряжения российского правительства, которые касались исключительно евреев. Дело в том, что российское общество в рассматриваемый период носило сословный характер. В связи с этим в военном законодательстве содержалась масса ограничений для представителей податных сословий (крестьяне, мещане). Кроме того, многие ограничения накладывались на представителей этнических и конфессиональных меньшинств (поляки, мусульмане, сектанты и т. д.). Таким образом, в подобном обществе евреи изначально не могли обладать полным набором прав при прохождении военной службы. Тем не менее, ввиду особого внимания российского правительства к евреям, в военном законодательстве возник значительный набор ограничений именно для представителей этой этноконфессиональной группы.

Хронологические рамки работы обусловлены распространением на евреев в 1827 г. рекрутской повинности, а также введением всеобщей воинской повинности в 1874 г. Объектом данного исследования являются вооруженные силы Российской империи. Предметом исследования — прохождение службы в российской армии совершеннолетними еврейскими солдатами. В данном исследовании не затрагивается служба кантонистов из евреев, имевших особый правовой статус.

Анализ российского военного законодательства наводит на мысль о том, что военное руководство изначально не имело четкого представления, как лучше использовать евреев на военной службе. Об этом свидетельствует первый рекрутский еврейский набор. Так, согласно 92-му набору 1827 г. все новобранцы были направлены в военно-морской флот [НИАБ: ф. 333, оп. 6, д. 9, л. 229]. Однако уже в ходе последующих наборов евреев направляли в основном в армейские подразделения. Как мы увидим далее, в пределах военного ведомства евреев также постоянно перебрасывали из одних армейских подразделений в другие. Такие метания из одной крайности в другую наглядно свидетельствуют о том, что к рекрутским еврейским наборам были не готовы не только евреи, но и само военное ведомство. Отношение военных к вопросу распределения новобранцев складывалось постепенно. При этом взгляды российских чиновников со временем претерпевали изменения. На наш взгляд, в истории распределения евреев на военную службу можно выделить три условных этапа:

1) 1827—1844 гг., когда правительство взяло жесткий курс на прекращение связей между новобранцами и диаспорой;

2) для второго этапа (1844—1857 гг.) характерно стремление командования найти рациональное применение умений и навыков евреев на военной службе;

3) наконец, на протяжении заключительного этапа (1857—1874 гг.) наблюдалась тенденция к началу постепенной унификации в распределении евреев с другими категориями военнотружущих.

Для первого периода (1827—1844 гг.) свойственно отсутствие детально выработанного подхода к распределению еврейских рекрутов и появление отдельных распоряжений по данному вопросу, не носящих системного характера. Военное руководство было уверено, что важной составляющей успешного превращения представителя диаспоры в преданного солдата является

направление его на службу в подразделения, находящиеся за чертой еврейской оседлости. Это должно было содействовать быстрому разрыву связей с общиной и усвоению правил поведения, принятых в армейской среде. В связи с этим для новобранца служба начиналась с долгого путешествия из родной губернии в отдаленные регионы Российской империи к месту будущей службы. Однако на этом ограничения не заканчивались. Распоряжения правительства свидетельствуют о недоверии к представителям диаспоры и нежелании направлять их в исключительно важные с точки зрения власти соединения. Известно, что евреи не допускались на службу в гвардейские подразделения российской армии, а также в подразделения, связанные с обеспечением государственной безопасности и охраны царской семьи (корпус жандармов, карантинная стража, подвижные инвалидные роты № 2 и 3, а также мастерская рота Императорских дворцов) [Полное собрание... 18: № 16739; № 17384]. С другой стороны, императорский указ от 6 апреля 1829 г. запрещал направлять евреев в денщики [Полное собрание... 4: № 2806]. В денщики определялись новобранцы, негодные для строевой службы, но физические здоровые, толковые и безупречной нравственности [Веретенко: 10]. Можно предположить, что в данной ситуации военное командование сомневалось в «безупречной нравственности» евреев. Как мы видим, на протяжении первого этапа военное командование постепенно стало определяться с местами службы, где нахождение евреев было нежелательным. С другой стороны, не было издано ни одного распоряжения, определявшего, где представители диаспоры могут быть «полезны» для российской армии.

Для второго этапа (1844—1857 гг.) характерна первая попытка выработать системный подход в вопросе распределения евреев на военную службу. Отдельный императорский указ от 10 февраля 1844 г. определял, куда еврейские солдаты могут быть назначены, а куда нет. Согласно этому документу, большая часть представителей диаспоры направлялась на службу в нестроевые роты и отделения при армейских полках и артиллерийских батареях, гарнизонные батальоны, жандармские и артиллерийские гарнизоны, подвижные, запасные, осадные и инженерные парки, арсеналы, лабораторные и арсенальные роты [Полное собрание... 19: № 17600]. К нестроевому составу относились музыканты, мастерские, писари, фельдшеры и др.

Кроме того, евреи направлялись на службу в подвижные инвалидные роты. Эти подразделения были предназначены для службы при госпиталях, но впоследствии стали учреждаться также в дворцовом, провиантском, комиссариатском, горном ведомствах, в крепостях и при округах военных поселений [Энциклопедический словарь... 13: 44—45]. Подвижные инвалидные роты являлись вспомогательными подразделениями и выполняли в основном охранную и хозяйственную функции. Помимо этого, евреи могли направляться на службу в военно-рабочие батальоны и роты инженерного ведомства, которые занимались строительными работами в крепостях [Энциклопедический словарь... 26: 32—33]. Наконец, незначительная часть рекрутов назначалась в служительские команды при домах императорской военной академии и чесменской военной богадельни, а также в типографии военного ведомства и механические заведения [Полное собрание... 19: № 17600]. Служительские команды состояли из сторожей и мастерских [Зимин 2]. В штат военных типографий входили наборщики, печатники, батырщики (рабочий, набивающий краской набранный текст при печатании на станке) и сторожа [Полное собрание... 37: № 38394, Прил.].

Наконец, согласно указу от 10 февраля 1844 г., евреи могли быть определены на службу в полицейские и пожарные команды. Традиционно военное ведомство отправляло в полицию лица, не пригодные по разным причинам для военной службы [Сичинский: 49], аналогичная ситуация наблюдалась и при комплектовании пожарных команд [Немченко: 84].

Таким образом, для мест прохождения службы, обозначенных в указе от 10 февраля 1844 г., характерны следующие черты: во-первых, все они относились к нестроевым должностям, то есть носили вспомогательный характер; во-вторых, при распределении на службу евреев военное руководство исходило из того, что значительная часть этих новобранцев являлась профессиональными ремесленниками. Отсюда следовало стремление массово назначать евреев в мастерские различных армейских подразделений. В-третьих, по выражению российского историка К.Д. Кавелина, «тысячи людей распределяются в денщики, в мастерские на заводах и фабриках, в рабочие батальоны и роты, в писаря, в казенные типографии в служительские команды, во множество различных должностей, которые не представляют и тени военного назначения. Они тоже остаются казенными крепостными наследственно» (цит. по: [Кременская]). В связи с этим, рекруты евреи превращались скорее не в солдат военного ведомства, а в его крепостных, которым можно было поручить любую «грязную» работу.

Вместе с тем указ от 10 февраля 1844 г. определял ряд ограничений при распределении рекрутов евреев. Их запрещалось направлять в нестроевые подразделения войск гвардейского корпуса, генерального штаба, военно-учебных заведений, батальонов кантонистов, комиссариатского и провиантского ведомств. Вероятно, при отказе в направлении евреев в военно-учебные заведения и батальоны кантонистов военное командование опасалось, что евреи могут оказать негативное влияние на обучающихся. Отсутствие евреев в комиссариатских и провиантских ведомствах может быть связано с угрозой коррупции, а в гвардейском корпусе и генеральном штабе — страхом разглашения военной тайны. В указе от 10 февраля 1844 г. в целом сохранялись ограничения, связанные с запретом нахождение службы в пределах черты еврейской оседлости. Единственным пунктом, где данное ограничение отсутствовало, являлся пункт о службе в полиции [Полное собрание... 19: № 17600].

Особая ситуация сложилась с распределением евреев на службу в военно-морской флот. Специфика морской службы предполагала наличие у новобранца не только навыков строевой армейской службы, но также и специальных знаний, необходимых для любого моряка. В связи с этим в российском военно-морском флоте в рассматриваемый период доминировал территориальный принцип комплектования, когда на службу брали уроженцев тех губерний, где рыбный промысел и морская торговля играли важную экономическую роль (например, Астраханская, Эстляндская, Олонецкая губернии). Очевидно, что уроженцам прочих губерний империи нести службу во флоте было гораздо тяжелее. Несмотря на это, во время первых еврейских рекрутских наборов (1827—1835 гг.) представителей диаспоры массово направляли на службу во флот [Подлесных: 21]. Очевидно, что прибытие столь массового пополнения из нескольких тысяч евреев не оставляло военно-морскому командованию иного выбора, как назначать этих новобранцев на все должности рядового состава. Со временем, осознав несостоятельность подобного шага, военное руководство изменило свою политику, и в 1835—1844 гг. евреев направляли только в военное ведомство. Однако уже с 1844 г.

каждый год не менее 100 евреев после каждого рекрутского набора направлялись на службу во флот.

Согласно указу от 19 февраля 1844 г., назначаемые в военно-морской флот евреи определялись на службу в ластовые и рабочие экипажи [Полное собрание... 19: № 17600]. Ластовые экипажи имели в своем ведении мелкие портовые суда и плавучие средства, выполнявшие перевозки в портах и доставлявшие грузы на корабли [Энциклопедический словарь... 27: 368]. В свою очередь рабочие экипажи занимались хозяйственными работами под командованием командира порта. Этот указ был дополнен 16 июня 1845 г., когда было принято решение направлять евреев также в мастерские при флотских экипажах и артиллерийских бригадах, на вакансии нестроевых и мастерских нижних чинов арсенальных рот корпуса морской артиллерии, а также в типографию Морского министерства [Полный хронологический...: 601]. При этом руководство флота повторяло политику военного ведомства о не назначении евреев на службу в гвардейский экипаж, служительские команды военно-учебных заведений, департаментов морского министерства и Главного адмиралтейства. Конец мучениям представителей диаспоры был положен 10 мая 1856 г., когда вышел сенатский указ о переводе всех евреев из морского ведомства в военное, а также о не назначении впредь евреев на службу во флот [Полное собрание... 31: № 30484].

Указ от 10 февраля 1844 г. был достаточно проработан и на протяжении более 10 лет являлся основным документом, определявшим места службы евреев в российской армии. Тем не менее, после воцарения на престоле императора Александра II подходы властей в еврейском вопросе стали постепенно смягчаться. Кроме того, возникла необходимость в систематизации военного законодательства, касаемого распределения евреев в подразделения российской армии. Начало третьего этапа (1857—1874 гг.) связано с утверждением императором Александром II нового «Расписания войск и команд, в которые рекрут и нижних чинов из евреев предполагается назначать и не назначать». Главным изменением, содержащемся в данном документе, являлась отмена ограничения службы в пределах черты еврейской оседлости для военнослужащих, назначаемых на службу в строевые и нестроевые части действующих и резервных войск. При этом для прочих армейских подразделений (военно-рабочие роты, внутренние гарнизонные батальоны и т. д.) данное ограничение сохранялось [Полное собрание... 32: № 31727, Прил.].

В документе подтверждались все предыдущие ограничения при направлении евреев на военную службу и вводился ряд новых. Так, запрещалось направлять евреев на службу в артиллерийские арсеналы, военно-рабочие роты ведомства путей сообщения, подвижные инвалидные роты горного ведомства и крепостей Санкт-Петербургской и Шлиссельбургской, пограничную стражу, полицейские команды, а также в писари. Кроме того, так как евреи не имели права производства в унтер-офицеры, их не направляли в учебную артиллерийскую бригаду, учебный саперный батальон и учебный стрелковый полк [Полное собрание... 32: № 31727, Прил.]. Примечательно, что в расписании от 12 апреля 1857 г. вводилось лишь одно послабление для евреев, принявших православие: они получали право службы в строевых подразделениях жандармских дивизионов и команд.

Вступление в силу расписания от 12 апреля 1857 г. знаменовало собой начало нового этапа в вопросе распределения еврейских солдат: теперь российское правительство расширяло список ограничений, связанных

со службой в резервных, специализированных (карантинная, пограничная стража) и вспомогательных подразделениях, при этом стремясь увеличить присутствие евреев в строевых частях. Эта тенденция продолжилась и далее в течение рассматриваемого периода. 15 марта 1860 г. вышел именной императорский указ, разрешавший евреям службу в гвардейских частях на общих основаниях [Полное собрание... 35: № 35562]. 8 ноября 1864 г. был издан указ о не назначении на службу в резервные батальоны евреев, за исключением барабанщиков, горнистов и нестроевых [Полное собрание... 39: № 41425]. Наконец, 23 марта 1868 г. приказом военного министра запрещалось комплектовать евреями 2-ю рабочую бригаду, которая занималась строительством железных дорог [Полное собрание... 43: № 45642].

К сожалению, достоверные данные об участии евреев в войнах Российской империи в рассматриваемый период в историографии отсутствуют. Имеются сведения о массовом участии евреев в Крымской войне (1853—1856 гг.) в частности в обороне Севастополя. Кроме того, евреи, попавшие в армию по приговору суда за совершение преступлений и бродяжничество, направлялись на службу в армейские части, расположенные на Кавказе, в Сибири и Финляндии. Соответственно, они принимали участие в Кавказских войнах (1817—1864 гг.) [Полное собрание... 28: № 27530]. В связи с этим сложно судить о том, насколько вышеописанные мероприятия российского командования влияли на боеспособность вооруженных сил.

Таким образом, в политике российского правительства в вопросе распределения еврейских солдат в подразделения армии и флота можно выделить несколько характерных черт. Во-первых, это недоверие к еврейскому контингенту. Военное командование крайне настороженно относилось к назначению представителей диаспоры в элитные подразделения, связанные с охраной царской семьи и основ государственного строя, а также в части, занимавшиеся распределением и охраной материальных ценностей. «Еврей-коррупционер», «еврей-уклонист» и «еврей-революционер» — скорее всего именно эти стереотипы устойчиво сидели в головах высшего военного руководства.

Во-вторых, дискриминация при распределении евреев имела в первую очередь этнический, а не религиозный подтекст, так как принятие православия в большинстве случаев не влияло на направление еврея военнослужащего на службу в подразделения армии Российской империи.

В-третьих, исходя из распоряжений военного командования, можно сделать вывод, что евреи направлялись в первую очередь в нестроевые подразделения армии и флота. Это было связано с наличием у значительной части представителей диаспоры ремесленных специальностей.

В-четвертых, при распределении евреев на службу в подразделения российской армии учитывались не только функции военного соединения, куда направлялись новобранцы, но и место его дислокации. Военное руководство стремилось устроить военную службу евреев за пределами черты оседлости с целью устранения возможных контактов новобранцев с диаспорой.

В связи с вышеотмеченным можно сделать вывод о том, что при распределении на службу евреев военное командование руководствовалось в первую очередь политическими мотивами, а не реальными потребностями армии и флота. С одной стороны, рекрутские еврейские наборы способствовали количественному росту российских вооруженных сил. С другой стороны, дискриминационная политика в отношении этой категории новобранцев вряд ли способствовала росту боевого духа военнослужащих евреев.

Список источников

- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).
 Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649—1873 г.: извлечение из Полных собраний законов Российской империи / сост. В.О. Леванда. СПб.: Тип. В.О. Леванда, 1874. 1158 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. Вел. канцелярии, 1830—1884.

Список литературы / References

- Веременко В.А. «Казенная прислуга» (денщики) в семьях российских офицеров во второй половине XIX — начале XX ст. // История повседневности. 2020. № 1. С. 7—22.
- (Veremenko V.A. “Government servants” (batmen) in the families of Russian officers in the second half of the 19th — early 20th centuries, *History of everyday life*, 2020, no. 1. pp. 7—22. — In Russ.)
- Война и евреи. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. 288 с.
 (War and Jews. St. Petersburg, 1912, 288 p. — In Russ.)
- Зимин И.В. Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта: в 2 т. М.: Кучково поле, 2014. URL: <https://info.wikireading.ru/49299> (дата обращения: 20.10.2022).
- (Zimin I.V. Court of Russian Emperors. Encyclopedia of Life and Life: in 2 books, Moscow, 2014. — In Russ.)
- Кременская И.К. Рукописная публицистика и А.И. Герцен // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rukopisnaya-publitsistika-i-a-i-gertsen> (дата обращения: 10.10.2022).
- (Kremenskaia I.K. Handwritten journalism and A.I. Herzen, *Mediascope*, 2012, no. 4. — In Russ.)
- Немченко С.Б., Смирнова А.А. Пожарный служащий Российской Империи на рубеже XVIII—XIX веков: определение, состав, правовое положение // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 4. С. 81—85.
- (Nemchenko S.B. Smirnova A.A. Fireman of the Russian Empire at the turn of the 18th—19th centuries: definition, composition, legal status, *Saint-Petersburg university of State fire Service of EMERCOM of Russia*, 2013, no. 4. pp. 81—85. — In Russ.)
- Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии 1827—1914 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
- (Petrovskii-Shtern J. Jews in the Russian Army 1827—1914, Moscow, 2003, 556 p. — In Russ.)
- Подлесных А.Р. Матросский состав российского Императорского флота в XVIII — второй половине XIX вв. // Берегиня-777-Сова. 2011. № 2. С. 15—22.
- (Podlesnykh A.R. Sailors of the Russian Imperial Navy in the 18th — second half of the 19th centuries, *Bereginya-777-Sova*, 2011, no. 2. pp. 15—22. — In Russ.)
- Сичинский Е.П. Субъективные последствия организационно-правовых основ комплектования полицейских команд дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 49—54.

(Sichinskii E.P. Subjective Consequences of the Organizational and Legal Basis for Manning Police Teams in Pre-Revolutionary Russia, *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2006, no 2. pp. 49—54. — In Russ.)

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1890—1907.

(Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 41 vol., St. Petersburg, 1890—1907. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 31.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 20.12.2022

Информация об авторе / Information about the author

Некрашевич Филипп Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, filippnekrasevic@gmail.com

Nekrashevich Pilipp Anatolievich — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Ideological Work, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, filippnekrasevic@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 107—116.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 107—116.

Научная статья

УДК 94(100)"1939/1945"

DOI: 10.46726/И.2023.1.11

ПРОБЛЕМА «ВТОРОГО ФРОНТА» В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.)

Сергей Александрович Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал),
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на решение проблемы «второго фронта» как ключевого вопроса коалиционной стратегии ведения войны в ноябре 1942 — декабре 1943 г., т. е. от начала контрнаступления советских войск под Сталинградом до Тегеранской конференции «большой тройки». Особое внимание уделяется анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР. На основе проанализированного материала отмечается, что решения Ф. Рузвельта и У. Черчилля имели важное, часто определяющее значение в эволюции коалиционной стратегии, в том числе во взаимоотношениях с советским союзником. Военно-стратегические идеи и решения британского лидера часто отставали от динамики мировой борьбы, определялись имперскими интересами Лондона и ограниченностью военного потенциала Британской империи. В то же время военно-стратегическое мышление президента было, как правило, адекватно общей логике мировой борьбы и реальной роли каждого из основных театров военных действий в общем ходе войны в контексте американских геостратегических интересов. Позиция Ф. Рузвельта оказала решающее влияние на эволюцию и окончательное решение проблемы «второго фронта», что являлось ключевым вопросом военной стратегии Запада в конце 1942—1943 гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, США, Черчилль, Рузвельт, «второй фронт»

Для цитирования: Потапов С.А. Проблема «второго фронта» в стратегическом мышлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 107—116.

Original article

THE PROBLEM OF THE SECOND FRONT IN THE STRATEGIC THINKING OF F. ROOSEVELT AND W. CHURCHILL (November 1942 — December 1943)

Sergey A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch), Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The article analyzes the influence F. Roosevelt and W. Churchill on solving the problem of the Second front as a key issue of the coalition strategy of warfare in November 1942 — December 1943. Particular attention is paid to the analysis of the role

© Потапов С.А., 2023

of Western leaders in the evolution of relations with the USSR. On the basis of the analyzed material, it is noted that the decisions of F. Roosevelt and W. Churchill were of importance, often decisive importance in the evolution of coalition strategy, including relations with the Soviet ally. The military-strategic ideas and decisions of the British leader often lagged behind the dynamics of the world struggle, determined by the imperial interests of London and the limited military potential of the British Empire. At the same time, the president's military-strategic thinking was, as a rule, adequate to the general logic of the world struggle and the real role of each of the main theaters of military operations in the general course of the war in the context of American geostrategic interests. The position of F. Roosevelt had a decisive influence on the evolution and final solution of the problem of the Second front.

Keywords: Second World War, Great Britain, USA, Churchill, Roosevelt, Second front

For citation: Potapov S.A. The problem of the Second front in the strategic thinking of F. Roosevelt and W. Churchill (November 1942—December 1943), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 107—116.

Проблема согласования коалиционной стратегии, в частности преодоление споров о приоритетности различных театров военных действий между странами «большой тройки», трудно и сложно решалась в ходе Второй мировой войны. Для советского руководства она заключалась прежде всего в подталкивании западных союзников к организации и проведению операции по форсированию Ла-Манша, поскольку по обоснованному мнению Москвы только вторжение англо-американских войск в Северо-Западную Европу отвлечет значительные силы немцев с востока и станет настоящим «вторым фронтом». Руководство США и Великобритании, рассматривая стратегические проблемы с точки зрения собственных национальных интересов и решая непростую задачу согласовывания военных действий сразу на нескольких театрах мировой войны, имело другое видение направления, масштабов и сроков операций. Нельзя также забывать, что и между Вашингтоном и Лондоном были серьезные противоречия по различным принципиальным вопросам. В то же время необходимость достижения победы над общим противником заставляла вырабатывать коалиционную стратегию; при этом сумма компромиссных решений зависела от военного, политического и экономического потенциала союзников.

В своей статье мы попытаемся проанализировать влияние президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на решение проблемы «второго фронта» как ключевого вопроса выработки коалиционной стратегии в ноябре 1942 — декабре 1943 г., т. е. в период «коренного перелома» Великой Отечественной и Второй мировой войны. Исходя из тематики работы особое внимание будет уделено анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР. У. Черчилль и Ф. Рузвельт во время войны стали подлинными военно-политическими лидерами своих стран. В обеспечении реализации политических замыслов при стратегическом планировании боевых действий заключалась главная задача премьер-министра и президента как военных руководителей. Без учета влияния их стратегического мышления невозможно разобраться в развитии отношений внутри «большой тройки», в том числе при решении проблемы «второго фронта».

Данная проблема стала приоритетом в отношениях Запада и СССР еще в 1942 г., во многом определяя всю англо-американскую стратегию на европейских театрах военных действий. После переломных событий ноября 1942 г. и начала глобального стратегического наступления стран антигитлеровской коалиции она оказывала еще более существенное влияние на коалиционное планирование США и Великобритании.

После получения информации об операции «Торч» И.В. Сталин хотя и проявил интерес к этому плану высадки в Марокко и Алжире, но не изменил своего мнения: подлинный «второй фронт» возможен только в Северо-Западной Европе, и он ждет его открытия в 1943 г. Позиция советского лидера была понятна и однозначна: без выполнения обещания открыть «второй фронт» в следующем году союзникам не стоит ожидать плодотворного диалога с Москвой по ключевым настоящим и будущим проблемам межсоюзнических отношений. Не чувствуя себя пока готовым к серьезному диалогу, он твердо отклонил предложения о первой встрече «большой тройки», обоснованно считая, что время только усиливает позиции СССР в результате масштабных побед советских войск [Печатнов, Магадеев: 302—302, 308—309].

Черчилль, видимо искренне, в конце 1942 г. восхищался «победами русских» и призывал признать новый фактор огромного значения — «Германия не сумеет перебросить с Востока в 1943 г. сколько-нибудь значительные силы, поэтому считаю необходимым изыскать пути и средства для вторжения на континент» [Churchill: 656—658, 662]. Но это отнюдь не означало отказа Черчилля от прежних идей; он по-прежнему не собирался отказываться от ударов в «мягкое подбрюшье» Европы. Речь в его планах, как всегда масштабных и трудно воспринимаемых даже ближайшими советниками, шла скорее о необходимости ускорения переброски англо-американских войск на Британские острова для создания потенциала десанта по форсированию Ла-Манша (операция «Раундап») в неопределенной перспективе. Вполне можно предположить, что эти идеи премьер-министра имели характер дипломатического прикрытия его истинных намерений. Они предназначались для партнеров по межсоюзническому диалогу в Москве и особенно в Вашингтоне, где по-прежнему были сильны сторонники «тихоокеанской альтернативы» американской стратегии, которая, конечно, противоречила планам Лондона. Поэтому военным советникам вряд ли пришлось долго убеждать Черчилля в невозможности «Раундапа» в следующем году даже за счет операций на юге Европы [Черчилль: 587—588; Говард: 151—152].

Что касается Рузвельта, то он в конце 1942 г. еще не пришел к каким-то четким очертаниям американской стратегии в 1943 г. Согласившись «по возможности быстрее создавать растущую ударную силу» для запланированного или внезапного (в результате распада германского Восточного фронта) форсирования Ла-Манша, президент позволял своим военным советникам рассматривать различные варианты приоритетов военных усилий США на основных театрах военных действий, включая так пугавшую британцев «тихоокеанскую альтернативу» и так нравившийся им «средиземноморский вариант» развития успеха «Торча» в Италии и на Балканах [Churchill and Roosevelt: 38—42, 48—56, 66—67].

В решениях англо-американской конференции в Касабланке (январь 1943 г.), скорее по инерции и из-за определенной пассивности Рузвельта в этом вопросе, Северо-Западная Европа уступила приоритетность военных усилий западных союзников средиземноморскому и тихоокеанскому театрам военных действий; единственное исключение — стратегические бомбардировки Германии. Но все же, вопреки мнению своих военных штабов, по прямому указанию Рузвельта и Черчилля усилия по подготовке форсирования Ла-Манша в 1943 г. сохранялись в числе стратегических приоритетов, скорее уже по военно-политическим соображениям. Успехи советского наступления на конференции практически не обсуждались, но очевидно, что впечатляющие

масштабы советских побед были важнейшим фактором принятия решений, в частности о требовании безоговорочной капитуляции Германии. Рузвельт уже в начале 1943 г. понимал, что для послевоенного контроля Западной Европы американские войска должны рано или поздно осуществить масштабное вторжение на континент именно через Ла-Манш; только оно открывает путь к западным границам Германии [The Conferences at Washington and Casablanca...: 792—801, 808; Edmonds: 368].

Сталин — ожидаемо — был крайне раздражен очередной отсрочкой высадки во Франции, в послании Черчиллю от 15 марта «со всей настойчивостью» многозначительно предупреждая о своей тревоге относительно «неопределенности ваших заявлений» [Печатнов, Магадеев: 394]. Начинается самый, наверное, сложный за все военное время период межсоюзнических отношений; весной — в начале лета дело дошло, при явном указании сверху, до открытой дискуссии между Западом и Москвой по таким острым проблемам межсоюзнических отношений, как роль ленд-лиза, границы Польши и других стран Восточной Европы, о Катыни.

Для Вашингтона и Лондона в отношениях с Кремлем все более очевидно на первый план выходит желание ограничить послевоенные геополитические успехи СССР в мире и особенно в Европе: опасения лишиться «русского союзника» в результате его разгрома были уже не актуальны, и на первый план в западных элитах и обществе снова выходят давние мотивы неприятия чуждого и потенциально враждебного советского строя. Но западные лидеры, во многом согласные с этими оценками, в то же время вынуждены были всегда помнить о жизненной необходимости советско-германского фронта как фактора победы в войне, причем в войне «удобной» для западных демократий. Кроме того, жесткая конфронтация с Москвой шла вразрез с пониманием президентом (сторонником «оптимистичной» точки зрения на политику Сталина) насущной необходимости начать обсуждение вопросов послевоенного урегулирования на позициях не противостояния, а сотрудничества с СССР, которое он считал вполне достижимым на длительный период времени [Печатнов: 104—107]. Поэтому уже в апреле — мае 1943 г. для ослабления напряженности в отношениях Рузвельт направляет в Москву своих ближайших помощников Дж. Дэвиса и Д. Бирнса с предложением двухстороннего саммита [Ржешевский: 386]. Это предвещало недоброе для позиции Великобритании, политика которой становится все более проблемной для американских интересов.

Однако Рузвельт к этому времени не мог не понимать, что судьба «второго фронта» (в любом его варианте) в 1943 г. была уже предрешена. На проходившей в Вашингтоне 12—25 мая конференции «Трайидент» было достигнуто соглашение о подготовке к форсированию Ла-Манша только весной 1944 г. Причем даже это решение, по мнению американской делегации, не было неизбежным из-за неприкрытого скептицизма к этим планам британских военных накануне конференции и возможной их блокировки Лондоном. Но Черчилль, при всей своей приверженности к средиземноморским акцентам коалиционной стратегии, знал скептическое отношение к ним американского президента и понимал неизбежность принятия более слабым союзником мнения Вашингтона; это, конечно, не исключало его настойчивых попыток «подправить» принятые решения в будущем [Leahy: 158—162]. По воспоминаниям участников, именно на этой конференции Рузвельт впервые обращался с Черчиллем как с менее равным союзником; поле компромиссных решений все явственнее складывалось на основе позиции Вашингтона [Byrant:

619—620]. Поскольку президент однозначно заявил о необходимости подготовки уже безальтернативной операции по форсированию Ла-Манша в 1944 г., это заставило и британское, и американское военное руководство занять максимально осторожную позицию по вопросу о дальнейших операциях на юге Европы [Leahy: 157—158].

Но даже это решение не могло устроить Сталина, для которого столь длительное откладывание «второго фронта» неизбежно означало огромные дополнительные потери людей и материальных ресурсов на фронте. После получения информации (4 июня) о решении форсировать Ла-Манш только в мае 1944 г. Москва временно отзывает послов из Вашингтона и Лондона; Сталин пригрозил «тяжелыми последствиями» принятого решения для хода войны [Печатнов, Магадеев: 474—479]. Однако реальная динамика мировой борьбы вряд ли давала советскому руководству широкий диапазон ответных действий, за исключением громких заявлений о своем крайнем недовольстве ситуацией.

Только к концу июля, когда стал понятен провал летней кампании немцев после победы советских войск на Курской дуге, складываются условия для нового этапа развития межсоюзнических отношений. Рузвельт, еще больше признавая исключительную важность советского союзника для реализации его видения американской глобальной стратегии в военный и особенно послевоенный период, с удвоенной энергией принялся убеждать советского руководителя в необходимости встречи для преодоления разногласий. Сталин, осознавая изменившийся потенциал советской дипломатии, в ответ наконец-то посчитал возможной встречу «большой тройки» после завершения летне-осенней кампании на советско-германском фронте [The Conferences at Washington and Casablanca...: 445—454].

В таких условиях Рузвельт должен был все более настороженно относиться к британским предложениям о продолжении активных операций в Средиземноморье. Сам премьер-министр в неофициальных беседах, например, с военным министром США Г. Стимсоном, неоднократно и весьма откровенно говорил о своем неприятии идеи вторжения во Францию. В Вашингтоне, следуя уже всем известному мнению президента, эта «твердолобость» Черчилля вызывала все большее раздражение, поскольку стратегия премьер-министра «была бы для нас в конце войны весьма опасной» и дала бы возможность Сталину «сдирать шкуру с оленя, которому союзники только смогут вцепиться в ногу» [Stimson, Bundy: 432—434, 527]. Поэтому появившееся и в американском руководстве стремление максимально использовать крах режима Муссолини, произошедший в конце июля 1943 г., сменяется серьезной тревогой перед новым всплеском средиземноморских планов Черчилля, который попытался воспользоваться этой возможностью и еще раз реанимировать идею приоритетности наступления через Италию и Балканы. Это было расценено как односторонний разрыв Лондона с выработанной коалиционной стратегией.

К началу конференции «Квадрант» (Квебек, август 1943 г.) для президента и его команды советников проведение операции «Раундап» в 1944 г. было однозначным приоритетом коалиционной стратегии. Рузвельт не собирался (из-за совсем неочевидных и, вполне возможно, временных изменений ситуации) менять уже согласованную приоритетность трансламаншской операции, перенацеливать главный вектор военных усилий американских войск на юг с риском завязнуть «на периферии» Европы и, что самое главное, гарантировать новую и еще более непредсказуемую вспышку недовольства

Москвы. Как считал президент, советские интересы в Восточной Европе ограничиваются желанием дружественных отношений «с другими славянскими народами» и не угрожают послевоенным американским интересам [The Conferences at Washington and Quebec...: 468—480, 498—503; Greenfield: 74—75]. Изменившийся не в пользу Лондона баланс сил позволил Рузвельту довольно быстро (заметно быстрее, чем на предыдущей англо-американской конференции) обеспечить как минимум формальное согласие премьер-министра с его видением стратегической ситуации.

В итоговых компромиссных решениях было зафиксировано согласие Вашингтона продолжать военные действия на Апеннинах в обмен на отказ англичан от операций на Балканах и подтверждение ими абсолютной приоритетности концентрации сил для форсирования Ла-Манша в 1944 г. перед любыми операциями в Средиземноморье. Кроме того, по настоянию Рузвельта, на случай обвала восточного фронта была предусмотрена операция «Рэнкин» — быстрая высадка в Северной Франции уже в 1943 г.; такой вариант развития ситуации на советско-германском фронте уже длительный период времени не давал покоя президенту, поскольку разрушал всю логику его европейской стратегии. Даже обычно рационально мыслящему президенту очень хотелось увидеть американских солдат в Берлине до прихода туда русских с востока [Greenfield: 122—125].

Между тем в отношениях СССР и Запада стал наблюдаться серьезный прогресс. 24 августа из Москвы прислали официальное согласие на встречу «большой тройки». В Москве на конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. были достигнуты серьезные договоренности в политической и военной сфере межсоюзнических отношений; в частности, Сталин впервые заявил о планах СССР начать войну с Японией после разгрома Германии, понимая чувствительность американцев в этом вопросе. Но продолжалось и дипломатическое давление со стороны советского лидера; много шума сделала его весьма тревожная (с учетом прежней позиции Кремля) для Рузвельта фраза: «Мы не будем требовать того, чего союзники не в состоянии сделать» [Eden: 483—484].

В итоге, понимая все большую важность согласования операций на советско-германском и потенциальном западноевропейском фронтах и осознавая такое же стремление Москвы к развитию межсоюзнического взаимодействия в военной сфере, президент целенаправленно выбрал курс на максимально возможный уровень сотрудничества со Сталиным, заставляя Черчилля идти в фарватере принятого решения о приоритетности трансламаншской стратегии. В то же время и в Вашингтоне, и в Москве стали воспринимать «периферийную стратегию» премьер-министра как неприятную, но преодолимую угрозу в реализации этого решения. Черчилль в свою очередь всеми силами старался не замечать изменившийся коалиционный баланс и еще более настойчиво стал поднимать вопрос о политических амбициях Москвы не только в Восточной, но и в Центральной Европе. Для Рузвельта не были секретом эти мысли премьер-министра: «Он хотел не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и, возможно, в Венгрию; это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные» [Рузвельт: 186—187; Шервуд: 473].

Несмотря на мнение британского союзника, во время подготовки к тегеранской встрече «большой тройки» в Вашингтоне, страны пришли к единому мнению о том, что предотвратить вступление советских войск в Восточную Европу уже невозможно и нужно исходить из этих геополитических реалий, но постараться минимизировать негативные последствия создания

сферы влияния Москвы в этом регионе. При этом по-прежнему в Вашингтоне надеялись встретить советского союзника как можно дальше на востоке континента, что делало трансламаншскую операцию все более приоритетной в американской стратегии: «Берлин должны взять США, тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него» [The Conferences at Cairo and Teheran...: 254; Печатнов: 121]. Поэтому в Вашингтоне считали, что «балканский вариант» стратегии Черчилля в качестве альтернативы «Оверлорду» (новое кодовое название операции по форсированию Ла-Манша) не только раздражает Москву, но и противоречит приоритетам американской стратегии, поэтому «послевоенное переустройство Балкан не является вытекающей из природы вещей целью США» [Stoler: 172].

Когда 28 ноября в Тегеране началась встреча «большой тройки», президент для прощупывания почвы изложил обе стратегические альтернативы, кроме трансламаншской операции озвучив планы по развитию операций на Аппенинах, в Эгейском море для помощи Турции, даже наступления со стороны Адриатики к Дунаю [Шервуд: 443]. Вероятнее всего, это была дипломатическая игра для прощупывания взглядов Сталина, желание вызвать на откровенность Черчилля и стремление показать гибкость американских решений, на самом деле уже отсутствующей в реальных планах Вашингтона. Но мнение советского лидера, однозначно выступившего за абсолютный приоритет «Оверлорда» и оценившего операцию в Средиземноморье как нужные, но вспомогательные, сразу поставило все на свои места. Это сразу же выбило из-под ног почву у Черчилля, который в начале конференции мобилизовал все свое ораторское умение для защиты «средиземноморской стратегии» и полностью прояснило ситуацию для Рузвельта. Премьер-министр в очередной раз продемонстрировал свое стремление всеми возможными способами отстаивать позиции слабеющей Британской империи, пытаясь продолжать традиционную политику балансирования между новыми центрами силы и использования их слабостей и противоречий. Но его возможности оказались весьма ограничены.

Хотя дискуссия о «втором фронте» приобрела местами острый характер, конечный результат был предрешен. Четкая позиция Сталина заставила президента наконец прямо высказаться в пользу приоритетности «Оверлорда». На основе во многом антибританского согласия двух лидеров были быстро достигнуты итоговые соглашения. В них операция «Оверлорд», запланированная на май 1944 г., должна была сопровождаться вспомогательной операцией «Энвил» (высадка в Южной Франции), что еще больше сокращало союзные силы в Италии и возможность других операций в Средиземноморье.

Достигнутое совпадение стратегических взглядов Рузвельта и Сталина привело к серьезным проблемам в отношениях президента и премьер-министра. Рузвельт покинул Тегеран, будучи удовлетворенным результатами конференции и уверенным в том, что со Сталиным можно договариваться; Черчилль же с болью осознал резкое падение британского влияния на принятие ключевых решений коалиционной стратегии [Leahy: 202—203; Мэтлофф: 428].

Сразу после Тегерана была организована очередная англо-американская конференция «Секстант» в Каире, во многом ради хотя бы частичного преодоления разногласий. Принятие Черчиллем неизбежности трансламаншской операции и готовность Рузвельта на определенные непринципиальные уступки смягчили разногласия между ними. Был разрешен спор о структуре командования в Западной Европе (американское руководство) и в Средиземноморье (британское руководство). Президент, явно все более разочаровывавшийся в возможностях

Китай быть четвертой «великой державой», перестал поддерживать амбиции Чан Кай-ши в Бирме и в целом, к большому облегчению Лондона, стал проявлять скептицизм к военно-политическим амбициям гоминьдановского режима. Явное влияние на корректировку тихоокеанских приоритетов Рузвельта имело уже официальное обязательство СССР начать войну против Японии, сделавшее американские стратегические расчеты на этом театре военных действий гораздо более оптимистичными. При этом сам второстепенный характер каирских соглашений доказывал невозможность принятия глобальных решений без участия советского союзника.

В результате принятых в Тегеране и Каире решений была поставлена точка в межсоюзнических спорах о «втором фронте», продолжавшихся с разной степенью интенсивности с лета 1941 г. Средиземноморская стратегия, любимое детище Черчилля, окончательно уступила место трансламаншской стратегии. Сталин, обосновывая свою позицию впечатляющими победами Красной Армии, имел все основания напомнить союзникам очевидное: немцев и всю Европу не отгораживает от наступления советских войск «ни Ла-Манш, ни море» [Бережков: 273]. Рузвельт и без этого напоминания осознавал изменившиеся геополитические реалии и с готовностью пошел навстречу советской делегации, поскольку позиция Москвы вписывалась в его видение оптимальной глобальной стратегии Америки — в отличие от средиземноморских симпатий Черчилля.

Рузвельт в Тегеране не только всячески демонстрировал личную симпатию к Сталину, но и за спиной Черчилля обсуждал с советским вождем будущее британских колониальных владений [Бережков: 302]. Британский лидер все прекрасно понимал, с грустным юмором вспоминая после Тегерана, что «впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация... между двумя гигантами («русским медведем» и «американским бизоном») сидел маленький английский ослик» [Медведев: 346]. Две нарождавшиеся сверхдержавы, нашедшие компромиссный баланс своих интересов, навязали стратегию третьему, только теоретически равному партнеру.

Решения Рузвельта, принятые в 1943 г., о приоритетности различных театров военных действий имели определяющее значение для выработки коалиционной стратегии ведения войны и послевоенного мироустройства. Резкое усиление военного и политического потенциала США позволяло президенту все в меньшей степени учитывать мнение Лондона и выстраивать максимально гибкую политику в отношении советского союзника, адекватно реагируя на изменение конфигурации мировой борьбы.

В частности, сохранение до середины 1943 г. приоритетности для англо-американских сил операций на средиземноморском театре военных действий свидетельствует лишь о совпадении на этом этапе войны идей британской «периферийной стратегии» со взглядами Рузвельта и его советников на методы ведения глобальной войны. После того, как президент пришел к заключению о невозможности дальнейшего промедления с принятием решения о высадке во Франции в следующем году без угрозы для послевоенных позиций США, он достаточно быстро пришел к согласию со Сталиным о координации решающих ударов по Германии и отказался от развития операций в «мягком подбрюшье» Европы.

При этом выработанные британским руководством уже на начальном этапе войны принципы «периферийной стратегии», отразившие мнение Черчилля о наиболее адекватной существующим реалиям военно-политической программе

действий Лондона в условиях ограниченного потенциала слабеющей Британской империи, принципиально не пересматривались всю войну. Однако ход военных действий и изменение удельного веса Лондона в общих усилиях союзников заставляли Черчилля на протяжении 1942—1943 гг. все в большей степени принимать требования Москвы и особенно Вашингтона в выработке и реализации планов операций, противоречивших его истинным намерениям. В результате позиция британского лидера, все чаще отстающая от динамики глобального противостояния двух противоборствующих коалиций из-за связи с чисто имперскими интересами Лондона, не учитывалась или учитывалась все более ограниченно при принятии коалиционных стратегических решений.

Это повлияло и на характер отношений западных лидеров со Сталиным. И Рузвельт, и Черчилль после Сталинграда стали еще больше осознавать очевидную зависимость их стратегии от развития борьбы на советско-германском фронте. Но президенту, готовому на компромиссы и осознающего быстрорастущий стратегический потенциал возглавляемой им державы, было значительно легче находить компромиссные решения с советским союзником, который и сам стремился подчеркнуть на протяжении всей войны особые отношения с Вашингтоном. Премьер-министру на протяжении рассматриваемого периода было все сложнее найти общий язык и взаимопонимание со Сталиным. В полной мере это проявляется и в дискуссии по проблеме «второго фронта».

Список источников

- Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1984. 613 с.
- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 656 с.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.
- Рузвельт Э. Его глазами. М.: Издательство иностранной литературы, 1947. 255 с.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М.: Воениздат, 1991. 671 с.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 680 с.
- Churchill W. Second World War. V. 4. The Hinge of Fate. London, Boston, Toronto: Cassel, Houghton Mifflin, 1951. XVIII, 917 p.
- Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Ed. by W.F. Kimball. V. 2. Alliance Forget. Nov. 1942 — Febr. 1944. Princeton: Princeton univ. press, 1984. X, 773 p.
- Eden A. The Memoirs. The Reckoning. London: Cassell, 1965. 623 p.
- The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1968. LXX, 895 p.
- The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1970. XCV, 1382 p.
- The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Washington: Gov. print. off., 1961. LXXXVIII, 932 p.

Список литературы / References

- Говард М. Большая стратегия, август 1942 — сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980. 464 с. (Howard M. Big Strategy, August 1942 — September 1943, Moscow, 1980. 464 p. — In Russ.)
- Медведев Д.Л. Уинстон Черчилль. Последний титан. М.: Молодая гвардия, 2022. 489[7] с. (Medvedev D.L. Winston Churchill. The Last Titan, Moscow, 2022, 489[7] p. — In Russ.)

- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М.: Воениздат, 1964. 584 с.
(Matloff M. From Casablanca to Overlord, Moscow, 1964, 584 p. — In Russ.)
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: ГЕРРА — Книжный клуб, 2006. 752 с.
(Pechatnov V.O. Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s. Documentary essays, Moscow, 2006, 752 p. — In Russ.)
- Bryant A. Turn of the Tide. 1939—1943. Based on the Diaries and Autobiographical Notes of Field Marshall the Vicount Alanbrooke, London, 1957, 766 p.
- Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War, London: W. Norton and Co., 1991, 668 p.
- Greenfield K. American Strategy in World War: a Recocideration, Baltimore: John Hopkins Press, 1963, IX, 145 p.
- Leahy W. I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. Based on His Hotes and Diaries Made at the Time, New York: Megraw — Hill Book Co., 1950, 527 p.
- Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War, New York: Harper, 1947, XXII, 698 p.
- Stoler M. The Politics of the Second Front. American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943, Westport (Conn.), London: Greenwood press, 1977, XIII, 245 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 16.10.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 20.12.2022

Информация об авторе / Information about the author

Потапов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Potapov Sergey Aleksandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 117—128.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 117—128.

Научная статья

УДК 94(47).084.9

DOI: 10.46726/И.2023.1.12

МЕТАМОРФОЗЫ «ХОЛОДНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ»: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ 1950 — НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет,

г. Иваново, Россия

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются советско-американские культурные связи и влияние на них общегосударственных, институциональных и личностно-персональных факторов. Затрагивается роль Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, Гостелерадио СССР и других структур в административно-организационном и информационно-политическом обеспечении контактов с американской стороной. Детализируются механизмы реализации Соглашения «Лэйси — Зарубина» между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях 1958 г. На основе архивных материалов раскрываются особенности взаимного восприятия и результаты обогащения опытом в сфере кинематографии и медийных технологий в целом. Делаются выводы о том, что данный этап можно рассматривать как инсталляционно-диагностический в развитии советско-американских связей, трансформации образа «другого». С одной стороны, советской стороной демонстрировалось культурно-политическое «великодушие», что выражалось в частичной имагогической регуманизации США, допущении сотрудничества, популяризации значимости советско-американских отношений и многообразии коммуникативных оттенков. С другой, продолжалось возведение идеологических барьеров в виде архаического изоляционизма, идеализации и пропаганды советского образа жизни, декларирования непримиримости к «буржуазной культуре». Все это составило амбивалентность атмосферы «холодного потепления».

Ключевые слова: советско-американские связи, культурная политика, медиа-пространство, идеологический контроль, «холодная война», Соглашение «Лэйси — Зарубина»

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Для цитирования: Юдин К.А. Метаморфозы «холодного потепления»: советско-американские культурные связи в конце 1950 — начале 1960-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 117—128.

© Юдин К.А., 2023

Original article

METAMORPHOSES OF “COLD WARMING”: SOVIET-AMERICAN CULTURAL RELATIONS IN THE LATE 1950’s — EARLY 1960’s

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstracts. The article examines Soviet-American cultural ties and the influence of national, institutional and personal factors on them. The role of the State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries, the USSR State Radio and Television and other structures in the administrative-organizational and informational-political support of contacts with the American side is touched upon. The mechanisms for implementing the Agreement “Lacey — Zarubina” between the USSR and the USA on exchanges in the field of science, technology, education, culture and other fields of 1958 are detailed. On the basis of archival materials, the features of mutual perception and the results of enrichment with experience in the field of cinematography and media technologies in general are revealed. Conclusions are drawn that this stage can be considered as an installation and diagnostic stage in the development of Soviet-American relations, the transformation of the image of the other. On the one hand, the Soviet side demonstrated cultural and political “generosity”, which was expressed in the partial imagological rehumanization of the United States, the admission of cooperation, the popularization of the significance of Soviet-American relations and the variety of communicative shades. On the other hand, the erection of ideological barriers in the form of archaic isolationism, idealization and propaganda of the Soviet way of life, declaring intransigence towards “bourgeois culture” continued. All this constituted the ambivalence of the “cold warming” atmosphere.

Keywords: Soviet-American relations, cultural policy, media space, ideological control, Cold War, “Lacey — Zarubin” Agreement

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, «The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics».

For citation: Yudin K.A. Metamorphoses of “cold warming”: Soviet-American cultural relations in the late 1950’s — early 1960’s, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 117—128.

Введение: теоретическо-методологические ориентиры

Со второй половины XX столетия и до настоящего времени «холодная война» является историческим феноменом исключительной важности и значимости в качестве объекта изучения, интерес и повышенное внимание исследователей к которому вполне обоснованно продолжает нарастать.

Это обусловлено не только современной международной обстановкой, пребыванием России «в состоянии информационной борьбы против США» [Белов: 228], напоминающим реалии «старого» конфликта, но и непосредственно теоретико-методологической, историографической актуальностью. Научный задел, созданный учеными А.М. Филитовым [Филитов], П.В. Тетериним [Тетерин], В.М. Зубоком и В.О. Печатновым [Зубок, Печатнов] и др., осуществившими обобщение опыта обращения к «классическим»

сюжетам военной, дипломатической и глобальной геополитической истории, был закреплен в трудах отечественных и зарубежных авторов, освещавших различные аспекты культурной дипломатии [Советская культурная дипломатия...] — Н.В. Белошапки [Белошапка], Н.А. Трегубова [Трегубов], М.Р. Зезиной [Зезина], И.Н. Лопаткина [Лопаткин], Р. Магнусдоттира [Magnusdottir], Ф. Сондерс [Сондерс], С.Д. Рида [Рид] и многих других. В них наблюдалась консолидация традиционных подходов обращения к институциональным аспектам, технологиям инспирирования и итерирования процедурно-реактивной составляющей коммуникации [Краснощеков; Горлов] и призматических спектров исторической имагологии, культурной антропологии [Рябов; Юдин]. Опираясь на данные концептуальные и методологические ориентиры, в данной статье в качестве цели позиционируется продолжение и углубление ранее осуществленной авторской репрезентации картины советско-американских культурных связей, их политико-информационного обеспечения в установленный период.

«Мягкий холод», или «холодное потепление», на культурном фронте

Важнейшим рубежом, знаковым водоразделом в советско-американских отношениях стало подписанное 27 января 1958 г. Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях, известное как Соглашение «Лэйси — Зарубина». Вместе с другими контактами и событиями культурно-дипломатического характера, состоявшимися накануне и после этого — VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов (1957 г.), признанием американского пианиста Ван Клиберна победителем Международного конкурса им. П.И. Чайковского в 1958 г., американской выставкой в Москве, в Сокольниках (июль 1959 г.) и последующим визитом первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в США (сентябрь 1959 г.) — соглашение стало стартовым символом нового состояния, которой вполне обоснованно можно именовать «холодным потеплением».

Последнее предусматривало амбивалентность во взаимоотношениях между США и СССР, сосуществование политико-идеологической напряженности с фазами-стадиями дружественных сопряжений. Так, сделка по взаимному приобретению фильмов, состоявшаяся в октябре 1958 г., проводилась на высшем уровне по линии Министерства культуры и Ассоциации кинокомпаний (“Motion Picture Association”), контролировалась лично Н.С. Хрущевым, и, как отмечается в историографии, «ознаменовала начало короткого медового месяца между Москвой и Голливудом» [Kozovoi: 27]. Вскоре после этого сценарист Г. Мдивани опубликовал предельно позитивные впечатления о Голливуде и американцах, заметно контрастировавших с мрачной публицистикой периода позднего сталинизма. Мдивани отмечал, что «в Лос-Анджелесе много пейзажей, похожих на открытки», а «американцы — простой и счастливый народ, у которого много общего с нами», поэтому «нам еще многое предстоит узнать о Голливуде» [Мдивани]. Отсутствие традиционной антиамериканской риторики было призвано повысить ожидания советских (и американских) людей от визита Хрущева в США в сентябре 1959 года [Kozovoi: 27].

В то же время предшествующая подписанию Соглашения в 1958 г. обстановка и дальнейшая его реализация сопровождалась насыщенной политико-информационной работой, свидетельствовавшей о сложных дрейфах кон-

струирования образа «другого», взаимного восприятия с обеих сторон, складывавшегося под воздействием различных факторов. Прежде всего немалый международный резонанс с последующей зарубежной медиа-интерпретацией (См. кинофильм «Путешествие» / “The Journey”, США, 1959 г., реж. А. Литвак) вызвало венгерское восстание 1956 г. В СССР оно было воспринято как явный признак уязвимости и несовершенства агитационно-пропагандистского аппарата. Запущенный накануне этого (в сентябре) переговорный процесс Всесоюзной торговой палаты с фирмой «Интернейшнл Трейд Шоуз» по вопросу организации американской выставки в Москве, возможном участии в ней правительства США [Президиум ЦК КПСС...: 466—469], а также созданный ранее культурно-дипломатический задел с США не мог быть поставлен под угрозу срыва.

В конце 1956 — начале 1957 г. советско-руководство принимает решение об институциональном укреплении системы контроля. 4 марта 1957 г. создается Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами (далее — ГККС), председателем которого назначается Г.А. (или Ю.А. — Юрий) Жуков, ранее занимавший должность редактора газеты «Правда». С этого времени и вплоть до своего упразднения в 1967 г. Комитет становится ведущим информационным центром, на который возлагалась «разработка мероприятий по развитию межгосударственных соглашений по вопросам культурного и научного обмена и координация работы советских учреждений и организаций в области культурных связей за границей, а также контроль за выполнением возложенных на них заданий» [Президиум ЦК КПСС...: 579].

Необходимость создания нового ведомства объяснялась серьезными недостатками, отсутствием согласованности в работе других информационных площадок — ТАСС, Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Идея создания альтернативного «неправительственного» агентства — «Роспресс», высказанная членом КПСС И.В. Чумаком в январе 1958 г., несмотря на ведущуюся в течение года критику старых каналов коммуникации, поддержку не получила. Помимо указания на финансовую нерентабельность проекта, отказ мотивировался и политическими причинами. «Любое советское информационное агентство, — отмечалось в резолюции ЦК по этому вопросу, — даже если оно будет “неправительственным”, не может не затрагивать идеологических проблем, “ограничиваться” и “сдерживаться” в спорах с буржуазной прессой. В противном случае, оно сразу окажется на повзду у буржуазной идеологии, у буржуазной прессы» [РГАНИ: ф. 5, оп. 33, д. 71, л. 39]. Поэтому ГККС оперативно включается в обеспечение советско-американских отношений. Ему поручается сначала предварительная диагностика перспективности переговорного процесса, а затем, после подписания Соглашения, — координация работы по его реализации, составление календарного и финансового плана [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 38]. Так, 4 января 1958 г. председатель Комитета Г.А. Жуков беседовал с корреспондентом американского информационного агентства “United Press” Г. Шапиро, который передал сведения о том, что главным контрактером улучшения советско-американских отношений выступает фигура директора ЦРУ А. Даллеса, якобы нередко подменяющего президента США. Даллес, по мнению Шапиро, «решительно против каких бы то ни было переговоров с Советским Союзом», поэтому «даже в мелочах препятствует обмену между СССР и США» [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 3—4].

18 января 1958 г. Г.А. Жуков направил в ЦК КПСС обстоятельную докладную записку под названием «Итоги деятельности американской правительственной службы пропаганды (ЮСИА) в 1957 г.», что также стало частью государственного задания по обеспечению политико-идеологической и информационной безопасности, связанного с изучением методов работы зарубежного конкурирующего ведомства. В записке образ США как «организатора антидемократической, антисоветской пропаганды и контрпропаганды всего капиталистического мира» [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 8] продолжал воспроизводиться в тревожно-напряженных тонах. Констатировалось, что «одной из основных проблем, стоящих сейчас перед ЮСИА, является противодействие влиянию, которое оказал на умы людей во всех странах мира запуск Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли», что повлекло за собой назначение бывшего директора ЮСИА А. Ларсона на пост помощника президента США для «нейтрализации советской пропаганды» в этом направлении [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 18]. Особое внимание уделялось анализу зарубежных СМИ, модальность риторики которых также учитывалась при выстраивании культурно-политического курса. Так, например, в феврале 1958 г. Г.А. Жуков доложил о публикации «серии провокационных статей», опубликованных в американском новостном журнале «U.S. News & World Report», в которых в ходе тенденциозного истолкования выдержек из советских военных журналов («Военная мысль», «Вестник воздушного флота») утверждалось, что «современная советская военная стратегия основывается на нанесении внезапного удара против США». «Выступление журнала «U.S. News & World Report», — был убежден Г.А. Жуков, — грубо искажает внешнюю политику Советского государства. Оно рассчитано на запугивание американцев с тем, чтобы помешать налаживанию нормальных отношений между СССР и США» [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 28—29.].

Тем не менее все это не стало препятствием для наметившегося сближения, составившего феномен «мягкого холода» или «холодного потепления» на культурном фронте. Архивные документы свидетельствуют о взаимной заинтересованности в обогащении опытом и перспективах закрепления контактов, в том числе и личного характера. При этом постоянно подчеркивалось, что весь переговорный процесс должен вестись строго в соответствии с протоколом, не вступать в противоречие с нормативно-правовой регламентацией. Специальную контрольно-надзорную и экспертно-административную функции выполняла Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей. В 1958 — начале 1960-х гг. был налажен обмен делегациями, в состав которых входили специалисты разного уровня и статуса. В мае 1958 г. положительно был решен вопрос о приглашении в Москву для ведения переговоров представителей американских радиоконпаний и сформирован состав встречной советской делегации, в которую во главе с председателем Государственного комитета по радиовещанию и телевидению (далее — Гостелерадио СССР) Д.И. Чесноковым вошли: заместитель министра культуры СССР В.Н. Сурин, директор Центральной студии телевидения Г.А. Иванов, заместитель начальника Главного радиоуправления Министерства связи СССР А.В. Иванов, начальник Отдела международных связей Гостелерадио СССР В.В. Евгеньев [РГАНИ: ф. 5, оп. 33, д. 72, л. 71—75]. Была достигнута договоренность об обмене радио- и телевизионными передачами на период с июля 1958 г. до конца 1959 г.

Далее, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 13 сентября 1958 г., Министерство культуры СССР, ГККС, Гостелерадио внесли предложение

о трехнедельной командировке в США, рассчитанной на декабрь 1958 — январь 1959 г., делегации советских специалистов. За рубеж были направлены: первый заместитель министра связи СССР К.Я. Сергейчук, заместитель начальника Главного управления радиовещания ГККС П.А. Шишкин, директор Центральной студии телевидения Г.А. Иванов, главный инженер Московского телевизионного центра Министерства связи СССР А.М. Варбанский, радиоинженеры И.Я. Петров, Б.А. Ходаков, начальник опытного цеха экспериментального завода Гостелерадио СССР В.Г. Корольков, начальник аппаратно-студийного комплекса Всесоюзной студии грамзаписи Министерства культуры СССР А.И. Аршинов, а также директор киоленточной фабрики № 3 г. Шостка М.И. Мумжиев [РГАНИ: ф. 5, оп. 33, д. 72, л. 90—96].

Состав «команды» специалистов из разных ведомств и структур, процедура утверждения, проходившая по линии Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, свидетельствовали о серьезности, основательности подготовки, необходимой для получения необходимой научно-технической информации, а также положительного резонанса от визита. Последний достигался с помощью внутренней и внешней публичной институционализации, встречной реактивности на запросы из США. В августе 1958 г. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам разрешил ГККС и Гостелерадио оказать содействие директору американской радиотелевизионной компании Б. Адамс в проведении хроникальных съемок в СССР, а также передать в ее распоряжение 3 короткометражных документальных фильма по интересующей ее тематике — о советских музеях, школах, университетах [РГАНИ: ф. 5, оп. 33, д. 73, л. 95—96]. В постановлении ГККС от 3 ноября 1958 г. «О ходе выполнения Соглашения между СССР и США в области культуры, техники и образования» предписывалось «поручить Главному управлению радиовещания, Совинформбюро, редакциям журналов “СССР” и газеты “Москоу ньюз” вести систематическую пропаганду значения культурных контактов между СССР и США на основе правительственного соглашения, популяризировать наиболее значительные советские делегации и творческие коллективы, выезжающие в США...» [РГАНИ: ф. 5, оп. 30, д. 270, л. 130]. Предусматривалось составление планов, подкрепленных финансовыми и деловыми гарантиями от американских импресарио, о продлении соглашения на 1960—1961 гг.

В то же время процесс культурно-политического взаимодействия предполагал жесткий цензурный контроль на всех этапах и стадиях его реализации, осуществляемый Главным управлением по охране военных и государственных тайн в печати (Главлитом) при Совете Министров СССР. Симультативно от ГККС поступали сигналы о «недостойных методах американской пропаганды», фактах намеренного повреждения баланса на медиaproстранстве. Так, в июне — июле 1958 г. между СССР и США был произведен обмен пятью интервью по вопросам торговли, культуры, науки, высшего образования и здравоохранения, предусмотренных для показа по телевидению. Недовольство вызвал следующий инцидент. До выпуска в эфир интервью с А.И. Микояном в США была запущена трансляция беседы с американскими студентами — участниками этого диалога, в котором, как отмечал руководитель ГККС, «содержались клеветнические утверждения в отношении Советского Союза», была поставлена под сомнение «искренность ответов советских представителей». «Перед американскими телезрителями выступила группа развязных молодых людей, которые несли несусветную чушь

о “железном занавесе” и тому подобных вещах, взятых из арсенала поборников “холодной войны”» [РГАНИ: ф. 5, оп. 33, д. 73, л. 53]. В связи с этим посольство СССР в США посчитало необходимым указать представителю программы «Молодежь желает знать» на недопустимость подобных приемов.

В апреле 1959 г. в ЦК КПСС была одобрена инициатива, проявленная Министерством культуры СССР об организации командировки в США делегации советских киноспециалистов для участия в работе конференции Американского общества инженеров кино и телевидения, запланированной на 4—8 мая этого года. За рубеж были направлены заместитель директора Научно-исследовательского кинофотоинститута В.Г. Комар и заместитель начальника производственно-технического отдела Министерства культуры СССР В.Г. Рудаков. Кроме того, была продлена командировка известного специалиста в области кинотехники профессора Е.М. Голдовского, который также был включен в состав советских представителей на американской конференции в Майами-Бич [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 116, л. 43]. Участие советских представителей было согласовано с Государственным департаментом США, в ходе предварительной договоренности делался отдельный акцент на том, что «Министерство культуры заинтересовано в установлении непосредственного контакта с американскими специалистами» [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 116, л. 31]. Это было подкреплено и материально-прагматической мотивацией, связанной с необходимостью форсировать совершенствование кинотехнологий. В справке, направленной 15 апреля 1959 г. заведующему сектором кинематографии Отдела науки и культуры ЦК КПСС А.Н. Сазонову, отмечалось, что «для обеспечения скорейшего запуска в производство первого художественного широкоформатного фильма и ускорения разработки отечественных объективов целесообразно приобрести в США три полных комплекта объективов для съемки по системе ТОДД АО». На это было выделено 36 тыс. долларов [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 116, л. 34].

10 ноября 1959 г. в Москве в кинотеатре «Ударник» была проведена премьера кинофильма «Марти» / “Marty” (США, 1955 г., реж. Д. Манн), на которую приехали известные актеры Э. Дж. Робинсон, Г. Купер, продюсер Г. Хект, присутствовал посол США Л. Томпсон. Советскую сторону представляли Министр культуры Н.А. Михайлов, председатель Оргкомитета Союза кинематографистов И.А. Пырьев. Параллельно с этим в США была запланирована встречная премьера картины М.К. Калатозова «Летят журавли» (СССР, 1957), для достойного обеспечения которой и соблюдения политико-дипломатической репрезентативности был сформирован расширенный состав делегации, в состав которой помимо А.В. Баталова, Г.Н. Чухрая, Э.А. Быстрицкой вошли народный артист СССР Н.К. Черкасов как руководитель, а также В.В. Меркурьев, С.Ф. Бондарчук [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 117, л. 65—66]. Подобные контакты предполагали не только официальную, но и неформальную часть межличностного взаимодействия, что, безусловно, способствовало достижению консенсуса как по конкретным вопросам, касающимся судьбы отдельных фильмов, так при оценке общих перспектив. Так, 26 ноября 1959 г. Министерство культуры СССР внесло предложение дополнить число отобранных ранее для проката американских фильмов картиной режиссера «Все о Еве» / “All About Eve” (США, 1950 г., реж. Л. Манкевич), особо отметив, что кинопроизведение «отличается хорошей игрой актеров и имеет известный познавательный интерес» [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 117, л. 77].

Подобная терпимость и благожелательность находилась в состоянии хронопического сосуществования с культурно-дипломатическим резонансом,

которое вызвала знаменитая американская национальная выставка в Сокольниках в июле 1959 г. Она, как справедливо отмечается в историографии, была направлена не просто на «демонстрацию материальных достоинств капитализма» [Горлов], которые нужно было опровергнуть или «отвлечь» от их осознания [Зезина], но и рассчитана на последующий «имагогический переворот» — изменение представлений о культурно-цивилизационной состоятельности «своей» и «чужой» власти. Несмотря на то, что она проводилась уже после аналогичного мероприятия в США (Выставки достижений советской науки, культуры и техники в Нью-Йорке в июне 1959 г.), все это вызывало серьезную обеспокоенность партийно-государственных инстанций, разработавших целый алгоритм контрпропагандистских действий институционального характера. Самое активное участие в этом принимал ГККС, которому «удалось не допустить ряд запланированных американцами акций ещё до начала работы выставки» [Горлов: 98]. Это выразилось в пресечении предпринятых попыток презентации диссидентской литературы, а также нежелательных дискуссий с гостями выставки.

Важную роль как индикатора сложного климатического состояния — «холодного потепления» во взаимоотношениях СССР и США — сыграло письмо заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л.Ф. Ильичева. В нем излагалась общая организационно-пропагандистская стратегия советского руководства: «В материалах, посвященных экономике, культуре и науке США необходимо в корректной, *ненавязчивой форме, на основе американских и других авторитетных иностранных источников* (выделено мной. — К. Ю.), давать сопоставления того, что будет показано на выставке, с действительным состоянием отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства, науки, искусства, положением отдельных групп населения, жилищных условий и социального обеспечения различных категории населения США» (цит. по: [Краснощеков: 35]).

Анализ документа показывает, что изменения, вносимые в его текст, свидетельствовали о стремлении к выработке максимально-допустимой медийной нейтральности. Можно согласиться, что это «было связано с определенными международными договоренностями на высоком уровне и с соответствующей политической позицией советского руководства по освещению выставки в СМИ» [Краснощеков: 37]. При этом, по итогам знаменитых «кухонных дебатов», советская и американская стороны и их лидеры остались при своем мнении, зафиксированном в их мемуарах. Так, вице-президент США Р. Никсон вспоминал: «В лице Никиты Хрущёва — коммуниста самого отчаянного толка — я встретился с коммунизмом в действии, а не только в теории. Господин Хрущёв и его коллеги ведут битву за мировое господство с помощью оружия всех видов: военного, экономического, политического, пропагандистского» [Никсон: 149].

В свою очередь, Н.С. Хрущев был убежден, что «выставка не имела успеха, потому что отношение к ней организаторов оказалось несерьезным: она носила сугубо пропагандистский характер, т. к. содержала главным образом фотографии или экспонаты художников и скульпторов. Выставка носила сугубо агитационный характер и не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и партийных кадров...» [Хрущев: 45]. В то же время осенью 1959 г. было продолжено закрепление культурно-дипломатические контактов медийными средствами. С разрешения ЦК КПСС в ноябре 1959 г. ГККС положительно решил вопрос об обмене цветными документальными кинофильмами — уже снятым и переданным американским

правительством фильмом о посещении Н.С. Хрущевым США и в дальнейшем — результатов съемок уже имевшего место быть (в 1945 г.) и ожидаемого встречного визита президента США Д. Эйзенхауэра [РГАНИ: ф. 5, оп. 36, д. 117, л. 80]. Как известно, последний так и не состоялся по причине нового дуновения холода в отношениях в связи с инцидентом в мае 1960 г., когда был сбит американский разведывательный самолет U-2. Это стало и микродемаркационной линией советско-американских культурных связей, вновь вызвавшей негативную риторику [Агрессоров к позорному...] и в последующие годы омраченной Берлинским и Карибским / Кубинским кризисами.

Заключение

Хронологический отрезок конца 1950 — начала 1960-х гг. можно рассматривать как знаковый, инсталляционный в развитии советско-американских культурных связей, их политико-информационного, имагологического обеспечения. Продолжались традиции амбивалентности, двойственности в репрезентации образа «другого» / «чужого» и возможностей сближения с ним. «Холодное потепление» как политико-идеологический климат, порожденный десталинизацией, привел к встречному, диаметрально противоположному эффекту.

С одной стороны, как верно отмечается в историографии, произошли существенные положительные изменения в интерпретации, визуализации образа «другого». «Исчезли, — справедливо отмечал И.Н. Лопаткин, — сравнения между политикой США и нацистской Германии. Агрессивный характер американской внешней политики выводился из особенностей капитализма, нуждающегося в постоянных военных заказах» [Лопаткин: 199]. Недвусмысленно утверждалось то, что необходимо учитывать разницу между официальной позицией США и антисоветскими заявлениями отдельных политиков. Миротворческая миссия СССР и агрессивность американского империализма концептуализировались в более мягкой форме через политико-компаративную антитезу. Проводилась мысль о бескорыстном характере помощи странам-союзницам СССР, контрастирующая с прагматическими намерениями США по порабощению данных государств. Таким образом, эксплицировался актор-конструктор доказательства преимущества социалистической системы, готовности построить коммунизм в условиях постсталинской модернизации. Постулирование «лево-прогрессистской» уверенности происходило за счет культурно-политического «великодушия» к конкурирующей, капиталистической системе. Это выражалось в публикациях о «страданиях» США и американского народа и культуры, тщетно пытавшихся найти выход из кризиса, выражавшегося в тотальной безработице, ухудшении условий жизни, отсутствии политических, академических, интеллектуальных свобод. Все попытки выйти из кризиса, по мнению советской прессы, были «обречены на провал, поскольку они (США. — К. Ю.) с каждым днем сдают одну позицию за другой, в то время как лагерь социалистических стран неуклонно поднимается в гору» [Харламов].

С другой стороны, в советском медиапространстве продолжала доминировать установка на весьма тенденциозное изображение «кривой американского упадка» [Демидов], что выражалось в весьма жесткой критике искусства, культуры США даже в фазу «мягкого холода». Публиковались материалы о деградации американского искусства, идеализировалось положительное отношение

американцев к советскому искусству, поднимались мрачные темы цензуры за рубежом, военно-агрессивный характер западной пропаганды. Несмотря на амортизацию размежевания культур, в том числе с помощью т. н. «джазовой дипломатии» [Davenport], когда еще при И.В. Сталине в 1952 году афроамериканскому музыканту П. Робсону была присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами», а ранее была предоставлена возможность публикации в советском издании [Робсон], «генеральная линия партии» даже в период «оттепели» оставалась жесткой. В марте 1963 г. на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства Н.С. Хрущев заявил о продолжении «ленинской политики» — «политики непримиримости к абстракционизму, формализму и любым другим буржуазным извращениям» [Музыка вместо сумбура...: 588]. Все это стало атмосферой, подпитывавшей дальнейшей «холодное» противостояние, напряженность на культурно-идеологическом фронте.

Список источников

- Агрессоров к позорному столбу! Правда о провокационном вторжении американского самолета в воздушное пространство СССР. М.: Союз журналистов СССР, 1960. 194 с.
- Демидов К. Кривая американского упадка // Советская Россия. 1959. 18 авг.
- Мдивани Г. Путешествие в Голливуд // Советская культура. 1959. 12 февр.
- Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в стране Советов, 1917—1991. М.: МФД, 2013. 864 с.
- Никсон Р. На арене: воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 440 с.
- Президиум ЦК КПСС, 1954—1964: черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
- Робсон П. Песни моего народа // Советская музыка. 1949. 7 июня. С. 100—104. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
- Харламов А. Великий путь борьбы и побед // Блокнот агитатора. 1958. № 19. С. 21—22.
- Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть: (воспоминания). Кн. 2, ч. 4. М.: Московские новости, 1999. 846 с.

Список литературы / References

- Белов С.И. Антисемитизм в дореволюционной России в зеркале Голливуда как ресурс конструирования антиобраза США // Диалог со временем. 2022. Вып. 79. С. 228—235.
- (Belov S.I. Antisemitizm v dorevoljucionnoi Rossii v zerkale Gollivuda kak resurs konstruirovaniya antiobraza SShA, *Dialog so vremenem*, 2022, iss. 79, pp. 228—235. — In Russ.)
- Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. 317 с.
- (Beloshapka N.V. Gosudarstvo i kul'tura v SSSR: ot Khrushcheva do Gorbacheva, Izhevsk, 2012, 317 p. — In Russ.)
- Горлов В.Н. Американская национальная выставка в Сокольниках в 1959 г. как демонстрация достоинств капитализма // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 95—104.

- (Gorlov V.N. The American National Exhibition in Sokolniki in 1959 as a demonstration of the virtues of capitalism, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2021, iss. 2, pp. 95—104. — In Russ.)
- Зезина М.Р. «Отвлечь советских людей от американской выставки в Москве». Культурный обмен и соперничество СССР и США, 1959 г. // Исторический архив. 2013. № 5. С. 78—93.
- (Zezina M.R. “To distract the Soviet people from the American exhibition in Moscow.” Cultural exchange and rivalry between the USSR and the USA, 1959, *Istoricheskii arkhiv*, 2013, iss. 5, pp. 78—93. — In Russ.)
- Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4. С. 143—150.
- (Zubok V.M., Pechatnov V.O. Russian Historiography of the Cold War: some results of the Decade, *Otechestvennaya istoriya*, 2003, iss. 4, pp. 143—150. — In Russ.)
- Краснощечков Н.А. Письмо Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам о порядке освещения американской выставки в Москве (1959 г.) // Государственное управление. 2021. № 87. С. 31—38.
- (Krasnoshchekov N.A. Letter from the Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the CPSU for the Union Republics on the procedure for covering the American exhibition in Moscow (1959), *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2021, iss. 87, pp. 31—38. — In Russ.)
- Лопаткин И.Н. Образ США в советской прессе периода «оттепели»: сравнительный анализ материалов послевоенных СМИ, периодики 1956—1964 гг. и современной прессы // Американистика на Дальнем Востоке. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 194—201.
- (Lopatkin I.N. The image of the USA in the Soviet press of the “thaw” period: a comparative analysis of the materials of the post-war media, periodicals of 1956—1964 and the modern press, *American Studies in the Far East*, Blagoveshchensk, 2021, pp. 194—201. — In Russ.)
- Рид С.Э. Кто кого? Реакция советского народа на Американскую национальную выставку в Москве в 1959 г. // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 70—104.
- (Rid S.E. Who’s who? The reaction of the Soviet people to the American National Exhibition in Moscow in 1959, *The USSR and the USA in the XX century: the perception of the “other”*, comp. by B. Fizeler, R. Magnusdottir, Moscow, 2017, pp. 70—104. — In Russ.)
- Рябов О.В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4 (65). С. 44—57.
- (Ryabov O.V. “Mr. John Lancaster Peck”: American Masculinity in Soviet Cold War Cinema (1946—1963), *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2012, iss. 4 (65), pp. 44—57. — In Russ.)
- Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945—1989: коллективная монография / науч. ред. авт. коллектива О.С. Нагорная. М.: ПЭН, 2018. 445 с.
- (Soviet cultural diplomacy in the Cold War. 1945—1989: a collective monograph, ed. by O.S. Nagornaya, Moscow, 2018, 445 p.)
- Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны: пер. с англ. М.: Кучково поле, 2014. 414 с.
- (Sonders F.S. The CIA and the Art World: The Cultural Front of the Cold War, translated from English by E. Loginov, A. Verchenkov, Moscow, 2014, 414 p. — In Russ.)

- Тетерин П.В. Роль США в развязывании «холодной войны»: (историографический обзор отечественной литературы). М.: Спутник+, 2012. 241 с.
(Teterin P.V. The role of the United States in unleashing the Cold War: (Historiographical review of Russian literature), Moscow, 2012, 241 p. — In Russ.)
- Трегубов Н.А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957—1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. № 4 (11). С. 61—67.
(Tregubov N.A. The State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries as an organ of Soviet Cultural Diplomacy (1957—1967), *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 2016, iss. 4 (11), pp. 61—67. — In Russ.)
- Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991. 200 с.
(Filitov A.M. The Cold War: Historiographical Discussions in the West, Moscow, 1991, 200 p. — In Russ.)
- Юдин К.А. «Вот до чего довела Вас дружба с американцами!». Особенности советской культурной политики в середине 1950—1970-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 1. С. 30—46.
(Yudin K.A. “That's what friendship with Americans has brought you to!”. Features of Soviet cultural policy in the mid—1950s—1970s, *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2021, iss. 1, pp. 30—46. — In Russ.)
- Davenport L.E. Jazz Diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Jackson: University Press of Mississippi, 2009, 208 p.
- Kozovoi A. A foot in the door: the Lacy—Zarubin agreement and Soviet-American film diplomacy during the Khrushchev era, 1953—1963, *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 21—39.
- Magnusdottir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945—1959, N.Y.: Oxford University Press, 2019, 242 p.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Гуманитарный институт, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Yudin Kirill Alexandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Cultural Studies, Institute of Humanities, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation; Grant executor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 129—138.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 129—138.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2023.1.13

ДВА УРОВНЯ И СПОСОБА ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ В ФОРМАТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Татарстан, Россия, emily_tajsin@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания сознания, аспекты которого многообразны, как и способы выражения его основной функции — познания. Автор раскрывает содержание, во-первых, основной и, во-вторых, высшей позиции, которые доступны человеческому сознанию / познанию. Зафиксировано, что тезаурус вокабуляриев будет неполным без анализа начальной точки, или платформы, с которой стартует познание, и пика, или вершины, которой стремится достичь человеческий дух. Показано, что путь познания не может быть описан без нативной, врожденной веры в познаваемость окружающей действительности, в основе которой лежит постулат единства бытия и познания. Предложена философская парадигма экзистенциального материализма, принципиально отличающаяся от механистической, объективистской концепции. Предъявлена сущность релевантной картины бытия и познания, в которой человек присутствует не как внешний наблюдатель и не как рефлексор, но первоначально, в «надире», находит себя в здесь-и-теперь-бытии-сознании, Dabewußtsein. Сделан вывод, что, начавшись таким образом, познание приходит к своей вершине, к «зениту», в здесь-и-теперь-духе — Dageist.

Ключевые слова: сознание, начало познания, экзистенциальный материализм, Dabewußtsein, вершина познания, Dageist

Для цитирования: Тайсина Э.А. Два уровня и способа описания сознания в формате экзистенциального материализма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 129—138.

© Тайсина Е.А., 2023

2023. Вып. 1 •

Original article

TWO LEVELS AND WAYS OF DESCRIBING CONSCIOUSNESS IN THE FORMAT OF EXISTENTIAL MATERIALISM

Emily A. Tajsin

Kazan State University of Power Engineering,
Kazan, Tatarstan, Russian Federation, emily_tajsin@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of describing consciousness, the aspects of which are diverse, as well as the ways of expressing its main function — cognition. The author reveals the content, firstly, of the main and, secondly, of the highest position available to human consciousness / cognition. It has been established that the thesaurus of vocabularies will be incomplete without an analysis of the starting point, or platform, from which cognition starts, and the peak, or pinnacle, which the human spirit seeks to reach. It is shown that the path of cognition cannot be described without a native, innate belief in the cognizability of the surrounding reality, which is based on the postulate of the unity of being and cognition. A philosophical paradigm of existential materialism is proposed, which is fundamentally different from the mechanistic, objectivist concept. The essence of a relevant picture of being and cognition is presented, in which a person is presented not as an external observer and not as a reflector, but initially, in the “nadir”, finds himself in Dabewußtsein. It is concluded that, having begun in this way, knowledge comes to its peak, to “zenith”, in Dageist.

Keywords: consciousness, beginning of cognition, existential materialism, Dabewußtsein, pinnacle of cognition, Dageist

For citation: Tajsin E.A. Two levels and ways of describing consciousness in the format of existential materialism, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 129—138.

Введение. Полагая сознание в целом образом, в том числе и символическим образом по отношению к окружающей действительности, а язык — местом встречи со-бытия и со-знания, считая человеческую жизнь в сущности совпадающей с познанием, принимая принцип единства бытия и познания, а следовательно построенных на нём онтологии, гносеологии и философской антропологии, учитывая новые подходы в когнитивистике и семиотике, мы выстраиваем материал данной статьи в следующем порядке: элементы изучения естественных когнитивных систем в перинатальной психологии и неонатологии; расширение тезауруса и проблемного поля теории познания за счет введения понятий «здесь-и-теперь-бытие-сознание» и «так-и-теперь-бытие-сознание» для описания подлинного начала сознания / познания; переход от последнего упомянутого здесь состояния и выражающего его понятия к высшему и лучшему «делу» сознания, победам духа.

Всё рассуждение ведется в русле *экзистенциального материализма* в качестве оптимальной логическо-философской формы современного мировоззрения [Тайсина 2014]. Вводные положения этого направления, основанного на аристотелевом определении философии как науки о единой основе бытия и познания и связанного с этим пониманием метафизики как единства онтологии и гносеологии, состоят в оборачивании метода классификации форм идеализма и материализма. Презумпция такова: обычно формы идеализма разделяют на объективный и субъективный идеализм логически,

а формы материализма — исторически (античный, нововременной, современный...). Мы применяем логическое двоичное деление идеализма к материализму: «объективный», механистически-метафизический — в сущности, наивный реализм — и «субъективный», существующий как мировоззренческая и методологическая основа семиотической деятельности человека. Из-за негативных коннотаций мы заменили определение «субъективный» на «экзистенциальный», подчеркивая этим, кроме всего прочего, что общим контекстом онто-гносеологии такого материализма является философская антропология, включающая личностно-релевантные сюжеты свободы и ответственности, смысла и счастья, общения и труда, борения и одоления.

Приведем вкратце основные постулаты экзистенциального материализма. Онтология его представляет собой теорию содержания знания, каковым является бытие. Как и онтология любой формы материализма, она не может не быть связана с натурфилософией. Естественной основой принципа познаваемости мира является способность безусловно принадлежащих организму (т. е. внутренних) ощущений к экстрапроецированию.

Гносеология экзистенциального материализма есть имплементация теории семиотики в их взаимозависимости; она включает в себя применение основной функции знаков, репрезентации, для объяснения сути познания действительности.

Отношение идеального образа к материальному миру является ничем иным как презентацией, что особенно ясно проявляется в центральной форме познания: представлении — *Vorstellung*. Со своей стороны, семиотические системы, как и отдельные знаки, функционирующие в обществе и составляющие культуру, представляют объекты познания вторичным образом, через свои значения / смыслы. Отношение знаков к своим референтам, в отличие от отображения действительности в образах сознания, есть презентация презентации, то есть *ре*-презентация фрагмента материального через идеальное — значение знака¹ — в чувственно-воспринимаемой форме (собственно знаке).

Материальный мир, как и (само)сознание, доступны познанию, поскольку основы бытия и сознания едины. Материя есть (транс)формирующая субъект-субстанция всех изменений; сам Гегель гениально объединил сущность с субстанцией, активную силу с действительностью-деятельностью, *Aktivität* [Гегель: 233]. Эта активность материи есть условие «сборки» объективного и субъективного, их интерференции.

В онто-гносеологии экзистенциального материализма объединяются учение о бытии, понимаемом как «дающееся» сознанию, и учение о познании как «взятии», принятии бытия. Познание и есть эта интерференция субъекта и объекта, чувственного и сверхчувственного, материального и идеального, единичного и общего, принимающая форму здесь-и-теперь-бытия-сознания.

Инструментом и средством такой интерференции являются семиотические системы; в частности, естественный разговорный человеческий язык. Еще феноменология Гегеля включала онтологически обязательное воплощение бытия духа в системе лингвистических знаков. Так дух раскрывается «для себя», поскольку язык входит в пределы его как часть человеческого бытия, служа посредником взаимоотношения природы и сознания, предоставляя им «место встречи».

¹ Структура значения, как это принято в нашей теории семиотики, включает три идеальных компонента: когнитивный, модальный и криптокомпонент.

А теперь, как говорят английские философы, “Let me coin a word for it” — позвольте мне отчеканить название для этой местности: Dabewußtsein. Немецкий язык в новое время, как в античности древнегреческий, предоставляет все возможности для экспликации содержания философских понятий из них самих: Dasein — бытие здесь-и-теперь; Bewußte Sein, Bewußtsein — знаемое бытие, сознание. Парным к Dabewußtsein является понятие Sobewußtsein, выражающее переход от сущностно-назывного к деятельно-качественному, ибо функция есть проявление свойства. Так намечается эволюционный путь сознания от (метафизического) стазиса к (диалектическому) движению «вперед — и выше».

Начало жизни как начало познания. Изучение формирования естественных когнитивных систем в, условно говоря, «начальной точке», с которой стартует человеческая жизнь, дает материал для рассуждений о первичном опыте «стояния» в здесь-и-теперь-бытии, которое определяет «последующее когнитивное развитие человека, его субъективную реальность, психоэмоциональное состояние личности, место и практическое отношение человека к миру» [Сердюков: 11].

Описание перинатального опыта, первородного и основополагающего, долгое время осложнялось отсутствием и у перинатальной психологии, и у неонатологии, и у когнитивных наук строгих способов различения элементов «психики эмбриона» и новорожденного. Однако в последние годы когнитивистика обогатилась новыми методами: в первую очередь это четырехмерный ультразвуковой анализ (4D УЗИ), который дает возможность далеко продвинуться на пути изучения эмбриона в реальном времени.

Постижением сущности узловой точки возникновения жизни как познания много лет занимается хабаровский философ Ю.М. Сердюков. Согласно его работам, естественные когнитивные системы возникают в перинатальный период развития человека — формируются комплексные переживания, в том числе восприятие пространственно-временного континуума. «Возникновение и развитие в перинатальный период сенсорных систем, а также двигательной активности плода формирует восприятие пространства, которое именно поэтому является врожденным» [Там же: 16]. Различаются, пишет автор, четыре разновидности первичных способностей познания, связанных с необходимостью адаптации организма к условиям окружающей среды, — генетическая, сенсорная, перцептивная и ментальная естественные когнитивные системы. Что касается собственно сенсорной системы — на определенных этапах развития эмбрион уже способен обрабатывать вкусовые и обонятельные, слуховые и зрительные, а также тактильные и вестибулярные ощущения, даже на кортикальном уровне.

Обратим внимание, что определения «сенсорная» и «перцептивная», которые в принципе описывают одну и ту же сферу здесь-и-теперь-бытия, различаются не только как соответствующие формам ощущения и восприятия, но и более глубоко. Для нас очень важна та «местность», где происходит «силлепсис» — σύλ-λήψις, то есть слияние чувственного и сверхчувственного опыта, и если в сознательном постижении это представление, то на первом этапе жизни это перцептивная когнитивная система. При её посредстве, в её поле непосредственное воздействие физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств формируют у эмбриона *целостный образ* предметов, ситуаций и событий. «Было показано, что ощущение целостности тела развивается после 25 недель беременности, что ... интерпретируется

как появление минимального уровня сознания». Что еще важнее: «Специфика этого уровня определяется также и тем, что здесь происходит синтез сенсорной и ментальной информации» [Там же: 13—14].

Ментальная когнитивная система, включающая эмоции, представления, рефлексию, а также внимание, волю, память, язык, интуицию и другие, более сложные переживания и мыслительные процессы как компоненты и функции сознания, является высшим уровнем развития организма, и не только эмбриона или новорожденного младенца, но и взрослого человека.

Весьма вероятно, что с тридцатой недели беременности у эмбриона «начинает проявляться рудиментарная способность к удержанию информации» [Там же: 15]. Более того, у еще не рожденного младенца появляются узнаваемые выражения лица: плач, смех, боль, удовольствие, другие эмоции, общие у него с новорожденным. Значит, уже в перинатальный период возникает основа для развития в будущем «субъективной реальности», идеального сознания, становящегося в зрелый период подлинным самосознанием, носителем свободного и творческого человеческого духа. Даже само воображение, образ будущего — «непрерывный поток перцепций, мыслеобразов и слов», не существующий за пределами субъективной действительности, — «реален, так как зафиксирован синаптическими связями нейронов и воспринимается субъектом как органическая часть его собственного бытия» [Там же: 17].

Язык описания бытия/сознания: *Dabewußtsein* и *Sobewußtsein*. Когда речь идет не о первичной стадии существования, но о сознательной жизни человека, ментальная когнитивная система вооружается языком. Использование лингвистических знаков, а также прочих семиотических систем есть ключ к анализу той сферы, которая в естественном состоянии существует как «поле», а не как конгломерат «частиц». Однако как в физическом мире поле, невесомое, неделимое, может, например, собираться в точку и выбивать электрон с орбиты, то есть «вести себя» как частица, так и в духовном мире сознание — как целокупность идеального — может «вести себя» при помощи языка как многомерное и многоуровневое конкретно-всеобщее образование, допуская со стороны науки и анализ, и классификацию, и иное дробление ради метафизической «остановки» и фиксации основных умозаключений.

К важнейшим мыслительным операциям можно отнести механизм перехода, или превращения, чувственных форм сознания в так называемые логические — и обратно, причем есть возможность описать и такое состояние психики, в котором бытие и сознание, чувственное и сверхчувственное, т. е. абстрактное, сосуществуют и даже совпадают.

Сознание начинается с ощущений: это признание именуется сенсуализмом. Познавательный процесс должен быть объяснен рефлексивно-критически; это требование рационализма. В ходе данного процесса происходит встреча сознания и бытия, о-своение и при-своение бытия. Итогом является состояние, которое мы именуем здесь-и-теперь-бытие-сознание. Мы отвлекаемся от абстрактного разграничения чувственного и умопостигаемого в познании, используя интуицию распознавания, «схватывания» *подлинности* бытия: *Gewahrnehmung* (нем.), *awareness* (англ.)². Это, можно сказать, «сознательное восприятие», в отличие от простого чувства (*Gefühl*),

² Характерно, что в обоих этих терминах присутствует корневая морфема “-wahr”, т. е. «истинно», «подлинно». Русское слово «истина», происходящее от «естенный», тоже относит истину одновременно к обоим доменам — сознанию и действительности.

которое позволяет убедиться в несомненности существования, придавая жизни трепет экзистенциального присутствия. Это экзистенциализм, но не трагический, а диалектический и оптимистичный. Ведь в сознании, а точнее — в языке, совпадает бытие-в-себе и бытие-для-себя.

Бытие предстает тогда в пяти измерениях: онто-гносеологически — как субъект-субстанция; логически — как предикат и связка суждения; физически — как пространственный объект, а также как время и прочие детерминанты существования, т. е. в триplete «момент — место — обстоятельство образа действия». А человек экзистирующий, «стоящий в просвете бытия», являет собой тождество «субъекта-в-себе» и «объекта-в-себе», сознания бытия и сознания как бытия.

Признание целокупности «поля» сознания не отменяет его многоаспектности и многокомпонентности и предполагает в качестве его дефинитивных признаков бидоминантность и бимодальность (термины Д.И. Дубровского), что связано с имманентными отношениями между «Я» и «мир», «Я» и «Ты».

Предлагаемый термин для обозначения такого экзистенциального состояния человеческого бытия, как уже было не раз сказано, — это “Dabewußtsein”. Признание совпадения субъекта и объекта в этом состоянии не уничтожает их различия. “Dabewußtsein” диспозиционно, объект и объективность не элиминируются, но — снимаются в экзистенциальной ситуации, хорошо описанной у классиков этого философского направления. Переход же бытия-в-себе в бытие-для-себя связан с переносом внимания с субстанции на качество. К *здесь и теперь* необходимо добавить *образ действия*, «к Dasien и Dabewußtsein необходимо принадлежит Sosein, и, соответственно, *Sobewußtsein*, так-и-теперь-бытие-сознание, предпосылка действия. Сознание в таком случае является не просто *образом вещи* или *мысли*, но *образом действия*» [Тайсина 2013: 421—422].

Качество — не просто тождественная наличному определенность. По-гречески, кроме *τοιοῦ* (отсюда «поэма»)³, качество обозначается еще другим выразительным словом, *πράξις* — практика. Эта экзистенциальная ситуация сопровождается не просто открытием, отражением и обретением, но — творением, созданием, про-изведением. Сущее познается в действии; сущность обретается в действии. Вопросы «как» и «каким образом» вызывают ответы, суть которых — проявление сущности в ходе духовной деятельности, которую ведет человек в своем месте, времени и в сложившихся обстоятельствах.

Сущность сущего обретается в деятельности сознания, становясь в состоянии Dabewußtsein тем, что мы называем «истина». «Совпадение истины и сущности является целью познания. Это их совмещение и является, и называется смыслом. Истина и сущность совпадают в особом состоянии здесь-и-теперь-бытия-сознания, и философия, представляя собой учение о фундаментальном тождестве основ бытия и познания, по слову Аристотеля, предоставляет наилучшую возможность осознанного присвоения смысла. Из-обретенного, открытого или сконструированного» [Тайсина 2021: 12]. Еще Готлоб Фреге полагал, что смысл надо считать топосом встречи представления и вещи. Смысл — кентавр, полу-чувство, полу-мысль; можно сказать, что это экзистенциальное ощущение удовольствия от раскрытого и присвоенного *нашим* сознанием *нашего* бытия.

³ Ощущение «касания истины», непосредственного погружения в ситуацию здесь-и-теперь-бытия-сознания особенно ясно в поэзии.

Необходимо обратить внимание на следующие моменты. Не только физиологически нераздельное слияние ощущений с тельцем эмбриона; не только первичная брезжащая «небула» до определенного времени неопознанного, семиотически неоформленного гносеологического образа сознания, еще не ставшего (лексическим) значением; не только слияние чувственного и абстрактного в форме представления; не только место встречи субъективного и объективного, идеального и материального мира в языке; не только «выход», он же вывод, *сущности* на поверхность, в итоге напряженной интеллектуальной работы сознания, в виде *истины* — коротко говоря, не только начальное состояние сознания характеризуется в формате экзистенциального материализма как здесь-и-теперь-бытие-сознание. Все эти и иные «силлепсисы» — разные модусы “Dabewußtsein”, состояния, которые мы лишь условно называем «точкой». Стартуя, жизнь с самого начала попадает в это состояние, и оно не покидает человека никогда. Метафорически выражаясь, это не озерко, которое можно вычерпать; это родник, и его ток не пройдет. Человеческое бытие совпадает с познанием.

Лигатуры путей сознания, исторически ведущие, условно говоря, «вверх» от первичной перцептивной когнитивности через мириады семиотических систем культуры до «умного экстаза» когнитивного максимума (термин А.Ф. Лосева), выводящего сознание из общепринятой системы знаков, — и обратно, — описывают линии, называемые циклоидами⁴. И логично утверждение о том, что на этом пути есть и вершины: яркие, высшие оправдания жизни (чей смысл в принципе находится в ней самой); это «самость действительного сознания», мирозозидающие победы духа, его *дело*.

Язык описания «дела» человеческого духа: Dageist. В начале VI Главы «Феноменологии духа» Гегель дает следующую простую для понимания дефиницию духа: “die Vernunft ist Geist, indem die Gewißheit, alle Realität zu seyn, zur Wahrheit erhoben, und sie sich ihrer selbst als ihrer Welt, und der Welt als ihrer selbst bewußt ist” [Hegel: 238]⁵.

И далее: “Das *an* und *fürsichseynde* Wesen aber, welches sich zugleich als Bewußtseynd wirklich und sich sich selbst vorstellt, ist der *Geist*” [Ibid.]⁶. Поясняя: “er ist das *Selbst* des wirklichen Bewußtseynd, dem er oder vielmehr das sich gegenständliche wirkliche *Welt* gegenübertritt, welche aber ebenso für das Selbst alle Bedeutung eines Fremden, so wie das Selbst alle Bedeutung eines von ihr getrennten, abhängigen oder unabhängigen Fürsichseynd verloren hat.” [Hegel: 238—239]⁷. Трансформации духа, который есть *сознание вообще* (чувственная

⁴ Познавательную ситуацию мы рассматриваем как циклоиду, а коммуникативную — как ее эволюту; на всей лигатуре последней действует язык.

⁵ В переводе Г. Шпета: «Разум есть дух, так как достоверность того, что он — вся реальность, возведена в истину; и разум сознает себя самого как свой мир, а мир — как себя самого» [Гегель: 233].

⁶ В переводе Г. Шпета: «...*Сущая в себе и для себя* сущность, которая вместе с тем представляет себя в качестве сознания действительной и самой собой, есть дух...» [Гегель: 233].

⁷ В переводе Г. Шпета: «Дух есть *самость* действительного сознания, которому он противостоит или, лучше сказать, которое противостоит себе как предметный действительный *мир*, но мир в такой же мере потерявший для самости все значение чего-то чужого, как и самость потеряла все значение от него отделенного, зависимого или независимого для-себя-бытия» [Гегель: 233—234].

достоверность, восприятие и рассудок); для себя *предметная сущая* действительность, то есть его собственное для-себя-бытие; и *самосознание* (поскольку его *предмет* есть его *для-себя-бытие*), Гегель демонстрирует исчерпывающим образом. Это превращение предметности бытия-для-себя в бытие-для-нас, в непосредственной очевидности.

Методологически опираясь на феноменологию абсолютного духа у Гегеля, его интерпретацию наличного бытия в «Науке логики», согласно которой природное сущее как ближайшее воплощение конечного, или наличного, бытия стремится за собственные пределы в различных формах, а также на учение Хайдеггера о бытии-в-мире, в-себе-бытии и здесь-и-теперь-бытии, Dasein, функционально вовлеченном в бытие человека в мире, — молодой Казанский философ А.С. Гурьянов в своей докторской диссертации и других работах развивает экзистенциальный материализм, поднимая его на новую ступень. Он использует также дефиницию Х. Ортеги-и-Гассета, определявшего человека как прежде всего дело.

Природное бытие возвышается в свой предел в ходе человеческой деятельности. Если деятельность отвечает своему историческому назначению — а это самореализация человека в соответствии с социально-историческими запросами времени — Dasein перевоплощается в новое *духовное* здесь-и-теперь-бытие: Dageist, торжество человеческого духа. Творческие оригинальные решения, приходящие к человеку в ходе его дела, которому добровольно подчиняется его жизнь, символизируют вершину бытия и сознания, определяют развитие, как отдельных судеб, так и общества.

Понятие «дело», рассматриваемое с точки зрения погружения в цель- и самополагание личности, по-новому эксплицирует понятия «труда» и «деятельности» (вхождение в курс дела, участие в деле, положение дела, принятие делом определенного оборота, открытость делу и т. д.) [Гурьянов 2013]. Отличаясь от определения Ортеги, данного чисто в экзистенциальном ключе, в данной концепции глубоко разработанная категория «дела» раскрывает конкретно-всеобщую родовую реализацию человеческой сущности как высшего проявления свободной, неотчужденной от своего труда личности [Гурьянов 2018]. Эта категория придает деятельности человека размерный характер, отвечая на вопрос о явлении Dageist из Dabewußtsein. Dageist, подчиняя себе свое природное конечное бытие, первоначально принадлежа повседневному бытия-в-мире, впоследствии через созидательное усилие покидает его границы и становится здесь-и-теперь-духом в самополагании, выходя в бесконечность. А.С. Гурьянов называет этот переход «событийным переключением в режим дела», ради которого человек символически поступает своим природным бытием. Символически — потому что его жизнь продолжается; однако заметим, что погруженный в творчество человек зачастую не щадит и реальной жизни, жертвуя режимом, сном и т. д. «Конкретное мышление есть отличительная черта неповседневного деятельного человека, поэтому конкретность мышления — сущностная черта творческого человека независимо от сфер, в каких оно находит себе применение» [Гурьянов 2012: 95]. Но конкретность — необходимое, однако недостаточное определение духа. Творчество формирует и трансформирует бытие лишь в той мере, в какой оно опирается на конкретно-*всеобщее* мышление: «...всеобщая составляющая конкретного мышления проявляется в активности субъекта..., всеобщность осуществляется в деле как всегда уже всеобщем деле...» [Там же: 108]. Однако

собственная территория Dageist — сфера теоретического мышления; дело ученого — формирование нового знания. Вверяя себя делу, захваченный им, человек забывает о своей конечности, тем самым выйдя за ее предел: теперь не экзистенциальный страх смерти, а значимость дела управляет его жизнью.

Поистине, творчеству нашего философа можно было предпослать эпиграфом фразу из книги-бестселлера Юваля Харари «Сапиенс»: “I promised myself that when I grew up, I would not get bogged down in the mundane troubles of daily life, but would do my best to understand the big picture” [Harari: P.S. 2]⁸.

Заключение. Человек — существо, чья жизнь совпадает с познанием. Наша мысль такова: *когда* мы строим онтологию, *тогда* мы тем самым строим и гносеологию. Принятое нами философское направление признает универсальное credo всякого материализма: объективное существование первоисточника познания, физической реальности; источником ощущений, с которых начинается разрастаться сознание, является внешний и внутренний мир. Этот материалистический тезис отличает нашу философию от, например, феноменологии Гегеля. Оно признает, сверх того, активность не только субъекта, но и объекта.

В формате экзистенциального материализма процесс познавательного восхождения не изображается в виде «лествицы»; скорее подойдет образ горной цепи, ибо как в онто-, так и в филогенезе на пути познания много раз встречаются, или случаются, восхождения к вершинам и спуски в долины, либо же, можно сказать, полеты: иммельманы — взлеты в «зенит» Dageist — и глиссады в перигелий, обратно к «надиру».

Триплет «момент, место, образ действия» включает и объектные, и субъектные координаты, в которых происходит первичное «уловление», схватывание предмета восприятия или мысли. Все это вместе обретается в экзистенциальном, целостнонеразличимом переживании здесь-и-теперь-бытия-сознания, Dabewußtsein, когда-и-если-оно-есть: это основной тон всякого подлинного человеческого существования, *sine qua non*, создающий нераздельность субъективного и объективного.

Со своей стороны, феномен Dageist — это человек, осуществляющий совершенствование бытия, озабоченный *делом*, к которому чувствует призвание, находящийся в непреложный *момент времени на своем месте*, какое он занимает в своей неповседневности. Возвращение в повседневность вновь делает его жизнь обыденной — до следующей циклоиды взлета к величайшим возможным вершинам духа. По словам Гегеля в предисловии к «Феноменологии духа»: “der Leichtsinn wie die Langeweile, die im Bestehenden einrissen, die unbestimmte Ahnung eines Unbekannten sind Vorboten, daß etwas Anderes im Anzuge ist. Diß allmähliche Zerbröckeln, das die Physiognomie des Ganzen nicht veränderte, wird durch den Aufgang unterbrochen, der ein Blitz in einemmale das Gebilde der neuen Welt hinstellt” [Hegel: 15]⁹.

⁸ В моем переводе: «Я пообещал себе, что, когда вырасту, не погрязну в мирских заботах повседневной жизни, а сделаю все возможное, чтобы понять общую картину». Читай — «конкретно-всеобщую».

⁹ В моем переводе: «То небрежное (поверхностное), как и та рутина, которые царят в обыденном, смутное предчувствие неизведанного являются провозвестниками того, что приближается нечто иное. Постепенное это разрушение, не изменившее лика целого, [внезапно] прерывается взлетом, который, как молния, озаряет облик нового мира».

Список литературы / References

- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Ч. I. / пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. XLVII, 444 с.
- Гурьянов А.С. Конкретное понятие подручного средства в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 30—33.
(Gurianov A.S. Concrete concept of a means at hand in the existential analytics of M. Heidegger, *Society: philosophy, history, and culture*, 2018, no. 4, pp. 30—33. — In Russ.)
- Гурьянов А.С. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному как основа теоретического мышления // В мире научных открытий. Проблемы науки и образования. 2013. № 3.4 (39). С. 264—282.
(Gurianov A.S. The principle of ascent from the abstract to the concrete as the basis of theoretical thinking, *In the world of scientific discoveries. Problems of science and education*, 2013, vol. 39, no. 3.4, pp. 264—282. — In Russ.)
- Гурьянов А.С. *Dageist* как неповседневное измерение бытия-в-мире. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2012. 147 с.
(Gurianov A.S. *Dageist* as a non-everyday dimension of being-in-the-world, Kazan, 2012, 147 p. — In Russ.)
- Сердюков Ю.М. Перинатальный опыт // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: научно-теоретический журнал. 2022. Т. 19, вып. 3. С. 10—25.
(Serdyukov Y.M. Perinatal experience, *The Humanities and Social studies in the Far East. Journal of Theoretical Research*, 2022, vol. 19, iss. 3, pp. 10—25. — In Russ.)
- Тайсина Э.А. Последняя коллекция. Miscellanies. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2021. 596 с.
(Tajsina E.A. The Last Collection. Miscellanies, Prague, 2021, 596 p. — In Russ. & Czech.)
- Тайсина Э.А. Теория познания: коллекция статей. СПб., Алетея, 2014. 264 с.
(Tajsina E.A. Theory of Cognition. Collection of articles, St. Petersburg, 2014, 264 p. — In Russ.)
- Тайсина Э.А. Теория познания: интродукция и рондо каприччиозо. СПб.: Алетея, 2013. 608 с.
(Tajsin E.A. Theory of Cognition. Introduzione e rondo capriccioso, St. Petersburg, 2013, 608 p. — In Russ.)
- Harari Y.N. Sapiens. A Brief History of Humankind, NY, 2015. 443 p.
- Hegel Phänomenologie des Geistes, *Hegel G.W.F. Hauptwerke in sechs Bänden*, band 2, Erster Teil, Hamburg, Felix Meines Verlages, 2018, 526 s.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 24.01.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 24.01.2023.

Информация об авторе / Information about author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакommunikаций, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, Россия, emily_tajsin@inbox.ru

Tajsin Emilia Anvarovna — PhD (Habil.), DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Mediacommunications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Tatarstan, Russian Federation, emily_tajsin@inbox.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 139—146.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 139—146.

Научная статья

УДК 165:316

DOI: 10.46726/И.2023.1.14

ТИПОЛОГИЯ КАРТИН МИРА

Олег Владимирович Шимельфениг

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, shim.ov@mail.ru

Аннотация. В центре внимания автора статьи — проблема создания целостной духовно-психофизической картины мира как философского синтеза научного, религиозного и экзистенциально-личностного аспектов миропонимания с помощью ноосферного языка. В качестве такой интегральной концепции реальности берётся сюжетно-игровая парадигма, на основе которой предлагается решение проблемы типологизации картин мира. Методологической основой выступает диалектический метод, который характеризует воспроизведение в мышлении изучаемого предмета в его целостности, движении и развитии, во взаимодействии и взаимозависимости с другими аспектами реальности. Автор опирается также на системный междисциплинарный подход и концепцию ноосферы, которые дают возможность использовать теоретические положения философии, логики, естествознания, литературоведения и других наук. Предлагается «метакартина» представлений о мире на основе трёх фундаментальных дихотомий: «материальное — духовное», «раздробленное — целостное» и «неосознанно-шаблонное — осознанно-творчески-игровое». Показано, что вариантом «духовно-целостно-осознанно-творчески-игрового» мировоззрения является сюжетно-игровая парадигма. Сделан вывод, что построенная на основе этой парадигмы «панорама картин мира» позволяет понять, в каком направлении стоит осознанно действовать в настоящем и каким образом ответственно проектировать будущее как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Ключевые слова: картина мира, метакартина, наука, сюжетно-игровая парадигма, сюжет, сценарий, игра, панорама картин мира

Для цитирования: Шимельфениг О.В. Типология картин мира // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 139—146.

Original article

TYOLOGY OF PICTURES OF THE WORLD

Oleg V. Shimelfenig

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov,
Russian Federation, shim.ov@mail.ru

Abstract. The author's focus is on the problem of creating a holistic spiritual-psycho-physical picture of the world as a philosophical synthesis of the scientific, religious and existential-personal aspects of the world outlook with the help of noospheric language. As such an integral concept of reality a plot-game paradigm is taken, on the basis of which a solution to the problem of typology of the pictures of world is proposed. The methodological basis is the dialectical method, which characterizes the reproduction in thinking of the studied subject in its integrity, movement and development, in interaction and interdependence with other aspects of reality. The author also relies on a systematic interdisciplinary approach and the concept of the noosphere, which make it possible to use the theoretical provisions of philosophy, logic, natural science, literary criticism and other sciences. A "meta-picture" of ideas about the world is proposed based on three fundamental dichotomies: "material — spiritual", "fragmented — integral" and "unconsciously patterned — consciously-creatively-playful". It is shown that a variant of the "spiritual-holistically-consciously-creatively-playful" worldview is a plot-playing paradigm. It is concluded that the "panorama of world pictures" built on the basis of this paradigm allows us to understand in what direction it is worth consciously acting in the present, and how to responsibly design the future both for an individual and for society as a whole.

Keywords: picture of the world, metapicture, science, plot-game paradigm, plot, scenario, game, panorama of the pictures of world

For citation: Shimelfenig O.V. Typology of pictures of the world, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 139—146.

События последней трети XX столетия стали переломными в истории России. Перестройка, а затем крутой поворот к рыночной экономике отразились на всей духовной и материальной культуре страны — государство распалось. А человечество в целом приближается к коллапсу потребительского общества, в котором постоянно возникают очередные глобальные проблемы, обусловленные кризисом базовых мировоззренческих идей, лежащих в основе материалистических парадигм последних столетий.

Стратегии жизни, всё более определяющие облик среды, в которой мы живём, и малоосознаваемые программы, формирующие наше поведение, во многом основываются на механистической бездуховной картине мира, из которой выброшены как сами со-авторы «сценариев» (естественно-научных, технических и других) и со-исполнители (обеспечивающие тем самым себе «алиби в Бытии», по выражению М.М. Бахтина), так и все другие «действующие лица-силы» Природы в целом, которые отвечают нам на своём «языке» экологическими и социальными катастрофами.

Одним из источников мировоззренческого кризиса является отвлечённость категориального аппарата различных философских систем — понятий материи, сознания, количества, качества, сущности, явления, бытия, небытия, экзистенции, трансценденции, свободы и т. д. — от конкретных носителей их содержания. Экзистенциализм, а затем и новейшие течения философии —

конструктивизм, энактивизм, теория аутопоэза и др. не решают проблему преодоления отрыва научно-философских картин мира от их авторов и пользователей, продолжая находиться в плену объективистской парадигмы, исключая из своих моделей реальности тех, кто её по-своему воспринимает, интерпретирует и соответствующим образом трансформирует, не отдавая себе в этом отчёта и не видя «зависимость индивидуальных действий и межиндивидуальных взаимодействий от интерпретационной активности их участников», которые, «сами того не зная, формируют то, из чего состоит общество: институты, знания, язык» [Пржиленский: 675—676].

Таким образом, автор видит в качестве главного корня всех этих проблем отсутствие такой научно-философской концепции реальности как духовно-психофизической целостности, где была бы разработана система категорий, которая отражает одновременно научный, религиозный, художественный, практический и экзистенциально-личностный аспекты единого Универсума, поскольку «на наших глазах идет формирование новой парадигмы, в которой <...> будет постепенно осуществлен синтез научной, философской и религиозной мысли» [Иванов, Фотиева, Шишин: 43].

Автор опирается также на работы Г.С. Смирнова и Д.Г. Смирнова, в которых исследуется проблема разработки ноосферного языка, выражающего «собственно человеческое понимание процесса разворачивания ноосферы как системно организованного всеобщего» [Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. 2017а: 7], то есть «как репрезентации глобальной реальности». Этот язык призван объединить законы разных научных парадигм, организуя взаимодействие между естественными и гуманитарными науками [Там же: 5].

Опираясь на древнеиндийский образ Мира в виде Космической Игры [Махабхарата; Радхакришнан], автор предложил такой вариант интегральной концепции реальности и её языка [Шимельфениг 2005, 2021], на основе которого здесь строится типология картин мира, являющаяся продолжением работы [Шимельфениг, Солодовниченко].

В мире, понимаемом и описываемом как межиндивидуальная, коммуналная реальность, которая постоянно формируется намерениями и действиями всех составляющих её участников, решающую роль, очевидно, играют их в основном неосознаваемые представления о происходящем¹. В.Н. Сагатовский считает, что категориальный каркас картины мира, хотя и не отрефлексированный, «выполняет функции общих ориентиров, глубинного основания выбора в самых различных жизненных ситуациях» [Сагатовский: 4].

На определенных этапах развития той или иной культуры поиски духовного авангарда человечества интегрировались в целостные образы Универсума — отрефлексированные Картины Мира. В свою очередь, эти картины воплощались и реализовывались в религиозных, социальных,

¹ Реальность, конструируемая теперь и с помощью информационных технологий, «никогда не спроектирована и никем не спрогнозирована, её законы и свойства ещё только предстоит изучить» [Пржиленский: 679].

«Знакование на атомном (нано-) уровне, на молекулярном, клеточном, организменном уровнях оказывается практически незаметным для человека. Лишь в XX в. оказалось возможным читать нечеловеческие языки биосферной эволюции, а значит, постепенно открывать для ноосферного универсума истоки языков понимающего сознания» [Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. 2017а: 11].

экономических и производственных отношениях, а также в отношении к природе, друг к другу и соседним народам. Очевидно, что с возрастанием технической мощи человечества, его судьба и вообще жизнь на планете все больше определяется не механическими «объективными факторами» и «законами», действующими якобы независимо от нас, а нашими представлениями о мире в целом, воплощающимися в проектах взаимодействия людей друг с другом и с природой². Поэтому как никогда актуальна задача построения эскиза панорамы разнообразных картин мира в истории человечества, как бы «картины картин».

Можно построить эту «метакартину» на основе трёх фундаментальных дихотомий, позволяющих приблизительно поместить каждое, даже не рефлексируемое, но как-то проявляемое представление о мире в условном «координатном пространстве», определяемом «осями» между тремя парами дихотомических полюсов: «материальное — духовное», «раздробленное — целостное» и «неосознанно-шаблонное — осознанно-творчески-игровое».

Первая дихотомия достаточно подробно рассмотрена в совместной работе [Шимельфениг, Солодовниченко], где намечалось отличие картин мира преимущественно «духовной» направленности от явно «материалистических». Понятно, что это разбиение рассматриваемого множества достаточно подвижно, так как между «крайностями» существует гамма переходных представлений о мире, содержащих аспекты того и другого.

По этому поводу вполне уместны соображения Н. Бердяева: «Философ неверующий есть существо с очень суженным опытом и горизонтом, сознание его закрыто для целых миров. Философское познание его очень обеднено, он принимает собственные границы за границы бытия» [Бердяев: 237].

Н. Бердяев считает, что сциентизм не в состоянии обосновать самого факта науки и саму возможность познания человека, поскольку постановка этой проблемы выходит за пределы науки [Бердяев]. Философия возможна, если есть особый, отличный от научного путь философского познания. Философия не есть наука, не есть даже наука о сущностях, а есть творческое осознание, каковое является одним из полюсов третьей дихотомии.

Если обратиться к позиции «неверующего» материалиста, то при более глубоком рассмотрении окажется, что его самоидентификация весьма поверхностна. По существу, он тоже верующий, но не отдающий себе отчет, во что же он верит. На это обстоятельство обратил внимание И. Ильин [Ильин: 107—108]. Так во что же верят материалисты? Обоснованный ответ на этот вопрос дал другой выдающийся русский философ А. Лосев в работе «К мифологии материализма»: «Материя, взятая сама по себе, есть абстрактное понятие, и материализм есть абсолютизация абстрактного понятия, т. е. типичная абстрактная метафизика» [Лосев: 503].

² «Слегка утрируя можно сказать, что аналитические законы в земных условиях выполнялись лишь тогда, когда человеку было угодно обеспечить это. <...> В.С. Соловьёв и П. Тейяр де Шарден вслед за мудрецами и пророками древности чисто умозрительным путём пришли к зрелому мифу о всеобщей одухотворённости природы. Теперь уже почти очевидно, что и практическое взаимодействие человека с любым окружением возможно строить лишь на тех же этико-философских началах, что и контакты людей между собой. Характерно, что подобное отношение к миру бытует у многих племён, которые мы привыкли называть отсталыми. Быть может, они наследуют мифологию от более старых цивилизаций, с большим духовным опытом, нежели у нашей технической. Даже наверно так» [Митюгов: 57, 55—56].

Вторая дихотомия разделяет картины мира на те, в которых приоритет отдаётся пониманию мира прежде всего как Единого Целого, и на другие представления о мире, в основе которых, часто бессознательно, не рефлексивно, предполагается принципиальная «раздробленность» Универсума. При этом представители обоих подходов могут быть согласны в том, что мир — это парадоксальное само-противоречивое бытие Единого во многом.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание — это на *завуалированность* приоритета раздробленности в основе мировосприятия многих людей в силу неосознаваемости ими этой исходной посылки. Например, большинство учёных поддерживает идею о единстве и целостности мира, но при внимательном рассмотрении их высказываний и текстов, анализе их поведения обнаруживается, что эта идея по существу остаётся на уровне абстрактных деклараций, а в действительности они исходят прежде всего из того, что мир состоит из принципиально различных частей и «объектов», т. е. для них, во многом подсознательно, приоритетна и фундаментальна раздробленность мира перед его целостностью [Шимельфениг 2005: 110—137, 162—192].

Профессор Ю. Вигнер, лауреат Нобелевской премии в области квантовой механики, отмечает недостаточность физики для понимания мироустройства, так как она не пытается рассматривать такие важные явления в мире, как *сознание*, а кроме того, она не самосогласована: скажем, квантовая теория и теория относительности — несовместны. Он подтверждает обсуждаемую нами точку зрения на восприятие Единого мира как на органично взаимосвязанное Целое: «любой макроскопический объект, к примеру, кубический сантиметр вольфрама, нельзя изолировать от окружающей среды, поскольку даже если вы выведете его в межгалактическое пространство, то даже там есть излучение черного тела. Излучение 3°К влияет на его макроскопическое состояние, его квантовое состояние за тысячную долю секунды» [Интервью...: 11].

Необходимость осмысления, изучения и описания мира как целого в XX в. раньше ученых осознали выдающиеся философы. Так испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет пишет: «ведь философствовать — значит искать целостность мира, превращать его в Универсум, придавая ему завершенность, и создавая из части целое, в котором он мог бы спокойно разместиться» [Ортега-и-Гассет: 99]. А русский философ П.С. Юшкевич таким образом оформляет эту же мысль: «В философии мирозерцания происходит приобщение внутренней личности, разбившей оковы социального автоматизма, к мировому целому. Лицом к лицу здесь становятся “я” и Вселенная» [Юшкевич: 174].

Современные философы так осмысливают эту дихотомию: «Мозаичность и разорванность как сущностные характеристики такой модели глобального сознания свидетельствуют о том, что “идет интенсивная борьба между настоящим прошлым и настоящим будущим”» [Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. 2017b: 81]. «Вместе с тем “это сопровождается интенсивными поисками целостности”, которые в основе своей имеют фундаментальные когнитивные ориентации человеческого сознания как такового, претендуют на статус “сознаниевой революции”, которая как раз и связана с формированием ноосферного глобального сознания» [Там же: 81].

Третья дихотомия призвана уловить разницу между «неосознанно-шаблонным» отношением к миру и «сознанно-творчески-игровым». В первом случае реальность воспринимается как уже ставшая, «замёрзшая», с жёсткими формами, «вечными законами» с главенством стереотипных квазициклических сюжетов Бытия, и в этом смысле «статичная», похожая на своеобразный гигантский «часовой механизм». При этом часто носитель

такого «глубинно-шаблонного» отношения к миру не отдаёт себе в этом отчёт, на «поверхности» он будет даже шумно ратовать за инновации, «революции» и т. п., а по существу его речи и действия будут нести печать догматизма, привязанности к жёстким стереотипам, привычным способам мышления и рутинного поведения.

Другой тип отношения к миру можно охарактеризовать как процессуальный, «динамичный», творческий, игровой, сценарно-режиссёрский. Такой человек видит мир прежде всего в ежесекундном становлении, изменении, он понимает, что реальность не уныло и стандартно «объективна», одинакова для всех, она постоянно творится каждым участником мирового сюжета и своеобразно им воспринимается со *своей* позиции — «роли», и что *позиции, с которой мир был бы виден «объективно», не существует*: «Квантовая теория показала, что мир (объект) неразрывно связан с человеком (субъектом). Это означает, что природа познаётся человеком только через призму его восприятия, и это неизбежно» [Логунов, Икеда: 232]. Однако такой «сценарист» понимает, что Вселенский Театр невозможен и без механизмов (на основе квазициклически воспроизводящихся сюжетов), обеспечивающих «фактуру» действия — «сцену», «декорации», освещение, биомеханические процессы, поддерживающие форму участников. Но суть Вселенского Спектакля не в подсобных и «несущих» машинах, а в игре и перипетиях отношений действующих лиц, имеющих собственные, индивидуальные, в определённых ситуациях даже антагонистические, отнюдь не «объективные» взгляды!

Таким образом, на третьей «оси» объёмной «панорамы картин мира» многообразные мировоззрения распределяются от жёсткой ориентации на приоритет «ставшего» и не подвластного индивиду до настроя на постоянное и ответственное творчество как окружающего, так и прежде всего самого себя.

Пока люди не поймут, не уповая ни на какие «объективные представления», что они все вместе сами (разумеется, и с другими участниками Вселенского Действия) создают свой общий, коммунальный мир на основе своих личных «истин» и представлений о мироздании, мы будем неуправляемо скальваться к глобальным конфликтам и катастрофам.

Итак, оглядываясь на панораму многообразных картин мира от грубо материалистических до духовных, от «раздробленных» до целостных и от «неосознанно-шаблонных» до «осознанно-творчески-игровых», на основании вышеизложенного следует заключить, что сюжетно-игровая парадигма, основанная на древнеиндийском образе Лилы — Космической Игры, может стать вариантом «духовно-целостно-осознанно-творчески-игрового» ноосферного мировоззрения, где мир представляется как Космическая Игра Творящего Начала Вселенной, проявляющего себя через множество индивидов-«игроков» разного психофизического уровня, масштаба и сроков жизни. Заложённая в них привязанность к самоидентификации и самосохранению, стремление к борьбе за пространство жизни и самоутверждению является «двигателем» Игры. Они воспринимают мир и окружающих «игроков» сюжетно, проецируя его в свою психику, где разыгрываются сценарии возможного будущего, некоторые из которых индивид пытается реализовать.

«Равнодействующая» усилий их всех образует мировой поток событий — сложную динамическую иерархическую структуру зацепляющихся друг за друга разворачивающихся сюжетов жизни каждого, которую можно назвать Сюжетом миропроявления в целом или Партией Космической Игры. Хотя эта сюжетная, ежесекундно трансформирующаяся структура является целостной и общей для всех её участников, воспринимается она каждым

по-своему в силу уникальности всякого индивида с его личной историей (что не исключает, разумеется, наличия, возможно, и очень больших групп индивидов с близким строением и восприятием, что и провоцирует их на веру в миф о существовании «объективной» — якобы независимой от своих авторов и одинаковой для них всех — реальности). Эта картина мира по сути является современным изложением упомянутых выше древнейших представлений об Универсуме. Она дает возможность более чётко осмыслить проблему построения «панорамы картин мира» на сюжетно-игровом языке и предложить вариант её решения, что позволит понять, в каком направлении стоит осознанно действовать в настоящем и каким образом ответственно проектировать будущее как для отдельной личности, так и для общества в целом. На основании всего вышеизложенного можно предположить, что ориентация на *формирование с детства у всех землян духовно-целостно-осознанно-креативного восприятия действительности* является очевидным путем к ноосферному пониманию реальности и спасению человечества и природы от глобальных катастроф с выходом на ответственное сотворчество со всей Вселенной.

Список литературы / References

- Логунов А., Икеда Д. Наука и религия: диалоги. М.: Изд-во МГУ, 2012. 476 с.
(Logunov A., Ikeda D. Science and religion: dialogues, Moscow, 2012, 476 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Я и мир объектов: опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230—316.
(Berdyayev N.A. I and the world of objects: An experience of the philosophy of loneliness and communication, *Berdyayev N.A. Philosophy of the free spirit*, Moscow, 1994, pp. 230—316. — In Russ.)
- Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации: (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014. 220 с.
(Ivanov A.V., Fotiyeva I.V., Shishin M.Yu. On the ways to a new civilization (essays on spiritual and ecological outlook), Barnaul, 2014, 220 p. — In Russ.)
- Ильин И.А. Путь к очевидности: сочинения. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. 911 с.
(Ilyin I.A. The path to evidence: Works, Moscow, 1998, 911 p. — In Russ.)
- Интервью с лауреатами Нобелевской премии и другими выдающимися учеными, взятые во время Всемирного конгресса «Синтез науки и религии» (Бомбей, 1986). Бомбей: Институт Бхактиведанты, 1993.
(Interviews with Nobel laureates and other eminent scientists, taken during the World Congress “The Synthesis of Science and Religion” (Bombay, 1986), Bombay, 1993. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
(Losev A.F. From early works, Moscow, 1990, 655 p. — In Russ.)
- Махабхарата. Бхагавадгита. Кн. 6, гл. 25—42. Ашхабад: АН ТССР, 1960. 403 с.
(Mahabharata. Bhagavad Gita, book VI, ch. 25—42. Ashkhabad, 1960, 403 p. — In Russ.)
- Митюгов В.В. Познание и вера // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 54—65.
(Mityugov V.V. Cognition and Faith, *Questions of Philosophy*, 1996, no. 6, pp. 54—65. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.
(Ortega y Gasset J. What is philosophy? Moscow, 1991, 408 p. — In Russ.)
- Пржиленский В.И. Конструирование цифровой реальности: интеллектуальное versus социальное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25, № 4. С. 668—682.
(Przhilensky V.I. Construction of digital reality: intellectual versus social, *RUDN Journal of Philosophy*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 668—682. — In Russ.)

- Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 624 с.
(Radhakrishnan S. Indian philosophy: in 2 vols, vol. 1, Moscow, 1956, 624 p. — In Russ.)
- Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): в 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 268 с.
(Sagatovsky V.N. Philosophy of developing harmony (philosophical foundations of worldview): in 3 vols, vol. 2, St. Petersburg, 1999, 268 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64.
(Smirnov G.S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017а. № 2 (17). С. 5—14.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. In search of a noospheric language: actualization and problematization of global consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2017a, no. 2 (17), pp. 5—14. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Устойчивое развитие, глобальное сознание и ноосферная история // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017б. № 3 (10). С. 76—82.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. Sustainable development, global consciousness and noospheric history, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2017b, no. 3 (10), pp. 76—82. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.
(Shimelfenig O.V. Living Universe. The plot-game picture of the world. XXI century: “SELF-TESTAMENT” or “SELF-APOCALYPSE”, Saratov, 2005, 688 p. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021. № 1. С. 30—36.
(Shimelfenig O.V. Plot-game paradigm as a system of ideological universals, *Society: philosophy, history, culture*, 2021, no. 1, pp. 30—36. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В., Солодовниченко Л.Я. «Самозавет» или «Самоапокалипсис» как следствие выбора в альтернативе: «духовное — материальное» // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 82—101.
(Shimelfenig O.V., Solodovnichenko L.Ya. “Self-testament” or “Self-apocalypse” as a consequence of the choice in the alternative: “spiritual — material”, *Intelligentsia and the world*, 2007, no. 4, pp. 82—101. — In Russ.)
- Юшкевич П.С. О сущности философии. М.: Проспект, 2006. 576 с.
(Yushkevich P.S. On the essence of philosophy, Moscow, 2006, 576 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 24.01.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 24.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, shim.ov@mail.ru

Shimelfenig Oleg Vladimirovich — Candidate of Sciences (Physical and Mathematical), Associate Professor of the Department of Geometry, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, shim.ov@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 147—156.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 147—156.

Научная статья

УДК 114+179.9

DOI: 10.46726/И.2023.1.15

ЭФФЕКТ ОБЗОРА: ЦЕЛОСТНОСТЬ БЫТИЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Петр Дмитриевич Абрамов

Омский государственный университет путей сообщения,
г. Омск, Россия, abramovpd@gmail.com

Анастасия Ивановна Абрамова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия, govogovaai@mail.ru

Аннотация. Эффект обзора — чувство благоговения перед красотой Земли и осознания ответственности за нее, пережитое многими космонавтами, начиная с Ю.А. Гагарина. Статья направлена на раскрытие онтологической составляющей эффекта обзора — картины мира, к которой он отсылает, и её этических следствий. Основоположник концепции эффекта обзора Ф. Уайт и астронавт и мыслитель Э. Митчелл развивают холистическую, по сути, панпсихистскую онтологию. Сознание и жизнь не случайные, а важнейшие свойства вселенной, свидетельством чему является направленность эволюции к появлению разума. Ф. Уайт пишет о возрастающем влиянии человечества на космическую эволюцию и о гипотетическом универсальном космическом разуме. Митчелл констатирует, что разум и материя — два взаимосвязанных аспекта единой эволюционирующей реальности. Он отвергает и личного Бога как творца космоса, и платонический мир идей. С нашей точки зрения, без предсуществования важнейших законов природы изначальная хаотическая материя не могла бы организовать во что-то структурированное.

Ключевые слова: ответственность, целостность, благоговейный трепет, космос, разум, гуманизм

Для цитирования: Абрамов П.Д., Абрамова А.И. Эффект обзора: целостность бытия и гуманистическая трансформация человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 147—156.

© Абрамов П.Д., Абрамова А.И., 2023

Original article

OVERVIEW EFFECT: HOLISM OF BEING AND HUMANISTIC TRANSFORMATION OF A PERSON

Petr D. Abramov

Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, abramovpd@gmail.com

Anastasia I. Abramova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, govorovaai@mail

Abstract. The overview effect is a feeling of awe for the beauty of the Earth and awareness of responsibility for it, experienced by many cosmonauts, starting with Yuri Gagarin. The purpose of the article is to reveal the ontological component of the overview effect and its ethical implications. The founder of the concept of the overview effect F. White and astronaut and thinker E. Mitchell develop a holistic, panpsychist ontology. Consciousness and life are not accidental, but the most important properties of the universe, as evidenced by the direction of evolution towards the emergence of mind. F. White writes about the increasing influence of humanity on cosmic evolution and about the hypothetical universal cosmic mind. Mitchell states that mind and matter are two interrelated aspects of a single evolving reality. He rejects both the personal God as the creator of the cosmos and the platonic world of ideas. From our point of view, without the pre-existence of the most important laws of nature, chaotic matter could not be organized into something structured.

Keywords: responsibility, holism, awe, cosmos, mind, humanism

For citation: Abramov P.D., Abramova A.I. Overview effect: holism of being and humanistic transformation of a person, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 147—156.

Введение. Эффект обзора — чувство потрясающей красоты и одновременно хрупкости Земли, ответственности за неё, пережитое многими космонавтами. Сам термин был предложен Ф. Уайтом в основанной на беседах с космонавтами книге «Эффект обзора. Освоение космоса и эволюция человека». Впервые она была опубликована в 1987 году и с тех пор неоднократно переиздавалась. Так, в 2021 году вышло её четвертое издание [White 2021]. Об эффекте обзора вспоминали, зачастую не используя сам термин, побывавшие в космосе Э. Митчелл, Р. Горан, А. Мисуркин, Н. Смит и многие другие космонавты. Вероятно, аналогичное чувство впервые испытал Ю.А. Гагарин, чей полет в космос состоялся более 60-ти лет назад. Первый космонавт Земли выразил свои мысли в записке: «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её!». Исследования Ф. Уайта нашли своё отражение, с одной стороны, в масс-медиа, в создании одноименного документального фильма «Эффект обзора», с другой стороны, на его разработках базируется или берет их за отправную точку множество академических исследователей. Эффект обзора не обделен вниманием современных ученых, но преобладает исследование этого феномена в рамках психологии. Задача данной статьи — дать философское осмысление эффекта обзора через его сопоставление с теми феноменами, которые были описаны в работах классиков философии, таких как Платон. Необходимо выявить онтологическую составляющую эффекта обзора, ту картину мира, к которой он отсылает, и показать, как эта онтологическая составляющая связана с праксеологической, этической.

Экзистенциальное пробуждение и ответственность за планету.

Н. Канас провел развернутое анкетирование 39-ти астронавтов и получил эмпирическое подтверждение эффекта обзора: после полёта астронавты действительно скорректировали или даже изменили свой взгляд на мир, стали воспринимать хрупкость Земли и единство человечества, но при этом вера, религиозные представления астронавтов не поменялись [Kanas]. По эффекту обзора защищаются диссертации, так, А. Низами отмечает, что эффект обзора способствует экзистенциальному пробуждению, утверждению солидарности между людьми на основе универсальных ценностей [Nezami]. Группа из семи психологов, среди которых присутствовал такой известный исследователь религиозного опыта, как Э. Ньюберг, рассматривала эффект обзора через призму благоговения и трансценденции, преодоления ограничений обыденного сознания: «Космический полет, по-видимому, является одним из немногих начинаний, которое может стать настоящим источником коллективного вдохновения» [Yaden, Iwry, Slack... : 8]. Этот опыт благоговения и трансценденции необязательно будет описан в рамках религиозного языка.

Есть основания того, что эффект обзора испытывают не обычные люди, а космонавты. Они прошли предварительный отбор, длительную многоплановую подготовку. К космонавтам предъявляются достаточно высокие, в том числе этические, требования. Они понимают значение космических полетов для эволюции планеты. Во время самих полетов космонавты находятся далеко от семьи, их жизнь организована вокруг научных исследований, творческих проектов. Например, в космосе можно читать и обсуждать со школьниками и студентами на Земле произведения классиков русской литературы. Таким образом, космонавты проходят серьезный отбор и, выскажем предположение, что осознание эффекта обзора не дается им автоматически. Не любой среднестатистический человек, помести его на орбиту, придет к подобным осознаниям. Конечно, степень и глубина переживания этого эффекта не одинаковы у разных космонавтов, и, вероятно, были и те, кто не испытал его.

Этическая составляющая эффекта обзора проявляет себя в том, что он представляет собой не просто вариацию экстремального необычного состояния сознания, но и своеобразное задание, ориентир не только для космонавтов, но и для всех людей. Ведь *будущее развитие возможно только в том случае, если жизнь будет перестроена на основе понимания хрупкости планеты и взаимосвязи всех процессов на ней*. Устранение этической составляющей превращает эффект обзора в яркий образ Земли, который может быть превзойден другими образами, такими как обзор какой-то иной планеты. Земля при обзоре с орбиты предстает как объект, большую часть которого можно охватить взором, но из этого не следует то, что она ему подвластна, как подвластен человеку также имеющий круглую форму мяч, а то, что человек несет ответственность за судьбу планеты. Человек на данном этапе своего развития нашел в себе силы оторваться от планеты, но не для того, чтобы её навсегда покинуть (тем более пока это технологически невозможно), а чтобы, взглянув со стороны на её жизнь и проблемы, изменить её к лучшему.

Существует проект Илона Маска по созданию небольших относительно автономных поселений на Марсе [Musk], планируется его реализация в ближайшие десятилетия. Кроме того, к области футурологии, перспективы уже нескольких ближайших столетий, относится предложение основать новую, внеземную цивилизацию, в которой человечество обретет космическое единство [Krichevsky, Udartsev]. Весьма вероятно, что в будущем города, населенные

людьми, будут не только на Земле. Но прежде чем их основывать, необходимо достичь гармоничной жизни на Земле, основанной на сотрудничестве людей между собой и человека с природой, в противном случае принципы соперничества, безудержного потребления будут перенесены за пределы нашей планеты. Эффект обзора как раз ведет к достижению гармоничной жизни. Таким образом, эффект обзора представляет собой особый *опыт трансцендирования, выхода сознания за пределы своего обыденного состояния*, влекущий за собой осознание ответственности за судьбу Земли.

Холистическая онтология и выход из пещеры в занебесную область. Философия, в первую очередь идеалистическая платоническая философия, также стремится к выходу за пределы мира грубой материи в причинный, изначальный мир. Причем если искусство опирается на образы, то философия работает с понятиями, которые не ограничены той или иной формой выражения. Как известно, Платон утверждал, что в основе привычного для нас обыденного мира, уподобляемого им пещере, находится мир идей. Зачастую в современных дискуссиях о метафоре пещеры неправомерно игнорируется ее этическая составляющая, на это обращает внимание Петерсон [Peterson]. В ряде случаев данная составляющая может выступать и в неявном виде, например, когда говорится об угрозе сведения сознания к компьютерной симуляции [Миронов]. Однако центром мира идей, их источником является идея Блага, она аналогична Солнцу в нашем мире, то есть дает своей энергией жизнь всем идеям. С.П. Лебедев отмечает: «в хорошо известной аналогии “блага” и Солнца речь идет о превосходстве “блага” над истиной. Познание и истину Платон предпочитает считать лишь имеющими образ “блага”, но не самим “благом”, которое по своим свойствам представляется ему чем-то более ценным. “Благо” есть не просто что-то более ценное, а самое ценное, сама ценность, источник ценности и всякой оценки» [Лебедев: 34]. Благо — это не только то, к чему стремятся все живые существа, но и исходный импульс, и конечная цель развития природных процессов.

Мир идей или умопостигаемый мир Платон также обозначает как гиперуранию, то есть занебесную область, находящуюся над воспринимаемым нашим обычным телесным зрением небом. «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоем по достоинству. Она же вот какова (ведь надо наконец осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине): эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души — уму» [Платон: 187]. Гиперурания представляет собой нефизическое пространство, она совмещает в себе черты мира законов, моделей, идеальных образов науки и рая, царства блаженной и вечной жизни. *Сходство же гиперурании с околосемным космическим пространством в том, что она находится над землей, для того чтобы попасть туда, используется метафора полета.* Только в отличие от полета на ракете — это полет крылатой души, причем при восхождении в гиперурацию гораздо выше, чем у космонавтов, вероятность того, что ты не доберешься до цели после старта. Ведь достижению занебесной области мешают пороки, разлад в душе, недостаток мудрости и дерзания духа. В совершенной степени воспитать добродетели и преодолеть пороки сложно, едва ли не сложнее, чем запустить в космос ракету. У Платона невелико количество душ тех, кто смог выйти из тьмы пещеры и мрака невежества, где люди видят лишь тени, к свету знания, так же невелико количество космонавтов. Для Платона прорыв к миру идей обеспечивает

в первую очередь рациональное философское познание, но при этом для него важен и эрос — любовь к прекрасному как таковому. Единство рациональных и внерациональных познавательных способностей обеспечивает развитие человека, этот тезис справедлив как для Платона, так и для космической деятельности. Для космонавтов важны не только знания, но и мужество, решимость, стремление к новому и другие этические качества.

Родство гиперурании и мира идей еще и в том, что, побывав в них, при возвращении на нашу Землю человек становится их Посланцем. Космонавт и ученый Ю.М. Батурин отмечает, что «главная функция космонавтов — передавать свой опыт жизни и работы в Ином мире. <...> На пути домой Посланец уже не таков, каким уходил. Восприняв (поняв и прочувствовав) среду своего пребывания, он меняется. <...> Космонавты должны объяснять, как устроена жизнь там, где они были, и какие правила можно позаимствовать, чтобы не только выжить, но и осуществить свое предназначение на Земле» [Батурин: 25]. Сам путь в космос и возвращение оттуда дают человеку уникальный экзистенциальный опыт. Аналогично «многие последователи духовных практик используют метафору “пути”, чтобы описать процесс пробуждения и просветления» [White 2021: 50]. Причем это не просто путь в один конец, но практически всегда и движение назад с целью передать другим знания о том, как правильно пройти путь и что ожидает их по завершении определенного этапа пути.

Выдвинем обобщение: суть платонической линии мировой философии состоит в двух движениях духа: *во-первых, от нашего земного мира в мир изначального бытия и высших смыслов, во-вторых, в возвращении в наш земной мир с целью его как минимум обогащения новыми знаниями, а в идеале — свободного переустройства и преображения на основе красоты и гармонии.* При таком широком понимании платонической линии мировой философии к ней относятся многие философы Новейшего времени, например, Н.А. Бердяев, который, в отличие от Платона, не был объективным идеалистом. Бердяев — персоналист, его философия сконцентрирована вокруг антропологических проблем. В качестве задачи, стоящей перед человеком, он видит необходимость прорыва из обыденного мира, мира объективации, в котором существует множество угроз свободе человека: со стороны государства, модных идеологий, догматического религиозного мировоззрения, стремящихся подчинить себе человека, стандартизировать его, сделать объектом, вещью среди других вещей. Этот прорыв в мир вечного, лежащий вне границ пространства и времени, должен быть совершен благодаря свободному неугасимому творчеству духа. Философия Бердяева публицистична, он откликнулся на широкий круг социально-политических, художественных, этических вопросов, много исследований посвятил различным аспектам русской культуры, истории [Бердяев]. Он дает понимание причин тех или иных явлений, их *точную экзистенциально-антропологическую характеристику с точки зрения вечности.* Он опирается не на формализованные методы тех или иных социогуманитарных наук, а стремится показать, как важное культурное явление способствует или не способствует утверждению свободы человека, что оно отображает в первую очередь — тенденцию к объективации, овеществлению или дерзанию духа. Примечательно, что взгляд с точки зрения вечности, или на латыни “*Sub specie aeternitatis*”, охватывает не только прекрасное в жизни человека и общества, но и несовершенные явления вроде революций, войн, которые предстают в свете «первостепенной значимости духовных

факторов общественного развития» [Воскресенская: 88]. При возвращении на Землю космонавты, по крайней мере большая их часть, стремятся изменить её к лучшему, аналогично и взгляд с точки зрения вечности — это не равнодушие ко всем негативным явлениям, но их участливое восприятие, совмещенное с действиями по их преодолению.

Панпсихизм и активная роль разума во вселенной. К какой онтологии ведет эффект обзора? Для ответа на этот вопрос обратимся к книгам Ф. Уайта [White 2018] и астронома и мыслителя Э. Митчела [Mitchell, Williams]. Ф. Уайт для обоснования причин и места в мироздании эффекта обзора выдвигает гипотезу «Косма», или космо-гипотезу*. Космо-гипотеза включает в себя как эмпирически подтверждаемые тезисы, так и тезисы, напоминающие умозрительные, обосновываемые дедуктивным путем теоремы. Вот составляющие данной гипотезы. Некоторые космонавты пришли к убеждению, что они являются частью громадной целостной системы. Люди — живые, наделенные самосознанием разумные существа, и в то же время они — часть вселенной. Соответственно, и «космос является живым, осознающим себя и разумным» [White 2018: 32]. *Эволюция человечества влияет на космическую эволюцию, и задача человека состоит в расширении пространства жизни, сознания, и этому расширению способствует освоение космоса.*

Присутствующее у Уайта рассуждение — люди разумны, и они часть вселенной, значит, и вселенная разумна — отсылает к более общему вопросу. Следует ли из того, что часть целого наделена неким свойством, что и все целое наделено этим же свойством? При этом подразумевается, что данное свойство, а конкретно разум, является сущностным, важнейшим, а не случайным, вторичным для человека. Соответственно, если разум присущ космосу, то он будет играть в нем отнюдь не второстепенную роль. У человека есть ряд сущностных, атрибутивных черт, одна из них — прямохождение и, конечно же, из того, что человек является прямоходящим существом, не следует, что данное свойство можно отнести ко всему космосу. На данном контр-примере видно, что переход от сущностных свойств части целого к качествам всего целого по крайней мере в данном случае целого неправомерен. Отсюда следует не то, что сознание в той или иной форме не присуще всему космосу, а то, что переход от части к целому во многих случаях неправомерен. Чтобы такой переход был состоятелен, должно быть предварительное знание о структуре и законах развития целого. Так, имея знание о клеточном строении человека, найдя волос и исследовав его, мы можем заключить, что конкретному человеку присуще определенная ДНК. Конечно, такие заключения возможны лишь по отношению к системам, а не к явлениям, просто пересекающимся во времени и пространстве. Что мы можем утверждать о Вселенной как о целом? Выскажем гипотезу, что *сознание и жизнь не случайные, а важнейшие свойства вселенной, поскольку в космосе происходит процесс направленной эволюции: от неорганического к органике, жизни и далее к разуму.* Многие планеты могут остановиться или замереть на неорганической стадии, но при этом цель космоса в целом состоит в достижении более высоких ступеней развития. Разум на Земле влияет на жизнь всей планеты, а гипотетические вземные цивилизации могут влиять на жизнь звездных систем, галактик, и не противоречит естественнонаучной картине мира предположение о том, что сверхразвитые цивилизации способны порождать новые миры.

* Мы будем использовать последний термин, так как он представляется более благозвучным с точки зрения русского языка.

Циолковский выдвигал метафизический тезис о том, что в основе вселенной находится атом-дух [Циолковский], при современном обосновании панпсихизма, к которому с одобрением относится Уайт, распространено обращение к метафоре компьютера. Это представление о космосе как о гигантском целом, которое обрабатывает информацию и производит процесс, аналогичный человеческому мышлению. Уайт обращается к данному информационному подходу, он пишет о том, что *в космосе происходят взаимосвязанные, согласованные процессы, и весьма вероятно, но нельзя однозначно утверждать, что есть универсальный космический разум*. Уайт пишет, что даже если более могущественный, чем человеческий, разум и существует, а не мы творим его, то это не так критично, принципиально, как может показаться [White 2018: 58]. С этим сложно согласиться, ведь если универсальный космический разум есть, что лично нам кажется весьма вероятным, то он изначально направил все процессы в мироздании и сейчас влияет на них тем или иным образом. Однако в любом случае, *принимается космический разум или нет, человеку следует держаться в освоении космоса, постижении и приобщении к беспредельной целостности бытия*. Экологическая и аксиологическая составляющая, связанная с пониманием красоты космоса и устремленного ввысь человека, отличает Уайта от многих технологически ориентированных современных исследователей. Так, он не превозносит компьютерную метафору и использует ее лишь как одну из иллюстраций разумности космоса. Уайт в своей книге упоминает и диалектическую модель Эдгара Митчелла. Философски точнее будет обозначить эту модель как дуалистическую.

Митчелл — не только астронавт, испытавший на орбите экстатическое единение с космосом, напоминающее самадхи восточных религий, но и глубокий мыслитель. Он хорошо знал как базовые концепции, логику развития естественных наук, так и наследие мировых религий, и он достаточно профессионально ориентировался в идеях великих философов. Дуалистическая модель предполагает, что *«разум и материя не являются обособленными друг от друга сферами, они, скорее, два неразделимых аспекта единой эволюционирующей реальности»* (Курсив наш. — П.А., А.А.) [Mitchell, Williams: 160]. Причем и разум, и материя взаимозависимы, что означает, что разум (в данном контексте слово «разум» используется как синоним сознания) тесно связан, опирается на материю или энергию как на то, посредством чего он проявляется, обретает реальное бытие. От себя добавим, что материя разума — это не грубое вещество, а особая тонкая материя, её в духовном опыте способны воспринимать религиозные подвижники. А также имеют под собой основание научно-философские квантовые концепции сознания, ведь если человеческая мысль влияет на нейроны, материю мозга, то почему она не может влиять на квантовую материю? Митчелл же, опираясь на квантовую нелокальность и взаимозависимость, постулирует существование изначальной недвойственной реальности, аналогичной квантовому вакууму. Из этой реальности возникает вселенная, в которой будут развиваться сознательные существа. Митчелл отмечает, что в основе всего есть только эта реальность, и ничто не предсуществует ей, он отвергает идею личного Бога, провозглашающий приоритет вечного мира идей платонизм, теорию случайного возникновения вселенной. На наш взгляд, эта критика платонизма во многом не оправдана, идей при возникновении мира не было в том смысле, что у них не было объективного бытия, отсутствовала материя, пространство, где они могли бы себя проявить, и корректным в этой связи будет утверждение их

бытия как бы в потенциале. Если бы эти идеи, а конкретнее — законы природы отсутствовали и в потенциале, то крайне маловероятно, что хаотическая материя могла бы организоваться во что-то структурированное и, главное, устойчивое в течение длительного времени. Таким образом, Митчелл достаточно критически настроен по отношению к распространенным онтологическим и космологическим концепциям и стремится разработать собственную теорию, но и она не нова, и в первом приближении напоминает даосизм. Один из основных призывов Митчелла — мыслить самостоятельно, творчески и прилагать свободные усилия по совершенствованию своего сознания. Он не без юмора замечает: «Ангелы-хранители, ченнелинговая информация, посещение инопланетян или просто пролонгированная государственная субсидия — все это формы отсрочки того неизбежного дня, когда мы должны признать свою ответственность за себя и полное использование наших внутренних ресурсов для большего блага» [Mitchell, Williams: 247]. Примечательно, что Митчелл неоднократно в своих выступлениях в СМИ отмечал, что инопланетяне существуют и несут Земле скорее добро, чем угрозу. Между этими высказываниями в СМИ и приведенной выше цитатой можно усмотреть противоречие, так как в цитате Митчелл как бы говорит о нереальности инопланетян и прочих форм сверхъестественного воздействия. Вряд ли Митчелл писал в своем самом серьезном труде одно, а говорил в популярных выступлениях совершенно другое, или существенно скорректировал свою позицию. Скорее дело в следующем: в приведенной цитате, если воспринимать её в контексте других идей астронавта, речь идет о том, что *главное — это свободные эволюционные действия и развитие мышления*, и если их нет, то человек впадает в суеверия, и никакие духовные силы не будут в состоянии ему помочь.

Заключение. В заключение тезисно отметим следующие моменты. Во-первых, гуманистическому по своему воздействию эффекту обзора противостоит потребительское отношение к космосу, желание извлечь максимальную прибыль, пользу от овладения им. Эффект обзора можно рассматривать как один из аспектов формирования космического мировосприятия, в котором преобладает не эгоистический, нарциссический, а глобальный, духовно-экологический взгляд на проблемы и противоречия как индивидуального, так и общественного развития. Во-вторых, труды осмысливавших эффект обзора космонавта и мыслителя Э. Митчелла и писателя и ученого Ф. Уайта содержат в себе идеи холизма, панпсихизма. Они вписываются в платоническую линию философии, для которой важна визуальная метафора ясного видения вне сумрака пещеры, а также метафора полета в небесную область идеального, изначального бытия.

Список литературы / References

- Батурин Ю.М. Властелины бесконечности: космонавт о профессии и судьбе. М.: Альпина Паблишер, 2018. 674 с.
 (Baturin Ju.M. The Lords of infinity. Cosmonaut about profession and destiny, Moscow, 2018, 674 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. М.: Юрайт, 2018. 175 с.

- (Berdjaev N.A. The meaning of the story. The experience of the philosophy of human destiny, Moscow, 2018, 175 p. — In Russ.)
- Воскресенская М.А. Культурософская критика русской революции в философской публицистике Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 88—92.
- (Voskresenskaja M.A. Culturosophical criticism of the Russian Revolution in N.A. Berdyaev's philosophical journalism, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018, no. 431, pp. 88—92. — In Russ.)
- Лебедев С.П. Единое и благо в теологии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 1. С. 29—37.
- (Lebedev S.P. The Unified and the Good in Plato's Theology, *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 29—37. — In Russ.)
- Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 1. С. 4—24.
- (Mironov V.V. Plato and the modern cave of big-data, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija*, 2019, vol. 35, no. 1, pp. 4—24. — In Russ.)
- Платон. Федр // Платон: сочинения в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. С. 161—229.
- (Platon. Fedr, *Platon, Complete Works in 4 vol.*, St. Petersburg, 2007, vol. 2, pp. 161—229. — In Russ.)
- Циолковский К.Э. Космическая философия: сборник. М.: ИДЛи: Сфера, 2004. 496 с.
- (Ciolkovskij K.Е. Cosmic philosophy. Collection of papers, Moscow, 2004, 496 p. — In Russ.)
- Abramov P., Ivanov A. The Realism and Evolutionary Personalism of N.O. Lossky, *Sophia*, 2020, vol. 59, no. 4, pp. 767—778.
- Kanas N. Spirituality, humanism, and the overview effect during manned space missions, *Acta Astronautica*, 2020, vol. 166, pp. 525—528.
- Krichevsky S., Udartsev S. Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, no. 2 (23), pp. 30—52.
- Mitchell E., Williams D. The Way of the Explorer: An Apollo Astronaut's Journey Through the Material and Mystical Worlds. Revised edition, Newburyport, 2008, 288 p.
- Musk E. Making Humans a Multi-Planetary Species, *New Space*, 2017, no. 2 (5), pp. 46—61.
- Nezami A. The Overview Effect and Counselling Psychology: Astronaut Experiences of Earth Gazing. Unpublished doctoral thesis, London, 2017, 272 p.
- Peterson V.V. Plato's Allegory of the Cave: literacy and "the good", *Review of Communication*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 273—287.
- White F. The Cosma Hypothesis: Implications of the Overview Effect. Morgan Brook Media, 2018, 269 p.
- White F. The Overview Effect: Space Exploration and Human Evolution, 4rd edition, Multiverse publishing, 2021, 630 p.
- Yaden D.B., Iwry J., Slack K.J. & others. The overview effect: Awe and self-transcendent experience in space flight, *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 1—11.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 24.01.2023.

The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 24.01.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Абрамов Петр Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии, Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия, abramovpd@gmail.com

Abramov Petr Dmitrievich — PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, abramovpd@gmail.com

Абрамова Анастасия Ивановна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной и вычислительной математики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, govorovaai@mail

Abramova Anastasia Ivanovna — PhD (Mathematics), Associate Professor of the Department of Applied and Computational Mathematics, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, govorovaai@mail

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 157—166.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 157—166.

Научная статья

УДК 1: 347.77

DOI: 10.46726/И.2023.1.16

КРИЗИС ЧАСТНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВСЕОБЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Юрий Викторович Лоскутов

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия, yuri-loskutov@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи — кризис частной интеллектуальной собственности, который в культуре имеет следствием собственно разрушение права частной собственности, равно как и торможение развития образования и творчества. Анализируются факторы социализации интеллектуальной собственности в рамках социально-философского дискурса. Зафиксировано, что существующие правовые приемы не дают окончательного варианта решения этого вопроса. Автор рассматривает социализацию интеллектуальной собственности через обращение к марксовской категории «всеобщий интеллект». Проанализированы две основные интерпретации этого понятия: «технократическая», для которой всеобщий интеллект — это аккумулированные машинные мощности капитала, и «антропологическая», согласно которой всеобщий интеллект — это совокупный интеллект общества, выраженный прежде всего в живом труде. «Антропологическая» трактовка рассматривается в качестве приоритетной в силу того, что материальной субстанцией общественного развития выступают сами трудящиеся люди, а не производимая ими техника. Сделан вывод, что всеобщий труд и всеобщий интеллект как его субъективная сторона создают объективные предпосылки для преодоления «превратности» капиталистических производственных отношений, в том числе отношений частной интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, капитализм, всеобщий интеллект, всеобщий труд, социальная субстанция

Для цитирования: Лоскутов Ю.В. Кризис частной интеллектуальной собственности и всеобщий интеллект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 157—166.

Original article

THE CRISIS OF PRIVATE INTELLECTUAL PROPERTY AND GENERAL INTELLECT

Yuri V. Loskutov

Perm State University, Perm, Russian Federation, yuri-loskutov@mail.ru

Abstract. In the focus of the author's attention is a crisis of private intellectual property, which in culture leads to the destruction of private property, as well as inhibiting the development of education and creativity. The factors of socialization of intellectual property are analyzed in the framework of the socio-philosophical discourse. It is recorded that existing legal techniques do not give the final option for resolving this issue. The author considers the socialization of intellectual property through an appeal to the Marx category of "general intelligence". Two main interpretations of this concept are analyzed: "technocratic", for which universal intelligence is accumulated machine capacities of capital, and "anthropological", according to which universal intelligence is the aggregate intelligence of society, expressed primarily in live work. The "anthropological" interpretation is considered as a priority due to the fact that the working people themselves, and not the technique they produce, are the material substance of social development. It is concluded that universal work and universal intelligence as its subjective side create objective prerequisites for overcoming the "vicissitudes" of capitalist production relations, including relations of private intellectual property.

Keywords: intellectual property, capitalism, general intellect, universal labour, social substance

For citation: Loskutov Yu.V. The crisis of private intellectual property and general intellect, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 157—166.

Сегодняшний кризис частной интеллектуальной собственности выступает внешним симптомом фундаментальных процессов, происходящих при формировании ноосферы. Противоречие между всеобщностью культуры и частной собственностью либо разрушает право частной собственности, либо тормозит развитие творческой деятельности [Бузгалин, Колганов: 479] и образования [Лессиг: 208]. Но благодаря чему можно социализировать интеллектуальную собственность? Этот вопрос является дискуссионным.

Интеллектуальная собственность традиционно выступает объектом юридического анализа, однако для решения вопроса об оптимальной для общественного развития форме этой собственности одной только правовой теории недостаточно — требуется социально-философский подход. Тем более, что подавляющее большинство актов перемещения интеллектуальной собственности в современном обществе производится под воздействием институтов традиции и морали, а не под воздействием права [Орехов: 91].

Собственность — это отношения между людьми по поводу присвоения [Оконская: 12]. Для характеристики собственности важна природа того, что присваивается: «*Всякий субстанциональный (субстратный) объект собственности или материален (вещественная собственность), или интеллектуален, идеален (интеллектуальная собственность)*» [Орехов: 57]. Поскольку знание бывает субъектным либо объективированным, постольку интеллектуальная собственность также бывает субъектной либо объективированной [Там же: 63]. Субъектную интеллектуальную собственность можно рассматривать как

собственность индивида на свою рабочую силу в субъективном, идеальном аспекте последней. Собственность на рабочую силу является определяющей по отношению к собственности на средства производства и на предметы потребления, так как рабочая сила возникает раньше порождаемых ею вещей [Оконская: 14, 21]. Объективированная же интеллектуальная собственность применительно к сферам искусства и производства и есть то, что именуется «интеллектуальной собственностью» в ее правовом значении [Орехов: 65].

На Западе «права интеллектуальной собственности» включают авторские и смежные права: (“copyright”), патентные права (“patent rights”), права дизайнера (“design rights”), права на товарные знаки (“trademark rights”), ноу-хау (“trade secrets rights”) и др. [Карцхия: 11]. Неудивительно, что именно в западных странах, ставших «первопроходцами» капитализма, впервые была введена защита авторских прав на произведения литературы и искусства, ведь копирайт — это плод капиталистической конкуренции, это «проекция буржуазной антропологии с ее преуспевающими атомарными индивидами-деятелями на сферу творческой активности» [Корецкая: 90]. На сегодняшнем Западе, под влиянием неолиберальной Чикагской школы экономики, возобладал проприетарный подход к авторскому праву, подразумевающий полный контроль автора над своим произведением по аналогии с правом собственности на вещь [Карцхия: 14]. Тем не менее большая часть доходов от авторских и смежных прав уходит не самим авторам, а корпорациям — копирайт обеспечивает последним защиту их инвестиций [Смирс, ван Схендел: 19, 21]. С помощью политических и правовых методов корпорации стремятся установить монополию своего копирайта на культуру, «для того, чтобы ничто больше точно не перешло в статус общественного достояния, <...> когда использования контента, неконтролируемого коммерчески, вовсе не останется» [Лессиг: 231]. Сходная ситуация наблюдается и в области патентного права — корпорации, ограничивая с корыстными целями обмен информацией, препятствуют развитию научно-технического знания [Smith: 229]. Тем не менее рыночному сбыту знаний мешает то, что субстанцией рыночной экономики является «измеримый в единицах времени абстрактный, товарообразный труд. Кристаллизованное в товаре среднее количество труда определяет в конечном счете отношение эквивалентности товара — его меновую стоимость. Однако <...> знание <...> уже не допускает сведения к единому знаменателю и измерения в единицах стоимости и времени. Знание — это не обычный товар, его стоимость невозможно определить, его можно бесконечно бесплатно размножать, поскольку оно поддается компьютерной обработке» [Горц: 82].

Со стороны авторов имеют место попытки борьбы с корпорациями за частную интеллектуальную собственность, что порождает соответствующую индивидуалистическую идеологию установления частной авторской монополии на копирайт — даже в ущерб интересам государства [Орехов: 72, 82—83, 140]. Однако в случае торжества авторской монополии на копирайт «нам, потребителям, не дается свободы слова. Никакого диалога, соответственно, не получается, и преимущество отдается одной стороне, а именно — владельцу прав. Он остается единственным лицом, имеющим возможность каким-либо образом корректировать свое художественное произведение. В результате ни другие художники, ни мы, обычные граждане, не имеем права к нему прикасаться. Нам дозволяется лишь потреблять — в прямом и в переносном смысле слова — и держать свое мнение при себе. Для демократического общества этого мало» [Смирс; ван Схендел: 11].

Цинизм Запада состоит в том, что он сам развивался в Новое время в условиях минимального влияния со стороны только формировавшихся копирайта и патентного права, но сегодня Запад требует от Третьего мира соблюдать их в полном объеме со всеми их теперешними жесткими ограничениями. Таким образом, необходимые для бедных стран знания находятся исключительно в платном доступе, к тому же требующем предварительного разрешения со стороны правообладателя [Смирс; ван Схендел: 26, 45]. Помимо прочего, этот платный доступ касается владения генетическими данными о растениях: «Глобальный Север генетически беден в том, что касается видов растений, и в то же время огромным множеством запатентованных видов растений владеют как раз на Севере. Глобальный Юг генетически богат видами растений, но на его долю приходится мало патентов. Более того, многие из патентов, которыми владеют на Севере, базируются на информации, полученной из генетического сырья, обнаруженного в растениях на Юге. Богатство Севера приносит прибыль, находясь в частной собственности, тогда как богатство Юга бесприбыльно» [Хардт, Негри: 227]. Схожая ситуация сложилась и в сфере лекарственного обеспечения. Например, правительство США заблокировало снабжение ЮАР американскими лекарствами от СПИДа: «Поток, который Соединенные Штаты остановили, был притоком знаний — информация о том, как взять препараты, имеющиеся в Африке, и смешать их в лекарства, которые спасут 15—30 миллионов жизней. ... Медикаменты в Африку не пустили именно из-за покушения на “интеллектуальную собственность”» [Лессиг: 235].

Попытки прогрессивной западной общественности как-то ограничить всевластие копирайта недостаточно эффективны. Популярны сегодня лицензии Creative Commons хотя и способствуют распространению культурного наследия, но не дают ответа на вопрос об устойчивом источнике авторских доходов и ограничены лишь сообществами добровольцев [Смирс; ван Схендел: 69—70]. Эти лицензии делают акцент на распределении культурных благ, а не на их производстве, которое само по себе проблематично и затратно, в силу чего культурные блага не являются такими бездефицитными, какими их представляют себе многие противники копирайта [Леонов, Смирнова: 57]. Для того чтобы обеспечить основную массу авторов доходами, Й. Смирс и М. ван Схендел предлагают отменить копирайт и одновременно демонополизировать рынок произведений культуры [Смирс; ван Схендел: 71, 78], но объективные законы рыночной экономики всё равно приведут рынок к монополизации.

В нашей стране проприетарный подход распространения не получил — в российском авторском праве еще в 1911 г. термин «собственность» был заменен понятием «исключительные права» [Каравай: 176]. «В противовес проприетарной конструкции концепция исключительных прав принципиально различает правовой режим материальных вещей и правовой режим нематериальных объектов (художественных и промышленных произведений). В отличие от права собственности, которое в принципе бессрочно и не подвержено каким-либо территориальным ограничениям, права авторов и изобретателей ограничены во времени и в пространстве; исключительные права защищаются с помощью правовых способов, не относящихся к числу вещно-правовых способов защиты; право на творческий результат тесно связано с личностью его создателя. Само же использование в законодательстве термина “интеллектуальная собственность” является условным и своего рода данью исторической традиции» [Карцхия: 9]. Кроме того, в структуре исключительного

права, в отличие от права собственности, отсутствует правомочие владения [Каравай: 178]. В самом деле, «если вы пытаетесь “владеть” какой-то информацией <... > ваша проблема заключается в том, что она не приходит в негодность вследствие ее использования, и что человек, потребляющий ее, не может не допустить, чтобы ее потреблял другой человек» [Мейсон: 172].

Российский подход к авторскому праву более чем западный соответствует тенденциям развития информационной экономики, которая «будет основываться более на отношениях, чем на владении. Одна из уже существующих моделей для передачи интеллектуальной собственности в будущем — это исполнение в режиме реального времени, средство, в настоящее время используемое лишь в театре, музыке, лекциях, эстрадных импровизациях и педагогике. <... > Другая модель — это, разумеется, обслуживание. Представители целого ряда профессий — врачи, юристы, консультанты, архитекторы и т. д. — уже сейчас получают плату непосредственно за свою интеллектуальную собственность. Зачем вам авторские права, если вам платят гонорар?» [Барлоу].

Еще Л. Фейербах указывал на то, что «искусства и науки процветают лишь во взаимодействии людей, они не есть частная собственность; они суть общественная собственность человечества; они та область, где пользующийся дурной славой коммунизм уже стал истиной» [Фейербах: 259]. Однако сегодняшнее обсуждение вопроса о преодолении частной интеллектуальной собственности проистекает преимущественно из идеи всеобщего интеллекта (“general intellect”), выдвинутой К. Марксом при рассмотрении феномена всеобщего труда, разрушающего капитализм: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [Маркс: 215]. К. Маркс не успел дать развернутое изложение природы всеобщего интеллекта, что породило среди марксистов и постмарксистов большое количество различных интерпретаций содержания данного термина. При этом две основные интерпретации всеобщего интеллекта можно обозначить как «технократическую» (Н. Дайер-Визефорд, А.М. Кьосен, Дж. Стейнхофф) и «антропологическую» (П. Вирно, А. Горц).

«Технократическая» интерпретация рассматривает всеобщий интеллект как аккумулярованные машинные мощности капитала, которые вытесняются из общественного человеческого труда [Dyer-Witthford, Kjosen, Steinhoff: 31—32]: «Знания социального индивида становятся непосредственной силой производства, но только (и этот момент часто упускается из виду) после того, как они будут реализованы в машинах, потому что только в объекте, внешнем по отношению к человеческому телу, человеческие навыки и знания могут быть социальными, то есть обобщенными» [Там же: 63]. С этой «технократической» точки зрения, «капитал постоянно вычленяет и имитирует

аспекты социального мозга, внедряя их в машины и добавляя их к всеобщему интеллекту. <...> Чем большую часть социального мозга захватывает всеобщий интеллект, тем мощнее становится капитал» [Там же: 64]. Прежде всего так «захватываются» человеческие способности к восприятию и познанию [Там же: 67], а в перспективе — и человеческие способности к воображению и творчеству [Там же: 111].

«Технократы» заявляют о теоретической возможности создания особой машины — «искусственного всеобщего интеллекта», способного трудиться подобно человеку и производить стоимость подобно абстрактному человеческому труду [Там же: 110]. При этом они ссылаются на К. Маркса [Маркс: 281], но для последнего машина, создающая стоимость, выступает не более чем мысленным экспериментом, родственным утопической идее «вечного двигателя». В отличие от Маркса, «технократы» считают создание такой машины реальной перспективой, которая приведет к «капитализму без человека» [Dyer-Witheford, Kjösen, Steinhoff: 111], потенциально угрожающему принести в жертву коренные условия существования человечества в угоду абстрактной максимизации прибыли [Там же: 151—152].

Мысль о «трудящейся» машине «технократы» основывают на явно идеалистическом, то есть неадекватном своему предмету прочтении марксистской материалистической философии: «Аргументы Маркса о том, почему только люди могут трудиться, можно переформулировать следующим образом: люди могут трудиться потому, что они в целом разумны. <...> Основание понятия труда на всеобщем интеллекте разрывает внутреннюю связь этого понятия с человеком и, следовательно, теоретически допускает возможность того, что какое-то другое существо, обладающее всеобщим интеллектом, может трудиться» [Там же: 126, 125]. При этом на задний план отходит вопрос, насколько на самом деле такая машина «разумна»: «Труд также может быть отделен от самосознания. Должен ли человек быть эталоном креативности, воображения и интеллекта — даже сознания — не имеет значения; всё, что важно для капитала — это то, что эти способности имитируются. В век интеллектуальных машин “китайская комната” вполне может стать скрытой обителью производства» [Там же: 127].

Напротив, «антропологическая» интерпретация всеобщего интеллекта делает акцент не на машинах, а на самом человеке. С данной точки зрения, всеобщий интеллект — это «совокупный интеллект общества, абстрактная мысль, ставшая опорой общественного производства» [Вирно: 73]. Такая трактовка предполагает, что всеобщий интеллект — это не только система машин, но и «коммуникация, абстракция, саморефлексия живых субъектов. Допустимо утверждение, что для самой логики экономического развития необходимо, чтобы часть General Intellect не затвердевала бы в постоянном капитале, а развивалась в коммуникативном взаимодействии, в форме эпистемологических парадигм, диалогических перформансов и языковых игр» [Там же: 75]. Всеобщий интеллект включает в себя концептуальные и логические схемы, формальные и неформальные знания, воображение, нравственные представления, предрасположенность к обучению, память, способность к абстрагированию и саморефлексии [Там же]. К этому списку можно добавить интуицию и художественные способности [Горц: 41]. Таким образом всеобщий интеллект становится свойством живого труда, обеспечивающим успешную коммуникацию между трудящимися [Вирно: 138]. При этом основной формой, в которой обнаруживает себя сегодня всеобщий интеллект — это «массовая интеллектуальность», которая «связана не с произведениями мысли (книги, алгебраические формулы и т. п.),

но с простой способностью мыслить и говорить» [Там же: 140]. Индивид овладевает всеобщим интеллектом самостоятельно [Горц: 28], однако, как заметили еще К. Маркс и Ф. Энгельс, «современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе» [Маркс, Энгельс: 68].

Следует предпочесть «антропологическую» трактовку всеобщего интеллекта «технократической» в силу того, что материальной субстанцией общественного развития, включая развитие интеллекта, выступают сами трудящиеся люди, а не производимая ими техника [Лоскутов: 92—135].

Представители как «технократической», так и «антропологической» интерпретации всеобщего интеллекта признают следующий непреложный факт — пока что не сбылись гуманистические надежды К. Маркса на то, что всеобщий интеллект покончит с капитализмом. Более того, всеобщий интеллект сегодня нередко обслуживает превратные (превращенные) общественные формы, характерные для капиталистического социума, усиливая их воздействие на людей — главным образом, именно в этих формах сегодня производятся, распространяются и потребляются информационные продукты [Бузгалин: 27—28]. Осуществляющееся с помощью всеобщего интеллекта разрушение производства, основанного на меновой стоимости, не приводит непосредственно к коммунизму. Это разрушение в условиях капитализма «действительно реализуется, но, как ни странно, без революционных или даже конфликтных последствий. Вместо множества кризисов диспропорция между ролью знаний, объективированных в машинах, и снижением значимости рабочего времени породила новые и стабильные формы господства. Располагаемое время, потенциальное богатство, проявляется как бедность: вынужденное увольнение, ранний выход на пенсию, структурная безработица и распространение иерархий» [Virno]. Действительно, разработка искусственного интеллекта (с помощью человеческого всеобщего интеллекта) отвечает сегодня прежде всего интересам капитала [Dyer-Witheford, Kjosen, Steinhoff: 7], в результате чего всеобщий интеллект приводит в условиях капитализма к «замене журналистов агрегаторами новостей, переводчиков — программами перевода, юристов — экспертными системами поиска прецедентов, фотографов — фотоботами, поп-звезд — виртуальными голографическими исполнителями, а биржевых маклеров — роящимися искусственными интеллектами» [Dyer-Witheford: 184]. Однако от всеобщего интеллекта страдают и те люди, которые не теряют свои рабочие места, так как жестко алгоритмизированные информационно-технологические системы (например, применяющиеся сотрудниками колл-центров и банков) «навязывают реальное подчинение живого труда капиталу не меньше, чем машинные системы времен Маркса навязывали реальное подчинение фабричным рабочим девятнадцатого века» [Smith: 230]. П.Н. Кондрашов задается закономерным вопросом: «Если “всю материальную работу” будут выполнять “умные машины”, работа которых основана на анализе больших массивов данных, собираемых датчиками обо всем и вся, где здесь человек как *свободный субъект*, если он в своем базисном бытии напрямую зависит от работы машин, которые *принимают решения вместо него?*» [Кондрашов: 155]. Развитию человеческой субъектности препятствует и то, что всеобщий интеллект с помощью компьютерных социальных сетей и удаленной работы способствует укреплению атомистических, формальных, поверхностных общественных связей, характерных для капитализма [Там же: 156].

Открытые программные коды, написанные энтузиастами-любителями, выступают сегодня для капитала таким же необходимым «бесплатным даром», каким ранее выступал для капитала рост населения. Подобные «бесплатные дары» не ослабляют, а укрепляют власть капитала [Smith: 228]. Это касается не только программного обеспечения, но и разнообразной личной информации, попадающей в Интернет и накапливающейся затем в форме “big data” [Дин: 91].

Можно ли гуманизировать социальные воздействия всеобщего интеллекта? Положительный ответ на этот вопрос заключается в обращении к всеобщему труду, субъективной стороной которого является всеобщий интеллект [Гриценко, Жаврид: 25]. Во всеобщем труде объективно преодолевается противоположность между физическим и умственным трудом, в результате чего запускается «процесс превращения частнокапиталистической собственности в индивидуализированную на основе превращения человека в собственника своей рабочей силы» [Оконская: 107]. Индивидуализация собственности — это «такое соединение человека со своей рабочей силой, при котором он ни в чем не нуждается для того, чтобы начать и довести до логического завершения процесс труда, сфокусированный в определенной цели» [Там же: 98]. Никакая технология, даже универсальным образом объединяющая человеческую деятельность, сама по себе не уничтожает капитализм — он может поставить себе на службу любую технологию. Исторические эпохи меняются не благодаря технологическим изменениям, а благодаря эволюции человека как родового существа. Становление всеобщего труда — это объективный, материальный процесс, объективный аспект становления родовой и индивидуальной человеческой сущности, подрывающий капиталистические производственные отношения, в том числе отношения частной интеллектуальной собственности. Этот процесс в силу своей объективности в конечном счете не зависит от реализующегося сегодня субъективного желания капитала эксплуатировать всеобщий интеллект в своих частных интересах. Политическая борьба может ускорить процесс уничтожения частной интеллектуальной собственности, но последняя обречена не в силу политической борьбы против копирайта, а в силу производственной необходимости, в которой выражена объективная необходимость становления сущностных сил человека.

Список литературы / References

- Барлоу Дж.П. Продажа вина без бутылок: экономика сознания в глобальной Сети // Русский журнал. 1999. 7 апреля. URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/barlou.txt> (дата обращения: 20.08.2022).
- (Barlou J.P. Selling Wine Without Bottles: The Economics of Consciousness on the Global Web, *Russian journal*, 1999, 07 April. — In Russ.)
- Бузгалин А.В. Из царства необходимости в царство свободы: творческий марксизм Э.В. Ильенкова и вызовы социализму в условиях «постиндустриального общества» // Эвальд Ильенков и социализм: сборник научных статей / под ред. проф. С.Н. Мареева. М.: Б. и., 2002. С. 20—52.
- (Buzgalin A.V. From the realm of necessity to the realm of freedom: the creative Marxism of E.V. Ilyenkov and challenges to socialism in the conditions of “post-industrial society”, *Mareev S.N. (ed.) Evald Ilyenkov and socialism: collection of scientific articles*, Moscow, 2002, pp. 20—52. — In Russ.)
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 1. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
- (Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global capital, vol. 1, Moscow, 2015, 640 p. — In Russ.)

- Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
(Virno P. Grammar of multitude: to the analysis of forms of modern life, Moscow, 2013, 176 p. — In Russ.)
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
(Gorts A. Immaterial. Knowledge, value and capital, Moscow, 2010, 208 p. — In Russ.)
- Гриценко В.С., Жаврид С.А. Всеобщий труд и капитал. Современные противоречия // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 22—32.
(Gritsenko V.S., Zhavrid S.A. Universal labor and capital. Modern contradictions, *Questions of political economy*, 2016, no. 3, pp. 22—32 — In Russ.)
- Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85—116.
(Din J. Communism or neo-feudalism?, *Logos*, 2019, vol. 29, no. 6, pp. 85—116. — In Russ.)
- Каравай Т.В. Понятие и общая природа интеллектуальных прав // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1 (42). С. 175—182.
(Karavai T.V. The concept and general nature of intellectual rights, *Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2015, no. 1 (42), pp. 175—182. — In Russ.)
- Карцхия А.А. Права интеллектуальной собственности и концепция общественного достояния // Мониторинг правоприменения. 2013. № 3. С. 8—23.
(Kartskhiia A.A. Intellectual Property Rights and the Public Domain Concept, *Monitoring of law enforcement*, 2013, no. 3, pp. 8—23. — In Russ.)
- Кондрашов П.Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150—159.
(Kondrashov P.N. Postcapitalism as a new social inter/trans-formation, *Sociological studies*, 2020, no. 2, pp. 150—159. — In Russ.)
- Корецкая М.А. Смерть автора и авторское право: парадоксы современной креативности // *Mixtura verborum' 2011: метафизика старого и нового*. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011. С. 84—107.
(Koretskaia M.A. Death of the Author and Copyright: Paradoxes of Modern Creativity, *Mixtura verborum' 2011: metaphysics of old and new*, Samara, 2011, pp. 84—107. — In Russ.)
- Леонов В.Е., Смирнова А.П. Концепция бездефицитности информационного блага в эпоху постиндустриального общества // Петербургский экономический журнал. 2017. № 1. С. 50—59.
(Leonov V.E., Smirnova A.P. The concept of deficiency-free information good in the era of post-industrial society, *Petersburg economic journal*, 2017, no. 1, pp. 50—59. — In Russ.)
- Лессиг Л. Свободная культура. М.: Прагматика Культуры, 2007. 272 с.
(Lessig L. Free culture, Moscow, 2007, 272 p. — In Russ.)
- Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции: монография. Пермь: ПГНИУ, 2021. 277 с.
(Loskutov Yu.V. Introduction to social substance theory, Perm, 2021, 277 p. — In Russ.)
- Маркс К. Экономические рукописи 1857—59 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. С. 5—521.
(Marx K. Economic manuscripts of 1857—59, *Marx K., Engels F. Works*, vol. 46, pt. 2, Moscow, 1969, pp. 5—521. — In Russ.)
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7—544.

(Marx K., Engels F. German ideology, *Marx K., Engels F. Works*, 2-nd ed., vol. 3, Moscow, 1955, pp. 7—544. — In Russ.)

Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

(Meison P. Postcapitalism: A Guide to Our Future, Moscow, 2016, 416 p. — In Russ.)

Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность в информационную эпоху, социогенез и перспективы развития. Пермь, 2018. 276 с.

(Okonskaia N.K. Intellectual property in the information age, sociogenesis and development prospects, Perm, 2018, 276 p. — In Russ.)

Орехов А.М. Интеллектуальная собственность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

(Orekhov A.M. Intellectual Property, Moscow, 2009, 224 p. — In Russ.)

Смирс Й., ван Схендел М. Представьте, что копирайта нет. М.: Классика-XXI, 2012. 163 с.

(Smirs I., van Skhendel M. Imagine there is no copyright, Moscow, 2012, 163 p. — In Russ.)

Фейербах Л. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии // Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 197—322.

(Feïerbakh L. The Question of Immortality in Anthropological Perspective, *Feïerbakh L. Works: in 2 vols*, Moscow, 1995, vol. 1, pp. 197—322. — In Russ.)

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

(Khardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire, Moscow, 2006, 559 p. — In Russ.)

Dyer-Witheford N. Cyber-Proletariat: *Global Labour in the Digital Vortex*, Toronto: Between the Lines, 2015, 248 p.

Dyer-Witheford N., Kjösen A.M. and Steinhoff J. Inhuman Power. Artificial Intelligence and the Future of Capitalism, London: Pluto Press, 2019, 224 p.

Smith T. The ‘General Intellect’ in the Grundrisse and Beyond, *Marx's Laboratory: Critical Interpretations of the Grundrisse*, BRILL, 2014, pp. 213—231.

Virno P. General Intellect, *Zanini A., Fadini U. (eds.) Lessico Postfordista*, Milano, Feltrinelli, 2001.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, yuri-loskutov@mail.ru

Loskutov Yuri Viktorovich — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Perm State University, Perm, Russian Federation, yuri-loskutov@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 167—178.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 167—178.

Научная статья

УДК 316.75:32

DOI: 10.46726/И.2023.1.17

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС И МОЗАИЧНОСТЬ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ COVID-19

Анна Сергеевна Николаева

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, anikolaeva84@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена медиадискурсу в контексте реализации символической политики, понимаемому как семиотическое пространство производства интерпретаций социальной реальности и формирования политического сознания и мышления. Мозаичность отмечена как априорная характеристика массового политического сознания. Предложено авторское определение медиадискурса. Проблематизированы концепции аутопойэзиса Н. Лумана и критического дискурс-анализа Н. Фэркло. Определены «символические» функции медиадискурса в отношении массового политического сознания. Обобщены приемы формирования регионального медиадискурса в период пандемии коронавируса в Ивановской области в 2020—2021 гг. Сделан вывод, что медиадискурс, выступая средством трансляции норм и идеологических ценностей, в концепте символической политики оказывается средой для внедрения и трансляции интерпретаций социальной реальности.

Ключевые слова: медиадискурс, массовое политическое сознание, мозаичность политического сознания, клиповое сознание, социальное конструирование, символическая политика, медиапотребление, общественное мнение

Для цитирования: Николаева А.С. Региональный медиадискурс и мозаичность массового политического сознания в эпоху COVID-19 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 167—178.

Original article

REGIONAL MEDIA DISCOURSE AND THE MOSAIC OF MASS POLITICAL CONSCIOUSNESS IN THE ERA OF COVID-19

Anna S. Nikolaeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to media discourse, in the context of the implementation of symbolic politics understood as a semiotic space for the production of interpretations of social reality and the formation of political consciousness and thinking. Mosaic nature is noted as an a priori characteristic of the mass political consciousness. The author's definition of media discourse is proposed. The concepts of N. Luhmann's autopoiesis and N. Fairclough's critical discourse analysis are problematized. The "symbolic" functions of the media discourse in relation to the mass political consciousness are determined. The methods of forming a regional media discourse during the coronavirus pandemic in the Ivanovo region in 2020—2021 are summarized. It is concluded that media discourse, acting as a means of translating norms and ideological values, in the concept of symbolic politics turns out to be a medium for introducing and translating interpretations of social reality.

Keywords: media discourse, political consciousness, mosaic of political consciousness, clip consciousness, social construction, symbolic politics, media consumption, public opinion

For citation: Nikolaeva A.S. Regional media discourse and the mosaic of mass political consciousness in the era of COVID-19, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 167—178.

В условиях развития информационного общества проблема мозаичности политического сознания приобретает большую значимость. Прежде всего с точки зрения формирования общественного мнения, настроений в обществе и главным образом целенаправленного действия масс, групп и индивидов. Массмедиа становятся не только системой коммуникации, но и источником власти, выступают инструментом для производства и распространения символического содержания. Медиадискурс в реализации символической политики — это ресурс, канал, семиотическое пространство производства интерпретации социальной реальности и формирования политического сознания и мышления в целом. В свою очередь, характеристики мозаичности политического сознания, а также вклад медиадискурса в процесс его формирования наиболее ярко выражаются в период социально-политической нестабильности и происходящих общественных преобразований.

Актуальность темы обусловлена тем, что на современном этапе развития общества роль медиадискурса резко возрастает: он становится одной из определяющих подсистем глобального общества, где коммуникация является важнейшим видом деятельности. Актуальные социально-философские концепции возводят общественные отношения к универсальному закону: информация суть главная субстанция в обществе как социальной системе, а коммуникация обеспечивает не только существование самой системы, но и ее самопостроение и самовоспроизводство. Главным же свойством медиадискурса становится не отражение, а конструирование социальной реальности,

а также построение, сохранение и воспроизводство системы массмедиа как замкнутой подсистемы.

Политическое сознание. Политическое сознание имеет сложную структуру и выступает как совокупность знаний, оценок, представлений и идей, которые выражают интересы индивидов, групп, классов, государства. Зафиксируем классификацию политического сознания по субъекту политики: *индивидуальное* (информация, мотивация и ценности личности, обеспечивающие познание политики и участие индивида в ней); *групповое* (установки и мотивы конкретных классов, слоев, групп, партий); *массовое* (общественное мнение, настроения и действия широких групп населения).

Выделим уровни политического сознания. *Идеологический* уровень формируется определенными социальными группами на основе *целенаправленного* исследования политического процесса. *Психологический* уровень формируется на базе жизненного повседневного опыта. Основы формирования политического сознания на идеологическом уровне определяют такие его характеристики, как целостность, систематизированность, способность к прогнозированию. Идеологический уровень связан с выработкой концепций, идей, понятий, воплощается в программах, проектах. Психологический уровень характеризуется эмоциональностью, подвижностью, размытостью, аморфностью, противоречивостью, поверхностностью, несистематизированностью. Необходимо отметить, что уровни политического сознания тесно связаны между собой, и в процессе формирования политического сознания структуры пересекаются, оказывают взаимное влияние друг на друга. Для активизации тех или иных характеристик и закрепления определенных установок, знаний и идей используются разные уровни воздействия, включаются различные механизмы и приемы.

Среди предпосылок, которые лежат в основе мозаичности политического сознания, выделим прежде всего источники его формирования, социальный контекст и механизмы, активно участвующие в процессе его формирования. Так *источниками* выступают в первую очередь семья и близкое окружение; информация в процессе коммуникации с внешними субъектами (в процессе межличностного общения в различных социальных ситуациях в повседневной деятельности и информация из средств массовой информации), а также личный опыт человека (получение и интерпретация знаний о социальной реальности, принятие или отвержение этого знания). *Контекст* — исторический, политический, экономический, социокультурный, религиозный — включает реальные общественные отношения. В итоге контекст детерминирует самоидентификацию индивида, групп и масс в обществе, выработку индивидуального, группового и массового отношения к политической ситуации. В формировании политического сознания задействованы различные *механизмы* — как институционализированные (общественно-политические институты), так и скрытые (например, технологии манипуляции массовым сознанием, массовая психология, производство и поддержание социальных мифов и др.). Таким образом, мозаичность является одной из конституциональных, априорных характеристик политического сознания.

В связи с мозаичностью политического сознания нередко используют такой термин, как «клиповое сознание». Концепция дискуссионна и подвергается критике. Термин «клиповое мышление» произведен на основе трудов Э. Тоффлера, который рассматривает клип-культуру как одну из характеристик массового сознания. Среди характеристик клиповой культуры он выделяет

мозаичность и фрагментарность, яркость, кратковременность образа, быструю смену другими образами, разрозненность и др. [Гоффлер: 277—280]. Предпосылки этой идеи мы находим у М. Маклюэна, который полагает, что современное общество трансформируется в «электронное». Он вводит понятие «глобальной деревни», где довлеют электронные средства коммуникации и многомерное восприятие мира, а «телеграф, радио и телевидение ведут к постепенному отчуждению от гомогенной ментальности печатной культуры» [Маклюэн: 246]. В отечественных исследованиях термин «клиповое мышление» использует Ф. Гиренок, который полагает, что клиповое мышление приходит на смену понятийному мышлению в период активного развития электронных средств массовой коммуникации. Клиповое сознание не мыслит, а визуализирует мир, — считает он [Гиренок: 5]. Российский культуролог К. Фрумкин подчеркивает и обращает внимание, что клиповое мышление — это вектор в развитии отношений человека с информацией. К отрицательным характеристикам он относит мозаичность и разрозненность восприятия окружающего мира, а к главным достоинствам — большую скорость обработки информации, при этом он отмечает особенность — предпочтение нетекстовой, образной информации. При этом, по его мнению, «посттекстовое» мышление «наступает» не только благодаря развитию электронных средств массовой коммуникации, а по причине потребности быстрого усвоения информации на разнообразных темах [Фрумкин: 28].

Концепция «клипового мышления» релевантна с той точки зрения, что позволяет по-новому взглянуть на концепт сознания современного человека и на способ восприятия, усвоения информации, характерный для определенных групп. В терминах медиадискурса мы рассматриваем клиповое сознание как феномен, определяющий восприятие и усвоение информации в информационном обществе, характерный для конкретных целевых аудиторий — прежде всего молодежных — который необходимо учитывать.

Медиадискурс и медиапотребление. Процесс формирования политического сознания обусловлен существенным влиянием средств массовой информации, которые выступают одним из главных инструментов воздействия. Перейдем к рассмотрению проблематики медиадискурса и его роли в формировании и функционировании политического сознания.

Особое место в научных исследованиях занимает концепция М. Фуко, который определял дискурс как общую систему производства знаний, объясняющую типичные для данного общества и исторической эпохи практики вербальной и невербальной коммуникации. Деятельность людей, по его мнению, сводится к дискурсивной практике, которая представлена как совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства сами условия выполнения функции высказывания [Фуко: 227—228]. Таким образом, дискурс становится важным элементом формирования политического сознания в данном обществе на конкретном этапе исторического развития и в определенном контексте.

В свою очередь, медиадискурс может быть определен как совокупность процесса производства и результатов речевой деятельности в сфере средств массовой информации, то есть взятые во взаимосвязи предмет (тема), субъект (автор), объект (аудитория) и способ производства высказывания в медиасреде в определенном пространственно-временном и семиотическом контексте.

Рассматривая проблематику медиадискурса, стоит обратить внимание на концепции второй половины и конца XX века, согласно которым дискурс определяет главные сферы жизни общества: он формирует ментальность и представление о мире, проводит социальную идентификацию и социальное позиционирование, определяет личную индивидуальность человека. Механизмы функционирования медиадискурса представляют собой такую социальную практику, которая направлена на социальное конструирование и включает создание социальной идентичности и формирование политического сознания.

Система массмедиа обособилась как подсистема общества благодаря достижениям технологического развития и изобретению технологий распространения информации. К массмедиа в концепции аутопойэзиса социальных систем относятся новости / репортажи, реклама и развлечения, то есть «все общественные учреждения, которые используют для распространения сообщений технические множительные средства» [Луман: 10]. Н. Луман указывает, что успех и эффективность массмедиа достигается за счет общественного признания тех тем, которые задаются в медиадискурсе. В этом процессе СМИ задействуют различные факторы селекции информации [Там же: 49—58]. Среди них автор выделяет следующие: неожиданность, новая информация; количественные данные; конфликты; локальная направленность; нарушение норм; сохранение и воспроизводство морали; интерес к личностям; концентрация на отдельных событиях; мнения под видом новостей и др.

Н. Фэркло предложил концепцию дискурса как способа реализации властных отношений, а также разработал методику изучения коммуникации в обществе — критический дискурс-анализ. Отдельное внимание он уделит проблеме отношений языка и власти, языка и идеологии. Автор концепции предлагает рассматривать два основных аспекта отношений власть — язык: «власть в дискурсе» и «власть, стоящая за дискурсом». Он анализирует власть в разговорном дискурсе «лицом к лицу», власть в «межкультурном» дискурсе и «скрытую силу» дискурса средств массовой информации [Fairclough: 43]. Существенной характеристикой медиадискурса оказывается здесь резкое разделение между производителями текстов и интерпретаторами: медийный «продукт» приобретает черты товара, а интерпретатор становится «потребителем» [Там же: 51]. При этом СМИ действуют как средство выражения и воспроизводства власти доминирующего класса и блока, однако эта власть скорее имплицитна.

Аспекты взаимодействия СМИ с политическими структурами рассматривает С. Страшнов, выделяя несколько исторических традиций: инструментальная модель (СМИ как ретранслятор и коллективный организатор масс), модель «четвертой власти» (журналист как «властитель дум» и лидер общественного мнения) и модель независимого социального института (медиатор, организатор дискуссий, общественного диалога) [Страшнов 2010: 42—57]. Региональный аспект медиадискурса автор раскрывает через понятие «глокализации» Р. Робертсона, которое синтезирует сосуществующие и взаимосвязанные тенденции глобализации и регионализации (локализации) медиадискурса [Страшнов 2017: 37—44]. Эти механизмы обеспечивают интенсификацию обмена информацией между центром и периферией в коммуникативном пространстве.

Рассмотрим проблематику медиапотребления в российском обществе на современном этапе. Медиапространство объединяет традиционные средства массовой информации — телевидение, радио, печатные издания, а также

новые медиа, включающие онлайн СМИ, социальные медиа. При этом технологические преобразования активно влияют на развитие российской медиасреды. Сегодня Интернет — это не только новая технологическая платформа для издания (выхода в свет, трансляции) СМИ, но и среда для общения людей, площадка для реализации образовательной и познавательной, развлекательной, управленческой, экономической функций информации. В. Коломиец определяет *медиапотребление* как «совокупность повседневных практик потребления символического содержания продуктов медиа и осуществления социальных связей и взаимодействий», как ситуативную деятельность, в рамках которой люди воспринимают информацию, перерабатывают ее, учитывая социальный и пространственно-временной контекст [Коломиец: 61—62].

Проиллюстрируем выводы о современных тенденциях медиапотребления в России исследованиями компании «Медиаскоп», опубликованными в июне 2021 года (рис. 1). 65 % населения России смотрели телевидение каждый день, хотя бы раз в месяц ТВ смотрели 97 %. Каждый день радио слушали 55 % населения страны, а хотя бы раз в месяц — 87 %. К прессе обращались 66 % граждан. Пользовались Интернетом хотя бы раз в месяц 84 % населения страны, а среди жителей страны до 24 лет — почти 100 %. В среднем жители России каждый день проводят в Интернете 3 часа 40 минут, и сегодня это время равно среднему времени просмотра ТВ. Самые популярные темы — социальные проблемы (60 %), политика в России (42 %), семья, дети, дом (25 %)¹.

Рис. 1. Аудитория медиа в России, Медиаскоп, 2021

Для Ивановской области как одного из регионов центральной России эти тенденции также характерны: порядка 40 % участников онлайн-опроса, проведенного в социальных сетях в 2021 году, выбирают интернет-СМИ в качестве источников информации, столько же — телевидение.

¹ Медиаскоп: Аудитория медиа. 2021. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/cd5/Adindex%20City%20Conference%202021%20Mediascope.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

Согласно данным ВЦИОМ, с 2019 года структура медиапотребления в стране устойчива: сформировалось стабильное ядро телезрителей, интернет-пользователей, а также пользователей, выбирающих гибридную модель медиапотребления. Более половины опрошенных — активные пользователи и телевидения, и интернета, к обоим источникам информации они обращаются не реже нескольких раз в неделю (53 %)².

Функции медиадискурса. Учитывая разветвленную структуру средств массовой коммуникации, а также ускоренное технологическое развитие инфосферы, медиа становятся одним из определяющих источников и механизмов формирования политического сознания. Функционал медиадискурса по отношению к политическому сознанию гораздо шире, чем детерминация характеристики мозаичности. Медиадискурс способен удовлетворить запрос на соответствие структуре политического сознания.

Медиадискурс: а) совпадает своими свойствами по мозаичности с политическим сознанием; б) отражает структуру политического сознания и отвечает его сложносочиненной системе; в) вносит существенный вклад в процесс перехода от порядка к хаосу и наоборот, выступая в качестве интегративного и дезинтегративного инструмента и их комбинации в формировании политического сознания.

Интегративная функция медиадискурса позволяет структурировать, создавать ядро, транслировать, поддерживать и воспроизводить содержащиеся в политическом сознании знания, оценки, представления и идеи. *Дезинтегративная функция*, напротив, реализуется как распределение внимания между различными источниками информации при всё возрастающем потоке информационных сообщений, разных по содержанию, форме и смыслу, которые сознание не может упорядочить и составить стройную систему.

С точки зрения субъектного подхода к формированию политического сознания особый научный интерес имеет концепт «*символической политики*». Современные, в том числе российские ученые (О. Малинова), определяют символическую политику как деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [Малинова: 13]. В этом смысле медиа (и традиционные, и новые СМИ) выступают инструментом, ресурсом для производства и распространения символов. Главный функционал символической политики заключается в социальной инженерии или социальном конструировании реальности, он тесно связан с функционированием политического сознания. В терминологии «социальной конструкции», которую развивали П. Бергер и Т. Лукман, социально конструируемая реальность — постоянный динамический процесс воспроизводства людьми интерпретаций и знаний о реальности, причем «язык может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и “превращать” их в объективно существующие элементы повседневной жизни» [Бергер, Лукман: 70]. В этом смысле создаваемые социальные конструкции тесно связаны с процессом формирования политического сознания. Еще точнее — социальное конструирование реальности выступает как организованный, целенаправленный процесс по формированию политического сознания, а медиадискурс

² Аналитический обзор ВЦИОМ: Тренды медиапотребления. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022> (дата обращения: 20.11.2022).

служит проводником, средой, ресурсом для создания и внедрения социальных конструкций при активном использовании функционала СМК в зависимости от целей субъекта символической политики.

Медиадискурс в период социально-политической трансформации.

Наиболее ярко характеристики массового политического сознания проявляются в период социально-политических проблем, которые вызывают всеобщую озабоченность, а крайняя степень переживания обществом этой проблемной ситуации выступает образующим фактором политического сознания. В период кризисных ситуаций, когда привычные правила жизни теряют свою актуальность, рождается потребность в немедленных действиях, выработке новых норм, ценностей, образцов поведения, возникает необходимость перестройки сложившихся в политическом сознании компонентов. Именно таким критическим переживанием для российского общества в 2020—2021 гг. стала эпидемия коронавируса. При этом возникшая в сфере общественного здоровья проблема потребовала перестройки и в других общественно значимых сферах — в экономике, политике и общественных отношениях.

В переломный момент ускоряются процессы функционирования индивидуального, группового и массового политического сознания, форсируются все стадии формирования политического сознания. Мозаичность политического сознания как одна из его структурных характеристик проявляется ярче. Человек обращается за короткий период к различным источникам получения знаний о социальной реальности, а информационный поток кратно возрастает, как для того, чтобы удовлетворить возросший спрос на информацию, так и с другой стороны — как результат работы по целенаправленному формированию медиадискурса со стороны акторов.

На первом этапе возникает состояние аномии, разрушения в сознании привычных норм поведения, нарастания неустойчивости и противоречивости ценностных ориентаций, размываются групповые интересы, нарушаются ранее действовавшие конвенции в обществе. Это первоначальный этап неопределенности довольно кратковременный. Далее начинается естественный процесс преформирования структур политического сознания. В этот момент оно крайне податливо внешнему воздействию. В массовом политическом сознании естественным образом возникает потребность в упорядочении извне: общество немедленно должно удовлетворить потребность в информации, в выработке новых норм, ценностей, образцов поведения. В этот момент медиадискурс как ресурс и среда для создания и внедрения социальных конструкций становится одним из определяющих институциональных механизмов формирования массового политического сознания и общественного мнения.

Приведем данные ВЦИОМ о динамике общественного мнения в России относительно эпидемии коронавируса в самом начале марта 2020 года³. В феврале — начале марта большинство жителей страны были уверены, что эпидемии коронавируса не произойдет. С принятием противоэпидемических мер, введением ограничительных мероприятий, и главным образом — со стартом активной информационной кампании уже к концу марта более 50 % жителей страны были уверены, что эпидемия случится / уже началась (рис. 2).

³ Влияние пандемии на российское общество в разрезе данных ВЦИОМ, 2021 год. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2021/Forum_regiony_Abramov.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

КОРОНАВИРУС В ВОСПРИЯТИИ РОССИЯН: НАЧАЛО

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В РОССИИ?
(в % от опрошенных, дата опроса: 08.02.2020 г.)

• В феврале и начале марта 2020 года большинство россиян были уверены, что эпидемии коронавируса в России не произойдет

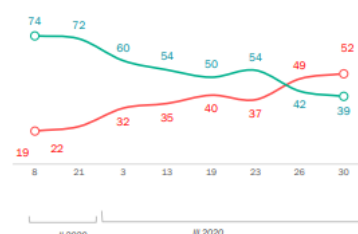

Рис. 2. Коронавирус в восприятии россиян, ВЦИОМ, февраль — март 2020

По данным опроса ВЦИОМ, уже в апреле 2020 года абсолютное большинство (75 %) опрошенных поддерживают действия местных властей по предотвращению распространения коронавируса. Лишь 13 % респондентов заявили, что они не поддерживают принятые меры. Поддержка решений растет с возрастом, однако наиболее низкий уровень поддержки фиксируется среди респондентов 25—34 и 35—44 лет (64 % и 70 % соответственно)⁴ (рис. 3).

В целом вы скорее поддерживаете предпринимаемые руководством вашего региона меры по установлению режима самоизоляции граждан для борьбы с коронавирусом или скорее не поддерживаете? Если вы ничего об этом не знаете, то так и скажите (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

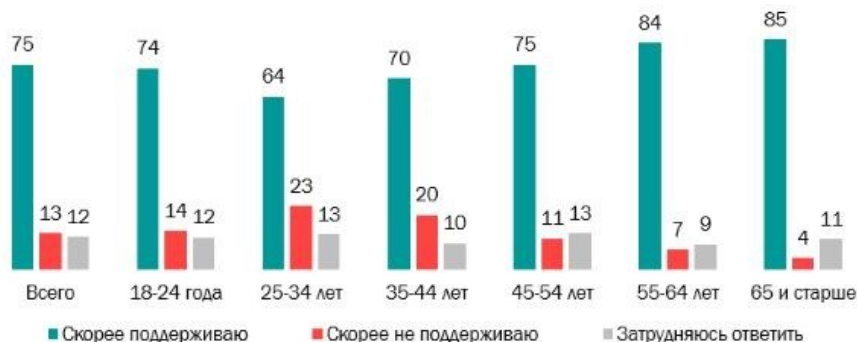

Рис. 3. Поддержка мер борьбы с коронавирусом, ВЦИОМ, апрель 2020

Рассмотрим содержательную сторону медиадискурса в России: именно на март 2020 года приходится агрессивная информационная кампания. В момент неопределенности и отсутствия полной информации воздействие

⁴ Аналитический доклад ВЦИОМ. Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskiy-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij> (дата обращения: 20.11.2022).

направлено в первую очередь на эмоционально-психологический уровень политического сознания. Таковы цели построения кампании и формирования регионального медиадискурса в Ивановской области в период эпидемии коронавируса: пробуждение и / или усиление интереса к теме коронавируса; смена приоритетов в повестке дня; повышение активности жителей в соблюдении противоэпидемических норм, поддержка ограничительных мер, а затем и популяризация вакцинации как главного метода борьбы с COVID-19.

Выделены следующие приемы формирования регионального медиадискурса: а) ежедневный поток новостей с детальными подробностями, рационализация принимаемых юридически-значимых решений; б) доминирование в инфополе резонансных заявлений спикеров и ярких, эмоциональных медиатекстов; в) широкое распространение апелляций к авторитетным источникам, к личному опыту рядовых граждан, а также лидеров общественного мнения в группах; г) апелляция к мнению большинства; д) создание сообщений для каждой из целевых групп с акцентом на характерные для этих групп цели и ценностей; е) дезинтегративные сообщения / визуальные образы, культивирующие у аудитории чувства страха, неопределенности. Все эти методики широко распространены как в традиционных СМИ, так и в новых медиа, а также в социальных рекламных кампаниях этого периода.

С точки зрения осмысления механизмов идеологического воздействия на массовое политическое сознание исследователи часто обращаются к идеям, которые выразил Х. Ортега-и-Гассет, подчеркивая, что власть всегда и везде опирается на общественное мнение, держится на нём. Он отмечает неприспособленность масс к принятию разумных решений и формированию правильных мнений и настаивает на том, что общественное мнение должно входить «извне под давлением, как смазка в механизм» [Ортега-и-Гассет: 119—120]. Д. Ольшанский указывает, что массовое общественное мнение — это результат работы с базисным эмоционально-действенным уровнем, а затем и с рациональным уровнем, то есть оно выступает как макроформа массового политического сознания [Ольшанский: 324]. Массовое сознание обобщает индивидуальные и групповые мнения, преодолевает или снижает различия и формирует таким образом массу людей, придерживающихся единого общественного мнения.

В этом смысле медиадискурс выступает средством трансляции норм и идеологических ценностей, инструментом формирования общественного мнения, а в концепте символической политики — средой для внедрения и трансляции интерпретаций социальной реальности. При установлении доминирования заданных интерпретаций можно говорить о достижении цели консолидации общества вокруг идей, ценностей, идеологий. Медиадискурс при этом отражает структуру политического сознания и отвечает его сложносочиненной системе. Широкий функционал медиадискурса как одного из основных инструментов, позволяет, таким образом, влиять на процессы формирования политического сознания, управлять общественным мнением, внедрять социальные конструкции в массовое сознание и мобилизовать массы на определенные действия.

Список литературы / References

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
(Berger P., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge, Moscow, 1995, 323 p. — In Russ.)
- Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
(Girenok F.I. Clip consciousness, Moscow, 2016, 256 p. — In Russ.)
- Коломиец В.П. Медиа среда и медиа потребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58—66.
(Kolomiets V.P. Media environment and media consumption in modern Russian society, *Sociological research*, 2010, no. 1, pp. 58—66. — In Russ.)
- Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практика, 2005. 256 с.
(Luman N. *The reality of mass media*, Moscow, 2005, 256 p. — In Russ.)
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
(McLuhan M. *The Gutenberg galaxy: The making of typographic man*, Kiev, 2004, 432 p. — In Russ.)
- Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН, 2013. 421 с.
(Malinova O.Yu. *Constructing meanings: a study of symbolic politics in modern Russia*, Moscow, 2013, 421 p. — In Russ.)
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
(Olshansky D. *Fundamentals of political psychology*, Yekaterinburg, 2001, 496 p. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
(Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*, Moscow, 2002, 509 p. — In Russ.)
- Страшнов С.Л. Из словаря «Актуальные медиапонятия» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2010. № 1. С. 42—57.
(Strashnov S. From the dictionary «Actual media concepts», *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, no. 1, pp. 42—57. — In Russ.)
- Страшнов С.Л. Актуальные медиапонятия: опыт словаря сочетаемости. Иваново: Издательские решения, 2017. 296 с.
(Strashnov S. *Current media concepts: the experience of the dictionary of compatibility*, Ivanovo, 2017, 296 p. — In Russ.)
- Толфлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. 784 с.
(Toffler A. *The third wave*, Moscow, 1999, 784 p. — In Russ.)
- Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // *Ineternum*. 2010. № 1 (2). С. 26—36.
(Frumkin K. Global changes in thinking and the fate of textual culture, *Ineternum*, 2010, no. 1 (2), pp. 26—36. — In Russ.)
- Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
(Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*, St. Petersburg, 2004, 416 p. — In Russ.)
- Fairclough N. Language and Power, *Language in social life series*, New York, 1996, 259 p.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 24.01.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 24.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Николаева Анна Сергеевна — аспирантка кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anikolaeva84@rambler.ru

Nikolaeva Anna Sergeevna — postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEW

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 179—187.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 179—187.

Рецензия

УДК 811.11; 821.11; 821.13

DOI: 10.46726/И.2023.1.18

НАВЕДЕНИЕ НАУЧНЫХ МОСТОВ ЧЕРЕЗ БУРНЫЙ ПОТОК ВРЕМЕНИ

*Рец. на кн.: Современная германистика и западноевропейская
литература: коллективная монография. Вып. 4
/ отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2022. 440 с.*

Константин Михайлович Денисов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия, megy-go-round71@mail.ru

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karпова@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на 4 выпуск коллективной монографии «Современная германистика и западноевропейская литература», которая создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова. В рецензии отмечен многоплановый характер работы, включающей исследования авторов из различных вузов России, посвящённых теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Ключевые слова: германистика, лингвистика, слово, смысл, значение, литература

Для цитирования: Денисов К.М., Карпова О.М. Наведение научных мостов через бурный поток времени // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 179—187. *Рец. на кн.:* Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 4 / отв. ред. А.В. Иванов. М.: Флинта, 2022. 440 с.

© Денисов К.М., Карпова О.М., 2023

2023. Вып. 1 •

Review

**MAKING SCIENTIFIC BRIDGES
THROUGH TORRENTIAL STREAM OF TIME**

Book review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature: collective monography, iss. 4, ed. by A.V. Ivanov, Moscow: Flinta, 2022, 440 p.

Konstantin M. Denisov

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of the collective monograph “Modern Germanic Philology and Western-European Literature”, created due to the initiative of the Learned Council D 212.163.01 of Nizhniy Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolubov. The review underlines the diversity of the covered topics, which includes research results, carried by scholars from different Russian higher educational institutions, devoted to theoretical aspects of Germanic studies and western-European literature.

Keywords: Germanic studies, linguistics, word, sense, meaning, literature

For citation: Denisov K.M., Karpova O.M. Making scientific bridges through torrential stream of time. *Book Review: Modern Germanic Philology and Western-European Literature: collective monography, iss. 4, ed. by A.V. Ivanov. Moscow: Flinta, 2023, 440 p., Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2023, iss. 1, pp. 179—187.*

Рецензируемая коллективная монография является четвертым выпуском серии «Современная германистика и западноевропейская литература», которая создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном университете им. Н.А. Добролюбова. Издание этого коллективного произведения пришлось на непростой год в отношениях России и Западной Европы, когда многим стало казаться, что рушатся мосты взаимопонимания, и в этой связи его следует рассматривать как свидетельство огромного интереса отечественных деятелей науки к германским языкам и западной культуре, их заинтересованности в сохранении гуманитарного научного диалога.

Издание подготовлено коллективом из 23 авторов — членов диссертационного совета, а также молодых лингвистов и литературоведов. Они представляют различные школы и поколения ученых из университетов и научно-образовательных центров одиннадцати городов России — Владимира, Вятки, Горловки, Иванова, Казани, Калининграда, Москвы, Нижнего Новгорода, Петропавловска-Камчатского, Самары и Томска. Коллективная монография (в дальнейшем именуемая «книга») включает четыре самостоятельных раздела. Справочный материал монографии содержит список из 116 терминов, терминослов и номенов, формирующих лексико-понятийный остов ключевых опор с постраничным указанием их встречаемости (427). Сводная библиография книги содержит 362 оригинальные работы, в том

числе 236 монографий, статей и справочников на русском языке и 176 источников на иностранных языках.

Первый раздел книги «Актуальные проблемы современной лингвистики» включает девять глав, раскрывающих концептуальную сущность понятий когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, дискурса, стилистики и лингводидактики. Он открывается главой Л.М. Бондаревой «Лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты историографического текста». Как представитель Калининграда Л.М. Бондарева в качестве первого элемента конструкции научного моста между востоком и западом делает вклад в изучение языковой реализации субъективного фактора в немецкоязычных историографических текстах. Автор вскрывает специфику взаимодействия летописца как автора, соавтора и комментатора текста и читателя как заинтересованного реципиента информации о реконструируемом прошлом. Думается, что автор верно определяет пафос историографического дискурса. Вовлеченность читателя в историческую ретроспективу во многом определяется субъективной позицией летописца, способностью последнего передать не только фактографию материала, но и собственную оценку событий и исторических личностей.

Вторая глава Н.А. Голубевой «Когнитивное моделирование номинативной системы языка», построенная на материале словарных статей и дискурсивной реализации отдельных номинативных единиц в немецком языке, раскрывает читателю когнитивные приемы и механизмы, с помощью которых формируется «прецедентно-номинативное микрополе» (ПНМ) и формируется номинативная микросистема. Автор дает определение ПНМ как совокупности пропозиций, которые объединяются единой когнитивной матрицей и отображают известность, традиционность и повторяемость сущности или понятия через какую-либо номинативную единицу, вокруг которой каждый раз создается ее когнитивное пространство. Интересны наблюдения автора над процессом развития прототипических номинаций и попутного создания динамической многоуровневой модели восприятия, трактовки и описания понятийной истории слова.

Автор теории институционального дискурса В.И. Карасик выступает в третьей главе с темой «Настенное изречение как лингвокультурный дискурсивный феномен». Автор затрагивает важную тему частного текстового способа сохранения культурных ценностей. Настенное изречение (НИ) именуется им жанром речи, назначение которого состоит в продвижении определенных норм и правил поведения, выраженных в лаконичной форме и соотносимых с автосемантическим высказыванием. Широкое распространение подобных максим Владимир Ильич Карасик объясняет потребностью видеть этические ориентиры в эпоху постмодернистской нейтрализации культурных ценностей и превалирования игрового мировосприятия. Этот жанр возник в немецкой культуре и затем распространился в Новом Свете. В эпоху Интернет-коммуникации возникли две электронные разновидности НИ — серьезные и шуточные изречения. Первые затрагивают основы мировосприятия и соотносятся, с одной стороны, с пословицами, поговорками и афоризмами, а с другой, с более частными оценочно-назидательными установками. Вторые выражают критическую оценку навязываемых норм поведения либо формулируют те или иные ценности в парадоксальной форме.

В четвертой главе «Группа выразительных средств создания избыточности в немецком литературном языке» ее автор Ю.В. Кобенко выстраивает

типологию данных средств, которые решают прагматическую задачу заострения внимания и могут образовывать отдельный сегмент в экспрессивном репертуаре немецкого литературного языка. Большое значение в определении типов играет функциональный параметр «контекстуальных ролей». Автор подробно разбирает явление избыточности на морфосинтаксическом и текстовом уровне, приводя интересные примеры использования различных приемов преобразования высказываний в сложной стилистической текстуре литературного произведения.

Пятая глава первого раздела книги «Языковые средства достижения перлокутивного эффекта в текстах социальной рекламы (на примере современного немецкого языка)» под авторством Ж.В. Никоновой представляет собой результат комплексного исследования прагматической перлокуции — самого загадочного и непредсказуемого компонента коммуникативного акта. На примере немецкого языка Ж.В. Никонова демонстрирует предпосылки достижения перлокутивного эффекта как с помощью лексико-синтаксических средств, так и некоторых невербальных элементов визуального ряда. Читателю будет интересна также история возникновения и развития социальной рекламы как особых креолизованных текстов, создающих специфическое информационное и воздействующее поле.

Шестая глава Постниковой С.В. «Система адъективной лексики в немецком языке: субклассы и тенденции развития» демонстрирует динамический характер данного отдела частеречной композиции морфологической системы немецкого языка. Особенности семной конфигурации пределов генерализованных значений позволяют автору выделять наряду с традиционными разрядами качественных и относительных прилагательных промежуточные и гибридные подклассы и лексико-семантические группы. Анализ языкового материала показывает размытость границ между этими группировками, что обуславливает семантико-функциональную гибкость прилагательных и взаимодействие адъективов в системе, приобретающей все более аксиологический характер.

С.Е. Рахманкулова представляет седьмую главу под названием «Полевая организация системы синтаксических моделей простого предложения современного английского языка: лингводидактический аспект». Автор уделяет внимание так называемой семантико-синтагматической синонимии, когда одно и то же коммуникативное значение может передаваться различными способами. Структуры делятся на ядерные, отличающиеся клишированностью и периферийные, изучение и использование которых способствует достижению большей гибкости и выразительности. Ядерно-периферийные разновидности синтаксической модели исследуются на примере простых предложений с подлежащим и глагольным сказуемым. Применение подхода континуальности синтаксиса простого предложения рассматривается в практике преподавания английского языка как иностранного. Данное исследование, на наш взгляд, имеет хорошие перспективы в направлении связи данных моделей с интонационной составляющей звучащей речи и лингвостилистикой.

В восьмой главе «Языковые средства выражения пространственно-временного континуума в дискурсе научной фантастики» В.А. Тырыгина затрагивает основную концептуальную проблему современной когнитивной лингвистики. Категория пространственно-временного континуума как одна из основ герменевтики рассматривается на материале научно-фантастического

произведения. Исследование фокусируется на потенциальных возможностях языковых средств для описания темпоральных и локальных характеристик. Вслед за М.М. Бахтиным автор объединяет пространственно-временные характеристики в рецептивный конструкт континуального хронотопа. В.А. Тырыгина последовательно рассматривает языковые средства формирования трех смыслообразующих хронотопов: первичного, промежуточного и финального хронотопа назначения. Основной заслугой автора является, на наш взгляд, гармоничное сочетание литературоведческого и лингвистического видов анализа при описании художественного текста.

В.В. Федоров представляет результаты собственного лингвостилистического исследования в девятой, заключительной главе первого раздела книги «Публицистика в ряду функциональных стилей английского языка». В своем исследовании автор осмысляет функционально-стилистические особенности современной англоязычной публицистики. Неоднородность публицистических текстов позволяет разделить их на три уровня, представляющих собой воплощение некоего инварианта. Весь регистр публицистического стиля составляют тексты единые по стилеобразующим параметрам, но отличающиеся по своим языковым характеристикам. Границы стиля проходят там, где доминируют вербальные средства оформления языковой функции общения либо там, где явно превалируют вербальные средства воздействия.

Второй раздел книги «Языковые контакты и варьирование» содержит главу «Немецкий переселенческий этнос в истории России и Крымского полуострова» за авторством О.В. Байковой и В.М. Бухарова. В ней систематизируются и обобщаются данные об истории, культуре, образовании, религии и языке крымских немцев. Авторы представляют материалы собственных полевых этнографических исследований на территории Крыма, проведенные ими в трехлетний период с 2018 по 2021 год, а также данные, полученные из источников отдела этнографической литературы Крымской Республиканской библиотеки им. И. Франко и периодических изданий. Авторы приходят к выводу о том, что диалектный вариант немецкого языка крымчан германского происхождения является единственным фактором сохранения их национально-культурной идентичности. Особый статус Крыма, его непростая и увлекательная история привлекают внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, общественных деятелей и политиков.

Третий раздел книги «Слово — смысл — значение» собрал работы лексикологов, лексикографов, терминологов, семасиологов и переводоведов. Он открывается главой Е.М. Григорьевой «Учебные словари английского языка нового поколения». В ней автор дает развернутое определение данного типа словарей, основанное на развитии их структуры и специализации. Материалом исследования послужили современные английские печатные словари и их онлайн версии. В работе используются методы наблюдения, критического анализа и сравнительного описания. Особое внимание уделяется инновациям в процессе получения, обработки и представления лексического материала, а также процедуре обучения пользователей технике извлечения необходимых знаний. Подчеркивается большое прикладное значение данных лексикографических произведений для углубленного изучения английского языка на всех этапах и во всех видах этого сложного и увлекательного процесса.

Одним из направлений когнитивной лексикографии является изучение идеологии исторически маркированных справочников. Примером такого рода

исследований служит вторая глава раздела «Милитарная двуязычная “вспомогательная” лексикография для вермахта» (автор Дубинин С.И.), в которой рассмотрены языковые, прагматические и дискурсивные особенности кратких немецко-русских разговорников, словарей и словников 1941—1944 гг. для военнослужащих германской армии. Данные издания стали документами, отражающими реальное отношение захватчиков к языку и культуре оккупируемой страны (в данном случае СССР) и демонстрирующими компоненты нацистской военной имиджологии.

Третья глава А.В. Иванова «Diphthong: опыт исторического описания термина» раскрывает терминографическую историю известной фонологической дискуссии о пределах монофонемности / бифонемности сложных звуковых образований в германских языках. В ходе исследования автору удалось очертить границы дифтонга как монофонемного явления в немецком языке. На основе анализа теоретико-грамматических и лексикографических источников, опубликованных в Германии в период с XV по XVIII в., автор прослеживает эволюцию фонематического статуса дифтонга. В ходе историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа А.В. Иванов систематизирует терминологические номинации понятия «Diphthong».

Т.К. Иванова представляет читателю четвертую главу под названием «Особенности перевода паронимов: сопоставительное исследование семантики межъязыковых близнецов (английский и русский языки)». В исследовании речь идет о семантике так называемых межъязыковых паронимов на примере английского и русского языков, рассматриваются причины их появления и принципы классификации. На отдельных примерах исследуется развитие и изменение значения для установления языковых особенностей, соотношение частеречной принадлежности анализируемых единиц. Происхождение и структура паронимов русского и английского языков (как дальнеродственных систем) свидетельствуют об общем их происхождении и изменении первоначального значения в ходе исторического развития.

В пятой главе «Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка)» руководитель Ивановской лексикографической школы О.М. Карпова рассматривает цифровую парадигму английской лексикографии в эпоху Интернета. В главе описываются задачи цифровой англоязычной лексикографии, ее новый терминологический аппарат, особенности сосуществования печатных и электронных версий словарей, миграция словарей в Интернет, современные тенденции развития англоязычной лексикографии. Особое внимание уделяется рассмотрению изменения портрета пользователя цифрового информационного пространства, новым цифровым тематическим лексикографическим проектам, электронному корпусу для общих и специальных целей, репертуару справочников английского языка различных типов и объемов на мобильных телефонах для определенных целевых групп пользователей. О.М. Карпова отмечает, что меняется сам вектор развития словарной науки. Во-первых, она стала междисциплинарной и объединила в процессе создания справочников нового поколения профессионалов из разных сфер: информатики, психологии, педагогики, терминоведения, истории, культуры и т. д. Во-вторых, наряду с профессиональной стремительно развиваются новые направления киберлексикографии: онлайн, волонтерская, коммерческая, лексикография для досуга. Создание мобильных приложений для смартфонов расширяет рынок лексикографических услуг и повышает доступность, оперативность получения информации

и ее привлекательность для широкого круга пользователей различных возрастов и прежде всего для молодежи.

А.Э. Левицкий и Т.Н. Никульшина представляют шестую главу раздела под названием «Семантика цвета в картине мира английской народной сказки». Авторы анализируют семантические и лингвокультурные особенности базовых цветообозначений в сказочной картине мира англичан. Основными методами исследования являются: описательные и словарные дефиниции; лингвокультурологический, семантический, компонентный и количественный анализ материала. Базовые цвета как один из основных перцептивных признаков сказочного в англоязычном социуме обладают сетью смысловых значений, ассоциаций и толкований, и в английских народных сказках номинируют объекты природы, быта и область сверхъестественного как свойство сказочного мира. Основными факторами, влияющими на особенности членения различными этносами лингвоцветовой картины мира, являются: окружающая природа, история, культура и социальные процессы.

Тема седьмой главы, представленной профессором В.Т. Малыгиным, звучит так: «Австрийский юмор как лингвокультурологический феномен». В работе речь идет о национальных особенностях австрийского юмора. Будучи важным показателем культуры и когнитивной деятельности человека, юмор относится к числу важнейших компонентов национального менталитета. Яркой особенностью австрийского юмора является самоирония. Виктор Трофимович Малыгин анализирует австрийские шутки и анекдоты, приводит примеры самобытности австрийского юмористического отношения к жизни в сопоставлении с юмором немцев. Исследование проводится на историческом и языковом материале. Перспективы изучения австрийского юмора включают такие аспекты юмористической коммуникации австрийцев как семантика, прагматика, синтактика и синтагматика. Автор приходит к выводу о том, что процессы глобализации расширяют общую палитру смеховой культуры австрийцев, но не стирают при этом ее национального своеобычия, отражающего систему ценностных ориентиров, базирующихся на ощущении радости и комфорта.

Восьмая, заключительная глава третьего раздела «Параллельный корпус и художественный перевод» (автор С.А. Маник) повествует о практике использования параллельного корпуса в анализе единственного перевода детской сказки Нортон Джастера «Мило и волшебная будка». Глава в целом посвящена вопросам автоматизации переводческой деятельности. Исследование описывает специфику художественного перевода, особенности параллельного корпуса, а также варианты и проблемы его применения. Основной сложностью в использовании параллельного корпуса, по мнению автора, является асимметрия в членении и организации текстового континуума в ИЯ и ПЯ, которую переводчику приходится преодолевать что называется «вручную». Главным преимуществом использования параллельного корпуса, на наш взгляд, является оперативное выявление «узких мест» в переводе: лакун, непереводаемости переносных значений, игры слов и т. п. Критический анализ существующего перевода позволяет получить информацию о способах и приемах перевода таких мест, а также оценить качество и степень адекватности перевода отдельных частей текста и текста перевода в целом.

Четвертый раздел книги «Теоретические аспекты литературоведения» включает две главы. Первая из них носит название «Прозрение через падение: концепт “успех” в одноименном романе Лиона Фейхтвангера» (авторы

С.Н. Аверкина и Г.И. Родина). В работе рассматриваются две антропологические проблемы: стремление человека к успеху, легко ускользающему от победителя, и прозрение через потери, падение и страдание. Глава посвящена творчеству известного немецкого писателя Лиона Фейхтвангера, который еще в двадцатые годы прошлого века предсказал опасность распространения фашизма и особенно ярко отразил это в своем знаменитом романе «Успех». Успех — это ключевое слово для понимания того, как было организовано общество во времена Веймарской республики. Авторы исследуют пути реализации концепции успеха на онтологическом, политическом и бытовом уровнях. В конце повествования все успешные персонажи Фейхтвангера переживают карьерный крах, и лишь немногие возрождаются через падение. Только дельцы и национал-социалисты всегда успешны. Их успех непоколебим. Это явление характерно для всех времен. Идея Фейхтвангера делает роман актуальным и сегодня. Оригинальность исследования заключается в том, что произведение Фейхтвангера рассматривается как роман, написанный в жанре альтернативной истории.

Вторая глава «Мир Пруста: между реальностью и вымыслом» (автор А.Е. Бочкарев) символически завершает и заключительный раздел, и книгу в целом. Марсель Пруст не воссоздает в своем романе реальность как таковую, а преобразует ее в подобие реальности, некий «мультимодальный симулякр». В этом случае реальность как таковая заменяется способами ее репрезентации. Думается, что Марсель Пруст явился предтечей того экзистенциального мира, который реализуется на наших глазах, и наши представления о нем формируются за счет виртуальной вселенной новейших средств коммуникации, в рамках которой так просто оказалось построить убедительную картину мира в соответствии с любой тенденциозной моделью, формирующей и формирующей новое сознание.

Следует отметить, что выход в свет коллективной монографии «Современная германистика и западноевропейская литература» является важным событием для лингвистов и литературоведов нашей страны, поскольку содержит результаты новейших исследований, отличающихся глубокой проработкой актуальной проблематики с привлечением исторических, культурологических, социологических данных. Теория и практика современных исследований тесно связана с новейшими технологиями, позволяющими обрабатывать огромные массивы специального материала и оперативно доносить до пользователя результаты актуальных прикладных исследований, внедрять результаты в учебный процесс на всех его стадиях. Представляется, что уважительное и заинтересованное изучение западных языков и литератур не должно остаться без ответа со стороны наших зарубежных коллег. От научного сообщества во многом зависит формирование будущего мира и его благополучие.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 16.12.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 10.12.2022; approved after reviewing 16.12.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about authors

Денисов Константин Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru

Denisov Konstantin Mikhailovich — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 2, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;

2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с приставным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: http://hylaea.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2023. Вып. 1**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреевна*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 22.03.2023 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 14,2. 5,37 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

• Серия «Гуманитарные науки»

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год